

ДМИТРИЙ ХВАН

АНГАРСКИЙ СОКОЛ

ШАГ В АНОМАЛИЮ
АНГАРСКИЙ СОКОЛ
МЕЖДУ БАЛТИКОЙ И АМУРОМ

Зерно жизни

Дмитрий Хван

**Ангарский сокол: Шаг в
Аномалию. Ангарский Сокол.
Между Балтикой и Амуром**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Хван Д. И.

Ангарский сокол: Шаг в Аномалию. Ангарский Сокол. Между Балтикой и Амуром / Д. И. Хван — «Издательство АСТ», 2019 — (Зерно жизни)

ISBN 978-5-17-113414-3

Сибирский край семнадцатого века. Завораживающе красивая и одновременно отчаянно суровая байкальская земля. Тайга, полная непуганого зверья и не знающая топора. Местные племена, живущие своей жизнью и не ждущие чужаков из иного мира. Эксперимент российских учёных, решивших потягаться силами с Природой, привёл к тому, что именно сюда попадают люди из века двадцать первого, века городского комфорта, автомобилей с подогревом сиденья, супермаркетов с уже нарезанной для вас колбасой и душевых кабин. Колония исследователей нового мира потеряла связь со своим временем, а надежда вернуться домой стала призрачной. Что делать? Выбор невелик – либо жить по законам окружающего мира, либо строить свой мир со своими законами. Смогут ли исследователи объединиться? Несомненно одно – их общая судьба теперь зависит от каждого члена экспедиции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113414-3

© Хван Д. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Шаг в Аномалию	6
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	91
Глава 9	101
Глава 10	113
Глава 11	125
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дмитрий Хван
Ангарский сокол: Шаг в
Аномалию. Ангарский Сокол.
Между Балтикой и Амуром

© Дмитрий Хван, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Шаг в Аномалию

Гибнет в потоке времени только то, что лишено крепкого зерна жизни, и что, следовательно, не стоит жизни.

В. Г. Белинский

Пролог

СССР, архипелаг Новая Земля, залив Рогачёва. Июль 1991

Со свистом рубя лопастями воздух, Ми-8 заходил на второй круг над небольшой группой людей в защитных костюмах красного цвета, которые спешно выгружали из доброго десятка моторных лодок свёрнутые транспаранты и прочее барахло. Высадившиеся на берегу советского полуострова Утиный люди были членами организации «Гринпис», которые на сей раз оставили в покое японских китобоев и решили озаботиться радиационной безопасностью северо-восточной Европы. Флагманский корабль флотилии экологов, носящий яркое имя «Arctic Sunrise», пришёл ещё вчера утром из норвежских территориальных вод и стал на якорь неподалёку от каменистого берега.

Поначалу гринписовцы хотели нахрапом высадиться в Белушьей Губе, но перед входом в бухту их жёстко блокировал пограничный корабль, поэтому судну экологов пришлось отойти к острову Ярцева. А через некоторое время на имя начальника военного гарнизона была принята телефонограмма из Москвы, как потом выяснилось, родившаяся в недрах комитета Верховного Совета СССР по экологии, призывающая выдворить иностранцев из советских территориальных вод. Но выдворить, не применяя силы, действуя лишь убеждением и увещеваниями. Чуть позже гарнизонное начальство получило ещё с дюжину сообщений из столицы.

В ночные часы полярного дня корабль пасли, но саму высадку экологов погранцы всё же проморгали – сказались невнятные и противоречивые приказы разнокалиберного начальства. Бывалые же борцы за чистоту природы, а заодно и кое-чьи интересы, спустив моторки с «Арктического восхода», успешно высадились на советской земле.

В составе экспедиции, заявленной советской стороне несколько дней назад, были экологи из США, Канады, Норвегии, Дании, Южной Кореи, Швеции и других стран. «Гринпис» заранее направил запрос на право посещения и высадки на Новой Земле в Министерство обороны СССР, но ответа не получил. Несмотря на это, ведомые не только экологическими, но и политическими, а также разведывательными целями, гринписовцы намеревались даже в случае отказа высадиться на Новой Земле и провести митинг, чтобы привлечь внимание всего мира к проблеме загрязнения окружающей среды радиоактивными отходами и последствиями ядерных испытаний. А часть митингующих, далёких от экологических проблем, хотела внимательно прощупать реакцию пограничников советской страны, находящейся на последнем издыхании. Окраины лихорадящего красного гиганта уже продолжительное время заявляли о себе: кто-то устанавливал таможенные посты, проводил митинги и референдумы о своей независимости, кто-то, в отсутствие крепкой руки, снова увлечённо занялся межконфессиональной и межплеменной резнёй, кто-то просто был недоволен полупустыми полками, нелепыми запретами и ограничениями, перебоями с товарами народного потребления. Основная масса людей находилась в состоянии напряжённого выжидания, до конца не понимая, что же происходит на свете и куда катится их страна? Ведь ещё недавно она казалась огромным материком стабильности в мире, взбудораженном биржевым крахом в США, последующей за ним девальвации американской валюты и вскоре пошатнувшихся цен на нефть. Людям казалось, что эти проблемы далеки от Союза и их повседневной жизни.

К полудню из посёлка Белушья Губа прибыл катер с военными моряками, и экологам было предложено немедленно покинуть берег и взойти на свой корабль. В течение дня посуди́на «Гринписа» должна быть отконвоирована в Полярный. На это «зелёные» ответили в своём духе – взяли и устроили костёр из моторок и, явно провоцируя моряков на применение оружия, стали обступать их, ругаясь и улюлюкая. Флотский офицер, связавшись с начальством, приказал морякам грузиться на катер. Отплытие военных гринписовцы приняли за свою победу и устроили настоящий праздник жизни, откупорив заранее заготовленные бутылки с шампанским. Американцы с радостью доложили по радиосвязи последние новости на свою базу в Норвегии. И теперь «зелёные» устанавливали огромные транспаранты с призывами «соблюдать и прекратить» в разных вариациях, демонстративно брали пробы вод грунта, постоянно снимая друг дружку на камеры, давали сами себе интервью, гримасничали и показывали непотребные жесты облетающему их лагерь вертолёту, вызванному с базы в Белушьей Губе. По-видимому, они отработывали по полной чей-то заказ. Кстати, как потом выяснилось, гринписовцы уже тогда имели на руках совершенно секретные лопманские карты фарватеров и множество другой закрытой информации. В этом им помогли всё те же депутаты Верховного Совета.

Дважды облетев лагерь экологов, Ми-8 совершил посадку на берегу полуострова. Прибывший из Белушки майор объявил группе нарушителей ультиматум – или они грузятся на пограничные катера и их отвозят на корабль, или они будут выдворены силой и в дальнейшем их ждёт судебное разбирательство за нарушение советского законодательства. В ответ разгорячённые алкоголем и подначиваемые советами кадровых разведчиков из своей группы экологи затеяли свару у вертолёта, освистав майора. Моряки, прибывшие с офицером, пытались мягко оттеснить буянившую публику от винтокрылой машины, но безуспешно. Несколько стоящих поодаль «экологов» довольно улыбались, наслаждаясь зрелищем. В конце концов наступила развязка конфликта. Кто-то из толпы кинул в сторону военных бутылку из-под шампанского и тяжёлое стекло точнёхонько врезалось в голову майора. Офицер, потеряв сознание, грузно осел на каменистую землю, придерживаемый одним из подчинённых, по его лицу потекли несколько струек крови. Моряки, синхронно щёлкнув затворами, открыли огонь в воздух – толпа ненадолго отхлынула, продолжая выкрикивать оскорбления в адрес военных. Советским воинам даже пришлось пустить в ход приклады, чтобы ретироваться самим и втащить раненого в вертолёт. «Василиса Прекрасная», как ласково называют свою машину вертолётчики, вскоре взмыла в воздух.

А пару часов спустя экипажи подошедших к полуострову пограничных катеров наблюдали сюрреалистическую картину. В лагере экологов происходило что-то непонятное: внезапно вырос высокий, на сколько хватало глаз, столб света, простреливший даже облака. После чего неожиданно всех поразила ослепительно белая вспышка, заставившая даже моряков в заливе зажмуриться и отвернуться, прикрыв ладонями глаза. Послышался громкий треск, схожий со звуком ломающихся деревьев. Ярко-белое свечение продолжалось в течение нескольких минут и затем, как внезапно появившись, внезапно и исчезло. Радировав на базу, катерники получили задание подойти к берегу и узнать, что произошло в лагере экологов. Сходить на берег им запретили.

Визуально обследовав берег, моряки передали в Белушку информацию о состоянии дел. В районе взрыва была повышенная температура воздуха, к тому же он был пропитан запахом серы, над головами раздавались щелчки. По берегу слепо бродили, спотыкаясь, обожжённые люди, одежда которых ещё дымилась. Многие сидели или лежали на земле, обхватив головы руками. К морякам, находившимся на открытых площадках катеров, долетали разноязыкие мольбы о помощи, стоны и крики боли ещё недавно торжествующих людей.

На борту подошедшего к полуострову МРК «Рассвет» бородатый мичман, ошарашено оглядывая берег в бинокль, проговорил окружавшим его матросам:

– Мужики, отсюда надо срочно уматывать! Тут работа для химиков, ещё схватим дозу, как в Чернобыле!

– Верно, мичман! Эти умалишённые, походу, взорвали какую-нибудь хрень из натовских арсеналов, – согласился старпом и хмуро посмотрел на небо, в котором до сих пор возникали небольшие всполохи да продолжался непонятный треск.

– А скоро умники с радио «Свобода» в этом обвинят нас, вот увидите! – добавил мичман.

Полярный день, как и ночь на широте Новой Земли длится долго, почти четыре месяца. Солнце не заходит за горизонт, и даже глубокой ночью светло, как днём. Сейчас, когда солнечный диск завис на небосклоне, а на часах было три ночи, к бывшему лагерю гринписовцев подошёл малый десантный катер. Аппарели опустили и на берег вышло два десятка человек из научно-исследовательской части в костюмах химической защиты. Едва они ступили на землю, к ним тут же начали подходить, подползать и тянуться люди в обгорелых одеждах, с обожжёнными руками и лицами, сгоревшими волосами. Многие слепо спотыкались и падали.

Старший группы майор Евдокимов вёл радиопереговоры с Рогачёво.

– Группа, каков уровень радиационного фона? – голос с едва заметной тревогой прозвучал в наушниках майора.

– В норме, база! – с облегчением выдохнул Евдокимов.

После Чернобыля ещё один возможный очаг заражения был бы дополнительным ударом по престижу страны. Да и обустривать близ Рогачёво ангар для облучённых людей не хотелось. Теперь всех пострадавших нужно было эвакуировать в больницы новоземельских посёлков, а тяжёлых отправить в Мурманск.

Вскоре майор понял, почему люди падали – глаза всех без исключения гринписовцев невидяще смотрели перед собой. Находясь в эпицентре вспышки, они ослепли. После того, как медики приняли на борт всех экологов, Евдокимов с подчинёнными внимательно обследовали участок берега, где произошла трагедия. Медленно ступая по тёплой ещё земле, военные специалисты обошли несколько тел, буквально вплавленных в каменистый грунт.

– База! Температура воздуха к эпицентру повышается, ощущаются вибрации в воздухе!

– Группа! Продолжайте осмотр, при любой опасности действуйте по обстоятельствам.

– Понял! – ответил майор и через пару минут добавил: – Становится жарковато. Подходим к эпицентру вспышки. База! Наблюдаю яму в земле.

– Уточните характер ямы.

– На поверхности земли изъят грунт в виде полушария. Диаметр около двух метров, глубина до полутора метров. Края ямы оплавлены, крупные камни буквально срезаны, как... как картошка!

В непосредственной близости от отверстия в земле грунт был сухой и горячий, а в самой яме, на дне, уже собиралась вода. Температура вблизи ямы, судя по показаниям прибора, была в норме.

– База! Вибрации в воздухе заметно усилились, нарастают неприятные ощущения, появилось чувство тревоги. Яма... Засасывает мою руку! База!

– Заканчивайте осмотр, майор, – услышал после некоторой паузы Евдокимов, с усилием выдернувший руку с измерителем из ямы. – Возвращайтесь, как только посчитаете нужным.

– База, понял вас! Продолжаю работу.

Евдокимов вдруг заметил нечто странное, лежащее неподалёку на земле. Приблизившись к предмету, он с удивлением узнал в нём сильно обожжённую человеческую руку с остатками одежды. Рука была отсечена по локоть, причём рана была чистой, а место отреза даже не опалено. Ожог начинался примерно с двух сантиметров от края раны. Позже по часам на этой руке будет установлено – она принадлежала канадцу Жану-Мишелю Вернье, единственному,

кто был объявлен пропавшим без вести. В результате этого происшествия сразу погибло пять человек, а в военном госпитале Мурманска позже скончались ещё двое пострадавших.

Несмотря на ультимативные требования Норвегии, США и прочих стран, чьи граждане пострадали в «результате атаки Советов на мирную экологическую миссию», передать выживших врачам американских кораблей, находившихся в непосредственной близости от советской границы, все они были оставлены в Мурманске. Северный флот тем временем был приведён в состояние повышенной боевой готовности. На второй день после происшествия в советской зоне Баренцева моря были замечены американские субмарины, которые ушли в нейтральные воды лишь после недвусмысленных манёвров советских подлодок, надводных кораблей и флотской авиации.

А в госпиталях тем временем шла работа с пострадавшими. На вопросы оперативников второго Главного управления Комитета госбезопасности они отвечали с трудом, речь их была бессвязна и малопонятна. Иностранцы обвиняли военных, что те испытали на них свои новые разработки, и это им даром, мол, не пройдёт, обвиняли СССР в неправомерном применении силы и обещали раздуть это происшествие в неслыханный доселе скандал. Корейский «Боинг» – это ещё цветочки, предупреждали они.

В течение следующих дней после тщательнейшего осмотра места трагедии не было обнаружено никаких следов взрывчатых, а равно и химических веществ, способных вызвать наблюдаемые ранее световые и тепловые эффекты. Военные специалисты продолжали работать круглые сутки, пытаясь обнаружить любые следы, оставленные экологами при активации вспышки. С отверстием в земле, уже ограждённым по кругу, работа велась отдельно. Поначалу специалисты лишились двух измерителей, которые пытались поднести к стенкам ямы. Казалось, неведомая сила вырывала приборы из рук, будто втягивавшихся внутрь отверстия в земле. Стенки ямы постоянно осыпались, но грунт и камни сразу исчезали, как бы растворяясь в воздухе. В яме исчезало всё, что попадало в неё целиком – от небольших приборов и до рукавиц. В связи с этим было решено использовать для изучения этой аномалии специальное оборудование, а пока предварительные данные исследования были переданы в Москву. Специалисты были перевезены в Рогачёво. А аэропорт посёлка уже готовился принимать рейсы из Мурманска. Вокруг ямы же было выставлено охранение из бойцов научно-исследовательской части.

Собравшись у поставленной военной палатки размером с железнодорожный вагон, офицеры из НИЧа обсуждали аномалию, делясь своими наблюдениями. Сходились на одном – в этой таинственной ситуации есть лишь вопросы, ответов нет никаких и в целом абсолютно всё произошедшее непонятного свойства. Чертовщина, говоря простым языком. Все, кто находился неподалёку от эпицентра, постоянно чувствовали непонятный зуд в теле, у любого человека явственно нарастало волнение. Однако эта яма одновременно не только пугала, но и притягивала к себе. Каждый, кто оказывался с ней рядом, чувствовали вибрацию и даже слышали неясные звуки, доносящиеся из чернеющего провала, будто где-то там гудел далёкий трансформатор.

Через некоторое время все направились в палатку, оставив дежурить рядом с ямой мичманов Васильева и Сафарова. Но когда пришло время следующей смены, офицеры не застали своих коллег на месте. Такого не могло быть! Все члены этого подразделения были высоко дисциплинированными и настоящими профессионалами, поэтому самовольно покинуть пост не могли. Значит, что-то случилось! Известив о чрезвычайном происшествии остальных, офицеры немедленно прочесали берег, в поисках пропавших мичманов. Однако следов их не было найдено.

– Стоп! Пройдём ещё раз! – приказал командир подразделения капитан Левченко. И тут же недоуменно произнёс: – Ничего не понимаю. Не белый же медведь их сожрал.

Белый медведь, конечно, тварь опасная, зимой отирается возле поселковых помоек или камбузов, жрёт отбросы и гарнизонных собак, а при случае может закусить бойцом. Но не

здесь же и не сейчас! Ещё раз обшарив каменистый берег и ближние холмы, люди вернулись к палатке, радировав о происшествии в Рогачёво. Вскоре на Утиный должны прибыть специалисты из посёлка. Капитан Левченко тем временем подошёл к зияющему провалу. Аномальная воронка буквально манила его к себе. Левченко протянул руку к стенке ямы. Рука тут же начала втягиваться внутрь неведомой силой. У капитана, к его удивлению, не было сил этому сопротивляться и только окрик стоявшего рядом лейтенанта, почувствовавшего неладное, заставили его отдернуть руку, завалившись набок. Теперь в том, что в аномалии пропали его товарищи, Левченко не сомневался.

Норвегия, Вардё, РЛС США «Have Star»

– Сэр, срочно! Вышел на связь наш агент на Новой Земле.

– Слушаю тебя, говори!

– Сэр, наш агент из разведывательного управления, по всей видимости, ранен. Он успел передать следующее: лагерь экологов, которым удалось высадиться на Новой Земле, накрыло новейшим бесконтактным оружием Советов.

– Характер оружия?

– По словам агента, это было лазерное оружие. Столб света тянулся из-за облаков. Едва он взглянул на него, отняв руки от лица, как ослеп. Он чувствовал, как горит его одежда и волосы, сэр. Он дико кричал, сэр!

– Советы испытали лазерное оружие? Мы займёмся этим. Ведите наблюдение.

– Да, сэр.

Московская область, Протвино. Июль 1997

Подмосковный научный центр – небольшой уютный городок на берегах реки Протвы, неподалёку от её впадения в Оку славен своими традициями. Здесь находится крупнейший государственный институт физики высоких энергий, а также филиалы многих других отечественных исследовательских центров. Ещё в 1960 году руководство СССР приняло решение о строительстве среди сосновых лесов научно-исследовательского комплекса, включающего крупнейший ускоритель заряженных частиц и установки для физических исследований. Город строился по плану, поэтому уникальна не только архитектура жилых кварталов, но и ландшафтный дизайн улиц.

Николай Радек начал работать в Протвино в 1987 года. А в 1991 году он попал на Новую Землю, участвуя в первом исследовании новоземельской аномалии. С того времени Радек опубликовал два десятка статей по входящей в моду эвереттике, касающейся возможности сосуществования параллельных вселенных и переноса между ними материи, правда, на квантовом уровне. Несколько хороших грантов и безупречная репутация учёного вместе с личным обаянием помогли ему организовать в институте исследовательский отдел, куда он привлёк таких же увлечённых людей, как он сам. И вот спустя шесть лет после возникшей аномалии был получен первый результат.

Весной 1997 года по коридорам, курилкам и лабораториям института физики высоких энергий начал гулять новый слух. Он заставил учёных вспомнить о новоземельском происшествии шестилетней давности, которое списывали на модный в то время НЛО, на происки американцев, на советское секретное оружие.

Об инциденте близ бывшего Полигона несколько раз имели неосторожность написать и бульварные газеты, и респектабельные издания, которые вскоре напрочь забывали о своих публикациях. А после пары несчастных случаев, произошедших с теми журналистами, кто особенно настойчиво интересовался «взрывом», о проблеме предпочли забыть. Устоялась и более не подвергалась сомнению официальная версия о взрыве самодельного взрывного устройства самих гринписовцев. Скандальный имидж самой организации «Гринпис» этому всецело спо-

собствовал. Для ищущих двойное дно в официальную печать с подачи заинтересованной стороны просочилось известие о детонации схрона вооружения и боеприпасов, которое было украдено группой военнослужащих из местного гарнизона. В доказательство приводилось два факта: процесс военного трибунала в Архангельске и после него найденные ещё три схрона, один из которых, ввиду его взрывоопасного состояния, пришлось подорвать. Эту «правдивую» версию озвучила и оппозиционная правительству радиостанция, за что поимела некоторые проблемы, после которых её режимоборческий имидж значительно укрепился.

Но вот группой молодых учёных под руководством кандидата физико-математических наук Николая Валентиновича Радека было установлено наличие у аномалии так называемого цикла активности. В институте лишь очень немногие знали, что стоит за исследованиями лаборатории Радека. Николай Валентинович не спешил раскрывать коллегам суть собственной работы, справедливо полагая, что результатом его исследований заинтересуются в Москве. Уже на следующий день после установленного наличия цикла некоторые выводы и предложения были отправлены по адресу, что был в своё время вызубрен Радеком.

Время шло, а гостей из столицы в Протвино всё ждали. Лишь в январе 2000 года в город прибыл кортеж из нескольких чёрных машин с тонированными стёклами. Николай Радек без лишней суеты сразу же позвонил домой, предупредив родных о том, что задержится на работе, повесил свой белый халат и, взяв папку с результатами многолетних исследований, отбыл в Москву. Через несколько часов, уже в столице, Николай лично докладывал о свойствах новоземельской аномалии и её цикле узкому кругу высших государственных чиновников и военных. Через некоторое время финансирование проекта было существенно увеличено, лабораторией было получено новейшее оборудование, на Новой Земле стали проводиться постоянные исследования. Над местом аномалии был выстроен ангар и подведены все коммуникации для комфортной работы учёных. Вскоре на основе протвинской лаборатории был образован НИИА. Институт расположился в Санкт-Петербурге, а возглавил его всё тот же профессор Радек. И теперь он ждал того дня, когда аномалия проснётся. Этой датой, рассчитанной Радеком на основе колебаний её контура, должно стать 22 июля 2008 года, день максимального расширения воронки. В этот день должна будет полностью подтвердиться его теория семнадцатилетнего цикла. Аномалия должна будет открыться, доказав правоту многолетних исследований учёного.

Глава 1

Мурманская область, Североморск. Июль 2008

Скромные занавески лениво колыхались от дуновения свежего прохладного ветерка, проникавшего в открытое окно тёмной однокомнатной хрущёвки. Вместе с ветерком в комнату залетали и звуки ночного города. Изредка гомонили подвыпившие гуляки, проносились машины и, доказывая приморское положение города, со стороны бухты доносились редкие гудки и тарахтение моторов. Город привычно засыпал, несмотря на висевшее над горизонтом солнце – полярный день был в самом разгаре. Собирался отойти ко сну и обитатель этой квартиры – Пётр Алексеевич Карпинский, мичман боевой части связи, БЧ-4, командир группы. Петр сейчас в отпуске, но отдыхает он не в Турции и даже не в ведомственных «Полярных зорях», а на старом, с потёртой обивкой диване, который в прошлом году забрал у родителей. Одним глазом он поглядывал на экран телевизора, сжимая в руке пустую пивную бутылку. Смотренный им уже раз сто старый добрый советский фильм, ещё и прерываемый через каждые десять минут порцией идиотских рекламных роликов, Петру невероятно наскучил. Поэтому, выключив голосащий на очередной рекламе телевизор, он прошлёпал в ванную, где честно попытался перед сном почистить зубы. Удавалось со скрипом, но надо себя заставлять, иначе чревато совсем разлениваться.

– А, оставлю, пожалуй, я это неблагодарное дело на утро, – пробормотал Карпинский, с неодобрением поглядывая на своё отражение в зеркале.

Вот так, выгородив сам себя, он решил ложиться спать.

«Лучше бы ряженки взял, голова теперь с утра будет раскалываться», – сонно проморгало отражение, недовольное поведением хозяина.

Пётр снова завалился на диван и тут же уснул, сотрясая комнату громким раскатистым храпом. Поворочался во сне, пытаясь устроиться поудобнее. Раскладывать диван и, тем более, стелить бельё ему было откровенно лень. Собственно, после тройки бутылочек «Кольского тёмного» и плотного ночного ужина так всегда и бывает. Когда он всё так же беспокойно смотрел уже десятый сон, в тихую североморскую ночь, как в плохом кино, ворвался телефонный звонок. Треклятый аппарат трезвонил, не переставая.

«Вот чёрт! Ведь уже сто раз хотел заменить это старьё на новый аппарат, с мелодиями», – с тоской подумал Пётр, пытаясь прикрыть уши подушкой в надежде, что тот вскоре замолкнет.

Конечно же, звонили со службы. Это было ясно, как божий день. Кто ещё ему позвонит в такое время? Петру вообще редко кто звонил, разве что родители из Мурманска, закадыка Вася Новиков... да и, собственно, всё. С девушками пока как-то не складывалось. Какой-то Пётр был неуживчивый, как заявила крайняя из них. А телефон всё звонил, скоро уже и соседи начнут по батарее стучать. «Неврастеники же, их ещё в перестройку облучали агенты КГБ», – с усмешкой подумал Пётр и обречённо поднял трубку. Так и есть, голос звонившего принадлежал главному корабельному старшине. И плевать ему, что ты в отпуске, Карпинский!

– Здравия желаю, товарищ главкорстар! Рад слышать! – едко бросил он в ответ, ожидая веской причины для столь позднего звонка.

Однако тот не собирался оправдываться, а лишь сухо проинформировал:

– Сейчас уазик подъедет, Пётр. Собираемся на площади у дома офицеров.

– Случилось что, Антоныч? – сипло проговорил Карпинский, уже проснувшийся от непривычно официального голоса старшины.

– Петя, у тебя минут двадцать. Узнаешь всё, но потом. Мне ещё людей обзванивать надо. – В трубке раздались частые гудки отбоя, отдававшиеся в ушах колокольным звоном.

Да, видимо, что-то серьёзное произошло. Иначе зачем на корабле сейчас нужен мичман, находящийся в долгожданном, но по-глупому дома проводимом отпуске. Одеваясь, Пётр по

инерции зашёл на кухню – проверить холодильник. Тот выглядел как обычно – старенький «Апшерон» был образцово чист, рядом стояли лишь три пивные бутылки да мамины баночки с непроверенным ещё содержимым.

Холостяцкий набор. Машинально поставленный на плиту чайник вскоре запищал кнопкой свистка, и Пётр маленькими глоточками с удовольствием стал потягивать горячий чай. Этот напиток он любил во всём его многообразии. Разве что с дорогими сортами отношения у него не складывались, так как стоимость оных была выше его любви к хорошему чаю. Окончательно одевшись и собрав кое-какое барахлишко, Пётр вышел из квартиры.

«Практически утро, – поёжившись, машинально отметил он. – Ну и где обещанный уазик?»

Не дав Петру времени поёрничать, из туманной дымки вырвался яркий свет фар, а за ним подкатила и машина. Тяжко скрипнув тормозами, она остановилась напротив Петра.

– Привет! И ты тут? – В машине уже находился его товарищ со школьной парты Василий Новиков, сержант-контрактник из отряда морской пехоты. – Здравия желаю, – Карпинский пожал руку коллеге-мичману, сидевшему впереди.

Немного повозившись, Пётр устроился на заднем сиденье. Непьющий Новиков, картинно сморщившись, тут же отвернулся в сторонку от запаха, исходившего от Карпинского.

– Слышно чего? – поинтересовался Пётр.

– Знаю только то, что наш БДК отправят к Новой Земле. Мы пойдём к Южному острову, к Белушке. Что дальше – не знаю, – ответил мичман, пожав плечами.

У «трапа», что на улице Душенова между кирпичными пятиэтажками, машина захватила ещё одного матроса с объёмным баулом. После чего УАЗ вырулил по направлению к бухте. Ехали молча, матрос пытался дремать и, что было удивительно, не задавал никаких вопросов. А тем временем окончательно рассвело.

Команду собрали на площади перед Домом офицеров. Моряки стояли в ожидании, что им скажет родное командование. Ими уже выдвигались разнообразные теории и предположения. Рядом с флотскими начальниками обращали на себя внимание незнакомые люди в штатском. Штатские и отцы-командиры негромко переговаривались между собой. Высшие офицеры, видимо, также находились в информационном голоде и сейчас безуспешно пытались задавать вопросы. Руководил сбором человек, в котором легко угадывались его высокое положение и властные полномочия.

Промозглая погода не радовала, дул мокрый порывистый ветер с моря. Карпинский уже порядком продрог, не лучше обстояли дела и у его соседей. Наконец, команда была построена, наличие людей проверено по списочному составу, после чего все направились к месту швартовки «Оленегорского горняка». Колонну вскоре обогнала кавалькада чёрных тонированных джипов и микроавтобусов, которые остановились у причала. Морякам стало ясно, что рейд пройдёт с пассажирами.

В бухте уже давно начался трудовой день. Сновали люди и машины, совершенно не обращающая внимания на команду БДК. Мало ли кого куда отправляют, кому есть до этого дело, кроме родных и друзей. Очередной выход в море, один из многих.

Члены команды были напряжены и задумчивы. Конечно, некоторые моряки, пересмеиваясь и ухмыляясь, обсуждали и сегодняшнюю беготню, и повседневные вопросы. Но общее напряжение по поводу экстренного выхода в море чувствовалось. Пётр нагнал Ивана Антоновича, главного корабельного старшину:

– Здоров! Что происходит-то?

– Да не знаю я, Петя. У Белушки сейчас «Профессор Штокман» стоит и там навалом учёных в спецодежде. – Пётр поднял брови, а Антоныч продолжил, отрешённо глядя в сторону: – Может, радиация, а может, химия какая, кто знает? Полигон всё-таки.

– Фигово, – протянул Новиков.

– Да, не к теще на блины, – уже раздражённо ответил собеседник.

– Ну, тогда должны бы и средства защиты уже раздать, – предположил Карпинский. – Так что вряд ли радиация.

– Не знаю! – повысив голос, старшина поставил точку в разговоре. – Позже узнаем, что сейчас в догадки-то играть?!

Наконец, прошла погрузка. В кубрики, помимо команды и отряда морской пехоты, подсадили небольшую партию учёных и работяг. Танковый трюм десантного корабля был набит стройматериалами и оборудованием под завязку. «Оленегорский горняк» взял курс на Новую Землю.

В капитанской каюте сидели двое. Главный человек на корабле – капитан первого ранга Фёдор Андреевич Сартинов и человек, в чьих руках находились бразды управления операцией. Представился он Павлом Константиновичем.

– Хотелось бы от вас, – разливая в чашечки ароматный чай, начал каперанг, – всё же услышать реальную причину нашего выхода в море.

– Да, конечно, сейчас уже можно, – с улыбкой ответил собеседник.

– Будьте добры, Павел Константинович, – кивнул Сартинов. – Люди задают вопросы. Они понимают, что одиночный выход в море со сбором отпускников, с задачами обычного похода – это несколько натянутое основание, – продолжил капитан.

– Логично. Было бы странно, если бы они думали иначе, – снова улыбнулся штатский и рассказал, наконец, капитану о сложившейся обстановке на Новой Земле:

– Ситуация у нас такая: в 1991 году на Южном острове вскрылась странная аномалия. Вы должны были слышать историю про неудачный рейд гринписовцев. Тогда погибло несколько человек, остальные ослепли и получили обширные ожоги тела. Один человек пропал.

– Да, я помню эту историю, – кивнул Сартинов. – Я склонен думать, что всё же это наши вояки испытали тогда новейшее оружие. Советские разработки, вы знаете, до сих пор составляют основу нашего ВПК.

– Нет, – покачал головой Павел Константинович. – Отдавая должное советским оружейникам, это были не плоды их труда. Это игра Природы.

Брови капитана взлетели вверх.

– Да-да, Фёдор Андреевич, – покивал рассказчик. – В том месте произошло открытие так называемого пространственного канала для выплеска лишней энергии. Мировая общественность, конечно, ни о чём не догадывается, но американское правительство в курсе.

– Они официально обвинили власти СССР в агрессии, – всё ещё обдумывая услышанное, напомнил Сартинов.

– Обвинили. Но далее этого не пошли.

– А что за пространственный канал?

– Дело в том, что в месте прорыва энергии образовался некий тоннель, – после некоторой паузы продолжил Павел. – В нём пропали два мичмана, которые должны были охранять место аномалии.

– Не понял, – насторожился капитан, оглаживая ёжик причёски. – Как это пропали?

– По всей видимости, один из парней каким-то образом исчез. Второй же, в нарушение всех инструкций, бросился его спасать. Так и пропали.

– Это было в девяносто первом?! – воскликнул капитан. – То есть прошло семнадцать лет!

Павел Константинович молча кивнул. Капитан, задумавшись, автоматически прихлёбывал остывший уже чай.

– Получается, – начал снова Сартинов, – что наш корабль и приданные морские пехотинцы должны обеспечить охрану периметра для безопасной работы специалистов?

– Верно, капитан, – согласился начальник проекта. – Работы ведутся уже восемь лет. Но сейчас замечена активность наших заклятых американских друзей. Северный флот, возможно, в скором времени будет приведён в состояние повышенной боевой готовности. На днях аномалия должна будет открыться.

– Даже так... – протянул Сартинов.

Далее Павел поведал Сартинову об установке, что везёт на архипелаг БДК. Созданный в Петербурге аппарат должен будет поддерживать открытое состояние аномалии.

– А что там, в этой аномалии? – осторожно спросил капитан.

– По всей видимости, новый мир, – неуверенно пожал плечами Павел. – А скорее всего, слепок нашего мира. Вы слышали ранее об эвереттике, капитан?

– Нет, – помотал головой Сартинов. – Вы так буднично говорите о новом мире...

– Может, там ничего и нет. Пока мы этого не знаем. На новый мир надеется руководитель научной части проекта.

Новая Земля. Июль 2008

Боевая штурманская часть не подвела. БДК-91 ткнулся носом в недавно освободившийся ото льда берег. Аппараты корабля опустились, началась разгрузка трюма: стройматериалы, оборудование, инструменты, тюки с одеждой, медикаменты, цинки с патронами и множество всего прочего, что было погружено в Североморске. Вплоть до раскладных креслиц для учёной части экспедиции.

В ангарах, стоящих на каменистом берегу, уже налаживалось оборудование и связь. Склады постепенно наполнялись с помощью юрких погрузчиков. Как и в 1997 году, когда началось серьёзное изучение аномалии, здесь снова было многолюдно. Место воронки в 2000 году было заключено внутри огромного ангара, так как аномалию следовало всё же упрятать от чужих глаз. Да и для нормальной работы учёных требовалась прочная крыша над головой. А то постоянно прописанный на Новой Земле резкий, порывистый ветер не давал непривычным к нему людям спокойно заниматься своими исследованиями. Яма, где аномалия была некогда засечена, давно уже была расширена и забетонирована для удобства работы. Вокруг неё, правда, стояло ещё старое оборудование, девяностых годов, которое сейчас снималось, а на освободившееся место монтажники собирали аппаратуру, доставленную на остров кораблём. Отряд морской пехоты тем временем занимал периметр базового лагеря. Карпинский за этим наблюдал с борта БДК.

На следующий день после полной проверки всех систем учёные начали работать с аномалией. Для начала были определены её границы. Она была зафиксирована по низкочастотным колебаниям давления воздуха с помощью микробарографа. Как оказалось, размеры её на данный момент не превышали диаметр средней обеденной тарелки. Посредством направленных на аномалию инфракрасных лучей удалось и воочию её увидеть. В воздухе висело бесцветное марево, изредка подрагивающее и переливающееся слабыми бликами света, идущими как бы изнутри. По внешнему своему виду это больше всего напоминало жидкое зеркало. Люди, стоящие вокруг подсвеченной аномалии, с застывшим на лицах восхищением наблюдали эту волшебную картину. Павел Константинович неспешно подошёл к светящейся аномалии и, преодолев небольшое внутреннее сомнение, мягко дотронулся до её поверхности, несмотря на предостерегающий жест начальника научной части профессора Радека. Пальцы его мягко обволокло. Эта субстанция не была похожа ни на жидкость, ни на эфир, она вообще не была похожа на что-то объяснимое. Это скорее был сухой песчаный ветер, зовущий за собой. Начальник проекта с трудом отбросил наваждение и отдернул руку, при этом отметил – что с сожалением. Внимательно наблюдавший за куратором Радек с усмешкой посмотрел на него:

– Притягивает?

Карпинский на берегу так и не побывал, в отличие от Васьки Новикова. Мичман лишь поёживался от ветра, привалившись к леерному устройству и наблюдая за авралом на берегу с палубы БДК. Он начинал завидовать другу, который был столь близко к недоступной ему аномалии. Тот рассказывал Петру удивительные вещи про парящее в воздухе жидкое стекло, воскрешая в памяти друга прочитанные тем сотни фантастических рассказов да просмотренных фильмов. Наблюдая за берегом, мичман видел, что там затевалось что-то действительно серьёзное, очень важное. Причём Пётр ясно понимал неким шестым чувством, что они – те, кто прибыл сюда на БДК, лишь первая часть. Самый мелкий винтик того процесса, что скоро тут закрутится на полную катушку. Ну и ладно, всё-таки, чёрт возьми, приятно чувствовать себя причастным к чему-то секретному и таинственному.

«Опять меня в романтику потянуло», – усмехнулся Пётр. Успевший до развала СССР немного попутешествовать по огромной стране благодаря отцовской службе, поучаствовать в нарождающемся взамен раскуроченной пионерской организации скаутском движении, ползать в горы, да чуть не утонуть из-за собственной любознательности в Байкале – это был Пётр. Главным своим богатством он считал стопки советских научно-популярных журналов да полки, полные книг.

Друг Карпинского, сержант из морской пехоты Василий Новиков, был уже давно на берегу, в самом центре событий – нёс караул у пространственной аномалии. О ней он и рассказывал своему другу в кубрике корабля, когда его отделение отправлялось на отдых.

– Ёшкин кот, Васька! Как бы мне хотелось тоже так же быть поближе ко всему этому!

Недавно вернувшаяся с берега группа морпехов сержанта Новикова отдыхала в офицерском кубрике БДК, когда туда же проскользнул и Карпинский.

– Ну что там сегодня творится, Вася?

– Сегодня закончили наладку оборудования и провели тесты, профессор наш радостный донельзя. Красиво там, чёрт возьми! Аномалия эта разным светом переливается.

– Что ещё? – присел на диванчик мичман, с интересом уставившись на друга.

– Когдаходишь к аномалии поближе, тело начинает ощущать вибрации. Довольно необычно, будто на дискотеке у колонок стоишь. А отходишь – нормально.

– Ничего себе... – выдохнул Пётр.

– Я смотрю, ты поближе хочешь эту зеркальную аномалию увидеть, Петруха?

– Спрашиваешь!

– Ну ладно, уговорил, в следующий раз пойдёшь в наряд. А Санёк отдохнёт, ему что-то нехорошо стало от этих трясок. – Санёк, ты как, согласен? – ухмыльнулся Новиков.

Александр пробасил, что, дескать, будет весьма неплохо, если сачканёт разок, а то что-то ему эти научные тряски совсем не по нутру – оно совсем поплохело после двух смен.

– Ну всё, Петя, готовься через четыре с четвертью часа быть в составе десантной бригады нашего славного БДК.

– Есть быть готовым, – с широкой улыбкой Карпинский приложил руку к пустой голове.

Новая Земля. Июль 2008

Радек с напряжением смотрел на аппарат, через пару мгновений его помощник подаст напряжение и цепь замкнётся. Ионно-плазменные волны начнут раздражать пульсирующее марево аномалии. По мере увеличения мощности аномалия должна начать раскрываться, словно створки ракушки. Перед пуском к группе учёных подошёл руководитель проекта:

– У вас всё готово? – спросил он.

– Да, Павел Константинович. Мы вполне можем приступить, – ответил невысокий человек в очках. – Отлично! От меня в Москве уже давно ждут информации.

Через некоторое время нарастающий гул голосов перерос в ликование. Аномалия, как и было запланировано, открылась. Но ненадолго – диаметр её не превышал пятидесяти пяти

сантиметров. Немедленно был отрегулирован уровень платформы на вход в аномалию. Теперь пришло время другой группы специалистов. Учёные из ЦНИИ робототехники и технической кибернетики чуть ли не танцевали вокруг своей машинки, похожей на маленький луноход с торчащими в разные стороны антеннами, камерами и манипуляторами. Внутри ангара учёные застыли у приборов, датчиков и экранов. Собрались все участвующие в эксперименте специалисты и управленцы. Вокруг них по периметру ангара стояли морские пехотинцы с невозмутимыми лицами. Всё было готово. Машинка, при полном молчании собравшихся людей, поскрипывая, неспешно покатила к аномалии, утягивая за собой разматывающийся из бухты толстый кабель. Казалось, что все участники проекта в этот момент боялись даже пошевелиться. Аппарат двигался очень медленно, люди смотрели, как он буквально растягивался, въезжая в аномалию, словно растягивая и её саму. Но исчез он разом, моментально, его поглотила та сила, что тянула внутрь себя и руку Павла. Люди облегчённо выдохнули и дружно загалдели.

– Связь?! – крикнул начальник.

– Фиксируется, связь стабильная, – ответили ему.

– Есть картинка! Вывожу на экран.

Все, кто был в ангаре, мгновенно повернули головы к большому экрану, на нём уже проступал сквозь белёсую пелену передаваемый аппаратом видеоряд. Люди ахнули, кто-то из женщин вскрикнул. На экране появилось изображение высокой травы, было видно мельтешение насекомых, затем камера, взяв выше, показала стоящие неподалёку высокие деревья, холмы, дальние горы, всё это щедро заливал яркий солнечный свет.

– Поступают первичные данные о климате и составе атмосферы.

Камера между тем взяла правее. Перед восхищенными взорами людей предстала идиллическая картина: также ярко освещенная солнцем гряда невысоких холмов, окаймлённых кустарником, переходящим в густой хвойный лес. Далее камера пошла было влево.

– Стоп! Камеру вправо! – приказал Павел Константинович.

Справа появился пляж с изумительно-белым песком и ярко-бирюзовая вода, по всей видимости, неглубокой бухточки. На заднем фоне слева возвышались горы, на которых угадывались белые шапки снега.

– Первичные данные по климату: температура плюс пятнадцать по Цельсию, юго-западный ветер, давление 756 мм, влажность 68 процентов.

– Павел Константинович, – сзади неслышно подошёл Радек, – можно вас на минутку?

– Конечно, у вас какие-то данные?

– Да, данные состава воздуха, – ответил учёный, немного нервничая. – Отойдёте?

В небольшом закутке близ нераспечатанных ещё коробок с оборудованием и инструментами профессор, сияя, словно начищенный самовар, доложил:

– Можете смело передавать в Москву: показания приборов дают основания полагать, что та атмосфера, по сути, является аналогичной земной атмосфере. То есть на той стороне аномалии мы имеем уникальную атмосферу, атмосферу, которая присуща живой планете!

– Это замечательно! – воскликнул Павел. – Теперь наиболее важным условием дальнейшей работы является недопущение утечки информации. Вы меня понимаете, профессор?

– Да, я вас понимаю, Павел Константинович. Я готов к этому, я шёл к такому шансу всю свою жизнь в науке... – проговорил Николай.

– Мне нужна конкретная информация по атмосфере, – остановил его Павел.

А отличалась атмосфера на том конце аномалии в гораздо лучшую сторону от своего земного аналога. Так, концентрация углекислого газа была гораздо ниже здешней, а кислород присутствовал в большем соотношении. Наличия же в воздухе последствий промышленных выбросов в атмосферу не наблюдалось вовсе.

– Планета без разумной жизни? – спросил начальник проекта.

– Возможно, – согласился профессор. – Или же социум не достиг нужного уровня развития.

Но при этом профессор пояснил, что соотношение кислорода и углекислого газа меняется на планете регулярно и это не всегда зависит от человека. Так же как и глобальное потепление, – роль человека тут чрезвычайно преувеличена. В одном только мировом океане, в этой толще воды растворено до девяноста пяти процентов углекислого газа. Если вода прогревается хотя бы на полградуса, следует выброс углекислого газа. Так что теория парникового эффекта предполагает обратную последовательность.

– Ясно, – Павел задумался. – Ясно лишь то, что этот мир либо не достиг высокого уровня развития, сопряжённого с загрязнением атмосферы, либо...

– Либо вышел на иной уровень, – закончил Радек.

– Ваш вывод? – Павел поднял глаза на профессора.

– Нужно смело входить внутрь, – выдохнул Николай и подрагивающими пальцами попытался вытащить сигарету из чужой пачки. Наконец, с большим трудом смог это сделать, чиркнул зажигалкой и, отбросив-таки сигарету, проговорил:

– Сомнения уже должны быть отброшены. Обратного хода нет, Павел, – Радек внимательно посмотрел на собеседника, как бы проверяя его. – Я уверен, что аномалия может поддерживаться в открытом состоянии сколь угодно долго. А в будущем, быть может, удастся и расширить её канал. Пока что на это требуются запредельные энергии.

Выйдя из ангара на свежий воздух, Павел в задумчивости присел на ступеньки. После нескольких минут размышлений он потянул из широкого кармана куртки спутниковый телефон.

Лето на Новой Земле уже вступило в свои права, буйство полярных цветов и сочной зелени соседствовало с лежавшим ещё кое-где рыхлым, ноздреватым снегом. Но люди, проводившие на Северах не один сезон, не в пример остальным, были рады и такому лету. Пусть сильный и холодный ветер, но зато этот ветер не несёт в лицо колючий снег. Пусть и еле согревающее, но зато – солнце. Десятки, сотни уток, гусей и других полярных птиц, прилетевших на архипелаг для вывода потомства, кружили над лагерем, расположенным на полуострове с говорящим названием Утиный.

А в лагере кипела работа. Аппарат, благополучно вернувшись из аномалии по команде оператора, снял гору с плеч научной части экспедиции. Итак, канал двухсторонний и это подтверждено. Новый мир является планетой земного типа, готовой к колонизации.

Павел сидел в своей палатке и с задумчивым видом выстукивал пальцами мелодию. После сеанса связи с Москвой он был крайне озадачен прытью кураторов проекта, которые потребовали немедленно организовать базовый лагерь на той стороне аномалии. Объяснения Павла о преждевременности такого решения, его сетования на малый диаметр окна, отменялись. Люди в Москве хотели максимально быстро обустроиться в новом мире, официально застолбив его, как первооткрыватели. Начальник проекта всё же смог уговорить подождать совсем немного до того момента, как произойдёт максимальное расширение точки перехода. А пока можно ограничиться наблюдательным аппаратом или группой разведки. Он предложил задействовать профессионалов, а не десантников срочной службы, пусть и с сержантским и офицерским составом, служащим по контракту. Однако в Москве были непреклонны – высылать группу людей и без промедления. Вероятно, вариант с колонизацией планеты уже был поддержан в самых высоких кругах. По-видимому, возникла необходимость обустроить местность вокруг аномалии на случай возможных требований по интернационализации проекта. Как бы то ни было, Павел получил приказ немедленно начать колонизацию планеты, до прибытия основных сил, выделяемых на проект государством.

Собрание руководящего состава экспедиции проходило в палатке Павла. Перезнакомившимся в рабочем порядке людям не нужно было представляться, поэтому начали сразу с главного. Первая группа заброса была составлена и утверждена.

Несколько дней спустя. Вечер 21 июля 2008

Собрав людей в отдельном ангаре, для начала Павел зачитал в порядке необходимой формальности список командиров экспедиции:

– Исполняющий обязанности начальника экспедиции Андрей Валентинович Смирнов, полковник морской пехоты ВМС России.

Встал сидящий слева от Павла невысокий коренастый мужчина с выбеленными висками и бульдожьей челюстью.

– Майор морской пехоты Алексей Сазонов, командир сводной роты, и майор морской пехоты Ярослав Петренко, начальник штаба лагеря, – заместители полковника Смирнова.

– Начальник научной части экспедиции – Радек Николай Валентинович, профессор.

Плотный, среднего роста человек в шерстяном свитере устаревшего фасона, сидевший справа от Павла, приподнялся и коротко взмахнул рукой.

– Партия рабочих специалистов, начальник Вячеслав Андреевич Соколов.

Из первого ряда поднялся высокий мужчина с роскошными усами, приветствуя собравшихся.

– Итак, дорогие друзья, – торжественно объявил Павел Константинович, – я рад сообщить вам, что наша работа началась. На завтра намечено открытие окна аномалии на максимальный уровень. Мы начнём переходить на ту сторону.

В зале раздались одобрительные крики, редкие аплодисменты. В основном люди восприняли это сообщение буднично. Все уже знали, что должно произойти завтра.

– Начальники групп, завтра утром у меня должны быть списки людей. А также типовые контракты с подписями согласных к участию в переходе.

– Говорили, что аномалия раскроется только на двое суток. Как бы нас там не закрыло, – выкрикнули из зала.

– Это исключено, уверяю вас! – воскликнул Павел. – Профессор Радек, скажите!

– Мы четвёртый день удерживаем увеличенное окно аномалии без каких-либо проблем. Я уверен, что мы так же сможем удерживать и большее окно, – объяснил людям профессор. – Опыт у нас уже наработан. Никаких проблем в удержании контура возникнуть не может.

Начальник проекта последним вышел с собрания и направился к аномалии. Там уже происходил конечный этап подготовки к завтрашнему погружению. Монтаж оборудования, бытовых узлов, отделочные работы, освещение и прочее. Рабочие сновали, словно муравьи. Был готов и ленточный транспортёр для быстрой переброски грузов на ту сторону. А в центре ангара плавало подсвеченное марево аномалии.

– Завтра, – негромко произнёс Павел.

Кубрик БДК-91 «Оленегорский горняк». 21 июля 2008

Карпинский после всех новостей ужасно нервничал и при виде Новикова строил такую рожу, что Василий в голос рассмеялся.

– Что, Петенька, уже боишься в аномалию прыгать?

– Нет, я не испугался! Просто как теперь выкручиваться? Мне же потом надо незаметно на корабль вернуться, а туда Саню ставить.

– Ты что, уже перехотел экзотики? – Новиков прищурился, и Карпинскому стало непонятно, то ли Васька придушивается, то ли издевается.

– Нет, не перехотел, – твёрдо сказал Пётр.

Норвегия, Вардё, РЛС США «Have Star»

- Сэр, сегодня опять замечена активность русских недалеко от Полигона.
- Да, мы следим за этой ситуацией, какие-либо перемены зафиксированы?
- Пока всё так же, сэр: большой десантный корабль, классифицированный как объект серии «Rorucha», научный корабль «Профессор Штокманн».
- Что ещё?
- Активное обустройство, куча народу, сэр.
- Что по аномалии?
- Всё так же, сэр. Состояние стабильное.
- Вашингтон уже интересуется данной ситуацией, усильте наблюдение. Вероятен вариант того, что нам придётся влезть в эту заварушку.
- Ясно, сэр.

Новая Земля, полуостров Утиный. Полдень 22 июля 2008

– Равняйся, смирно!

Майор Сазонов доложил о построении полковнику Смирнову.

– Вольно!

Сто двадцать бойцов, сержантов и офицеров сводной роты были построены в две шеренги. Карпинский притулился крайним левым во второй и старался не смотреть на полковника. Тот начал говорить речь, начал издавека, по-советски прошёлся по международному положению. Потом об аномалии. Как плохо кончилась безумная затея гринписовцев, как пропали два офицера из научно-исследовательской части ещё в 1991 году, как въехал и вернулся из аномалии научный аппарат. Рассказал про картинку, полученную аппаратом. О полной идентичности атмосферы той планеты атмосфере земной. И о том, что канал двухсторонний и оттуда можно без проблем вернуться.

Последующий ввод в аномалию аппаратов прошёл успешно и передаваемые ими в рабочем режиме данные положительные. В конце полковник предложил отказаться от экспедиции тем, кто сомневается или считает это опасным. Никто отказываться не стал.

– Отлично, с этим разобрались. Теперь, старшина первой статьи Карпинский и сержант морской пехоты Новиков после выполнения задания будут подвергнуты взысканию и прочим прелестям, которые этому сопутствуют, ясно, орлы?

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнули проштрафившиеся.

– Всё, проверить снаряжение и быть готовыми. Выдвигайтесь к ангару, – полковник направился к группе рабочих: – Вячеслав, как у тебя?

– Нормально, Андрей Валентинович, только двое отказались от перехода. Заменяю. Вот список ребят, шестьдесят два человека.

– Хорошо, готовность десять минут, становитесь шеренгой за бойцами.

Смирнов направился к учёным:

– Профессор Радек, вы готовы?

– О да, конечно, полковник. У нас всё готово, нас тридцать восемь человек.

– Хорошо, готовность десять минут, выходите к ангару, становитесь шеренгой за партией Вячеслава.

Бойцы и специалисты выстраивались в колонну по одному, каждый был нагружен под завязку. Первым ушёл в марево аномалии робот, для загрузки в него данных и первичной обработки результатов.

– Марш! – скомандовал Смирнов.

Люди, один за другим, стали пропадать в аномалии. Процесс несколько затянулся, последним в аномалии скрылся сам полковник. Павел, развернувшись, пошёл в свою палатку – докладывать в Москву о переходе первого десанта на колонизируемую планету.

Пётр, следуя за впереди идущим коренастым морпехом, не отрываясь смотрел на покачивающийся хлястик его рюкзака. Карпинский судорожно думал, хотел ли он такого испытания, где чёрт его знает, что будет дальше вообще, где ничего не понятно и, вероятно, слишком опасно. И с удивлением понял, что хотел он именно этого, что именно этого и не хватало в его жизни. Вот и оно.

Надвигалась почти достроенная конструкция над бетонной коробкой, рабочие оторвались от инструментов и молча провожали бойцов взглядами. Тень закрыла Петра, возник сумрачный свет от ламп. Карпинский, зажмурив глаза, входил в бетонный коридор. Над головами впереди идущих людей висело парящее марево – то самое жидкое стекло, о котором говорил Новиков. И вот оно всё ближе, люди один за другим пропадали в мгле, со стороны казалось, что их, поначалу самостоятельно вошедших в воронку, потом затягивало туда насильно. Карпинский зажмурил глаза и вошёл в аномалию, тут же она его обволокла тёплым и сухим объёмом и с силой затянула в себя. Машинально сохраняя темп шага, старшина вдруг ощутил ослепительно-белый свет, бьющий в закрытые веки, и почувствовал тёплый ветер с хвойным ароматом. Мгновенно и резко зашумело в голове, пришлось хватать ртом воздух, которого вдруг стало очень мало.

– Ах ты, ёшкин кот! Я уже там!

Мысли так и прыгали, голова раскалывалась, а глаза были буквально ослеплены ярким солнцем, и, лишь наткнувшись на чей-то рюкзак, Петр упал в прорастающую траву. Цепкие руки схватили его за плечи. Мичман открыл глаза и понял, что двое солдат оттаскивают его бесчувственную тушку в сторону от аномалии, дабы он не мешал выходу остальных.

– Парни, я сам! – запротестовал Пётр.

– Сам, так сам, – пробасил невидимый голос, и морпехи тотчас отстали от него.

Оклемавшись, Пётр отошёл в сторонку и, присев, начал наблюдать за ошалелыми рабочими, выходящими из... Да из ничего! Просто вот так вот вдруг из пустоты появляются люди. На выходе из аномалии никакого марева, как на входе, не висело, не было абсолютно ничего. Карпинский начал оглядываться, и от увиденной картины аж дух захватывало, а сердце просто-таки выпрыгивало из груди. Люди находились на невысоком и довольно пологом холме, покрытом травой и мелким кустарником. Слева за кустами начинался редкий лесок. Хвойные деревья группками росли и на соседних холмах. А дальше... О, дальше было нечто – высокие горы со снежными шапками и лес, зелёное море леса.

О, боже! Справа тоже было море, но море удивительно голубого, да нет, скорее бирюзового цвета, песочный пляж бело-светлого цвета, прибрежные скалы, мелкие островки, на которых тоже росли деревца. Всё это напоминало японские миниатюры, сходство было просто потрясающим.

Майор Петренко достал из своего рюкзака цифровую видеокамеру и принялся обзорно запечатлевать окрестности. Это было задание от Павла Константиновича для московских кураторов проекта. Смирнов начал раздавать команды. Морские пехотинцы, сбросив рюкзаки и приготовив свои АКС-74М, распределялись по небольшому периметру. Солдаты с ручными пулемётами Калашникова и снайпера с СВД занимали позиции немного позади. Остальные ставили огромные армейские палатки и выкладывали амуницию, шустро потроша сброшенные рюкзаки.

К Петру подбежал Новиков:

– Ну что рот раззявил? Давай за мной!

Трое бойцов, Карпинский и сержант Новиков заняли позиции за выходом из аномалии.

Тем временем все учёные уже вышли и вместе с рабочими занимались наладкой оборудования. Вячеслав громко командовал своими людьми, направляя ещё не отошедших от полученной нагрузки людей.

Только через полчаса ситуация более-менее успокоилась и прошёл первоначальный дискомфорт, связанный с резким перепадом давления. Люди, наконец, отошли от шока, вызванного перемещением в пространстве. Смирнов уже проводил первое полевое совещание, собрав вокруг себя офицеров и сержантов.

– Итак, сейчас у нас несколько задач. Первая, пока самая главная – осмотреться на местности. Майор Петренко, вы с группой пройдёте по периметру вокруг нас на удалении до километра. Дальше пока не заходить, связь каждые десять минут. Если заметите что-нибудь интересное, сразу на связь. Ясно?

– Так точно, товарищ полковник!

– Всё, выполнять.

– Есть!

Петренко быстрым шагом направился к бойцам, которые уже поставили палатку и разместили в ней амуницию и запасы пищи, и разделил их: сам он с двумя десятками морпехов пошёл налево через густые кусты, остальные – направо, через пляж. Через некоторое время группы должны были встретиться.

Смирнов же подошёл к Вячеславу Соколову, отвечавшему за техническое обеспечение первой заброски:

– Вячеслав, закончите обустройство и получите на своих ребят пистолеты. В моей палатке уже приготовили двадцать АПС в кобурах.

– Ясно, – Соколов побежал к своим подопечным.

Вечером, из марева аномалии вышел майор Петренко с отснятым на той стороне материалом. Его тут же поместили в изолятор, где провели первичное обследование. Вскоре выяснилось, что кроме прыгающего при переходе давления, все остальные показатели организма были в норме. То есть никакой видимой опасности для человека в проходе через аномалию нет. Однако карантин пока никто не отменял – мало ли там возможных инфекций? Хотя сам архипелаг был отличным местом для карантина.

Как поделился своими ощущениями Петренко, интересно было и то, что, если в ту сторону аномалия буквально насильно затягивала людей, то обратно пропускала совершенно свободно, без какого-либо отталкивания или упора.

Руководитель проекта приказал опять отправить в аномалию аппарат, подсоединив к тому кабель, и держать через него связь с ушедшей группой. Спустя некоторое время стали поступать сообщения.

Уже далеко за полночь Павел смог посмотреть принесённое видео, подключив камеру к своему ноутбуку. Не отрывая глаз и почти не дыша он созерцал окрестности холма и далёкие перспективы местности, великолепный морской пейзаж бухточки с изумрудной водой и первый поход группы по окрестностям лагеря. Восхищённо наблюдая за дисплеем, начальник экспедиции нервно теребил свой телефон. Вскоре он набрал номер, ответили моментально:

– Есть новости?

– Да и очень хорошие: проект абсолютно рабочий! Окно стабильно действует на вход-выход человека без проблем.

– Отлично. Что представляет собой местность за аномалией?

– Планета земного типа. Море, лес, горы, много зелени – внешне ничем не отличается от Земли. Воздух чистый, следов селений или местных жителей пока не наблюдается, я отправил людей на осмотр ближайшей местности. По нашим наблюдениям, эта планета и есть наша Земля, видимо, имеет место темпоральный скачок или параллельная реальность. Готов первый видеоматериал, в скором времени я отошлю его вам для ознакомления. И ещё: вчера, обследуя местность на той стороне, ребята чувствовали запах костра, а только что сообщили, что видели огонь, так что это или наши пропавшие бойцы, или местные. Как бы то ни было, утром в том направлении отправится исследовательская группа.

– Отлично. И докладывайте по мере поступления новостей. Да... и надо что-то делать по информационной безопасности и легенде для аномалии. Наши информаторы доложили, что американцы держат руку на пульсе. Пришло сообщение, в районе полуострова Рыбачий замечены две подлодки ВМФ США класса «Огайо». Так же выявлена концентрация атлантического флота США в районе Исландии. Скоро отправим к вам в помощь нашу команду. И, наверное, надо недалеко от норвежской границы провести учения Северного флота для остротки. Ладно, Павел, удачи.

Российский базовый лагерь «Новая Земля»

Солнце постепенно скрывалось за горами, расцветившая снежные шапки великолепным багровым цветом. В этом свете купался величаво развевающийся на прохладном вечернем ветру российский триколор, – картина была потрясающе красивая.

С час назад вернулись бойцы во главе с майором Сазоновым, проделав пешком по два эллипса по холмам и окружающим лесам. Ничего особенного не было обнаружено, однако один из бойцов отряда Зайцева утверждал, что чувствовал слабый запах мяса, готовившегося на костре. Отметив направление ветра, откуда якобы шёл запах, группа доложила Смирнову, но тот добро на вылазку в сторону не дал. В целом результатов не было, найденные следы животных и остатки процессов их жизнедеятельности – не в счёт. Завтра было решено устроить более глубокую разведку.

Перед ночёвкой запустили дизельный генератор и в палатках появился свет, но в центре лагеря всё равно загорелся костёр. Эта инициатива Смирнова вызвала у всех полное одобрение. Место аномалии отметили и рядом с ней были поставлены две палатки для подчинённых Радека, с другой стороны лагеря стояла палатка Смирнова. Работы по обустройству безопасности лагеря были закончены. По периметру установлено ограждение из колючей проволоки, насаженной на составные колья под метр высотой. Караул на постах сменялся каждые четыре часа, начкар, заместитель и разводящий заступали на сутки. Часть бойцов, чьё время дозора было с десяти вечера до двух ночи, завалились спать.

Василий уже похрапывал, а Пётр лежал с открытыми глазами. Завтра в разведку пойдёт его отделение. Как он хотел, чтобы завтра поскорее наступило! Ему лезла в голову всякая чушь про то, как он будет разведывать Новый мир, какой он будет первооткрыватель неизведанного, что-то среднее между Хабаровым и Дежнёвым. Убаюканный этой нелепостью, Пётр наконец погрузился в сон. И снилось ему чёрт знает что. Однако, когда Новиков разбудил его, все сны Карпинского куда-то улетучились, как он ни старался их припомнить.

– Петя, наша смена, быстрее очухивайся, – зашипел Новиков.

Пятёрка часовых Новикова заняла позиции по краям лагеря, лишь начкар Сазонов флажировал от поста к посту, изредка подбрасывая дровишки в прогорающий костёр в центре лагеря. Время пролетало довольно быстро, ничего особенного не было замечено, лишь постоянный шум прибора, всплески воды и редкие звуки животного мира ночного леса нарушали тишину ночи.

Вдруг Сазонова по рации вызвал на свой пост Евгений Лопехин, парень, призванный из Боровичей – маленького райцентра Новгородчины, с ним Карпинский даже немного скорешился.

– Товарищ майор, гляньте туда, огонь вроде, – Женя указал рукой направление в темноту.

Крошечный огонёк плясал отблеском на гребне далёкого холма. Полученный майором на Новой Земле бинокль ночного видения «Филин» подтвердил увиденное глазом. Костёр! Похвалив бойца за наблюдательность, майор проследил за далёким огоньком до конца своей смены и передал бинокль сменщику. Доложившись Смирнову о ночном костре, Сазонов получил указание отдыхать, а наутро готовить своё отделение к походу по направлению к отмеченному месту.

Глава 2

Уфа. Институт биохимии и генетики Уфимского научного центра РАН. Июль 2008

– Подпишите здесь и здесь. Спасибо, – улыбнулся молодой человек. – Сейчас вас отвезут домой и будут ждать. Потом поедem в аэропорт.

– Такая спешка? Зачем? – удивилась Катя.

– Это объясняется важностью работы. Вы уже определились с напарником?

– Да-да, определилась! – торопливо сказала она. – Елена Мышкина – мой ассистент.

Молодой человек, ещё раз улыбнувшись, кивнул и вышел из лаборатории. За ним засеменил поджидавший его у двери руководитель научного центра, на ходу выпрашивая о грантах и расширении научной базы института.

Спустя сутки

Екатерина Тимофеева, доктор биологических наук, вместе с коллегой тряслась на борту Ми-8АМТ, летевшего из посёлка Белушья Губа на полуостров Утиный. На Новую Землю они прилетели из Мурманска, на борту Ан-12. Там же они познакомились с группой военных медиков из Питера и мурманской бригадой врачей из местного военного госпиталя. Медики так же, как и Катя, заключили полугодовые контракты с государственной организацией «Спецпроект». Деньги за вахтовую работу были более чем хорошие, поэтому люди были довольны. Пусть и пришлось Катерине отложить свадьбу, намеченную было на август.

После первого, неудачного брака общие друзья едва ли не насильно познакомили Катю с Борисом – сорокалетним холостяком. К её немалому удивлению, он оказался весьма душевным человеком, готовым к серьёзным отношениям. Время тянуть они не стали и вскоре подали заявление в загс. Медовый месяц они планировали провести у родственников Бориса в Туапсе. На свадьбу и отдых требовались деньги, поэтому Катерина сильно заинтересовалась контрактом. Поговорив с Борисом, она не смогла убедить его в правильности своего поступка. Он просил Катю подумать, на что она ответила, что контракт уже подписан. За эти шесть месяцев она могла заработать столько, сколько не получила бы и за два года в институте. В тот вечер они поругались первый раз. И теперь она сомневалась, а может, это и к лучшему. Теперь у неё было время подумать и решить для себя, нужен ли он ей вообще? Катерина взяла в ассистенты Леночку, свою помощницу в лаборатории. Несмотря на то, что та была младше Кати на семь лет, они отлично сдружились. Лена согласилась на контракт сразу же, не сомневаясь. Тут Катя и поняла, что никакого молодого человека у Ленки всё-таки нет. А сколько было разговоров о нём!

В вертолёте Катя была полностью погружена в свои мысли, с грустью скользя взглядом по тёмной воде Баренцева моря. Она думала не о предстоящей работе, а о собственной судьбе. Елена же трепалась с Наташей, военным медиком из отряда Дарьи Поповских, майора медицинской службы.

«Девчонка», – с вялой улыбкой подумала Катерина.

Новая Земля, полуостров Утиный. 23 июля 2008

Когда в лагерь прибыло очередное пополнение – группа биологов и два отряда военных медиков, руководитель проекта провёл недолгое собрание. На нём он максимально быстро ввёл людей в курс дела. Не давая им времени опомниться, он принялся расписывать красоты мира, в котором предстоит работа. После чего новоприбывшим была продемонстрирована видеозапись, сделанная на месте высадки экспедиции. Увиденные картины нового мира повергли Катю в восхищение. Причём они никак не казались картинами иного мира. Безумно красиво, это да.

У неё появились смутные догадки, но пока она решила, что для первых выводов надо побывать на месте.

Лену же захлестнули эмоции:

– Новый мир, другая планета!

Это могло показаться розыгрышем, дурной шуткой. Если бы не всё окружавшее их: огороженная территория с часовыми, десяток ангаров, строительная техника, сотни людей. Это было слишком серьёзно. Да и начальник проекта на шутника похож не был. После ответов на вопросы, Павел Константинович предложил новичкам сразу готовиться к переходу, буквально через полчаса. Вскоре людей собрали у входа в аномалию и через некоторое время все они исчезли, поглощённые мерцающим маревом.

Вечером Павел разговаривал с профессором Радеком, вернувшимся с той стороны. Его уже не имело смысла обследовать в изоляторе, и так, по Петренко, ясно, что ни вирусов, ни каких-либо инфекций люди там не подхватывают.

Для начала начальник научной части экспедиции заявил, что планета на той стороне это, несомненно, Земля.

– Старина Хью был прав, – проговорил Николай Валентинович. – Многомирие – это реальность. Можно получать Нобелевскую премию, Павел, – кисло улыбнувшись, добавил он.

– Забудьте, – сухо отозвался собеседник. – Утечка любой информации недопустима.

– Понимаю, не дурак, – усмехнулся Радек. – А что ждёт людей, занятых в проекте?

– Вам не стоит об этом волноваться, Николай Валентинович, – заметил Павел.

– Промывка мозгов? – профессор посмотрел на оскорбившегося начальника. – Ладно-ладно, шучу.

Руководитель проекта поинтересовался возможностью расширения окна аномалии на больший диаметр с тем, чтобы появилась возможность использовать технику на той стороне.

– Мы увеличили, насколько возможно, окно, – объяснил Радек. – Но на сущие сантиметры. Чтобы достичь большего, нужна большая мощность наших аппаратов. Сейчас мы не в состоянии этого добиться.

– Но попробовать-то можно! – воскликнул Павел. – Вдруг получится? Готовьтесь увеличить мощность.

– Можно и попробовать, – кивнул Радек. – Но неизвестно, как это отразится на аномалии.

Из чрева десантного корабля выполз нагруженный стройматериалами грузовик ГАЗ-66. Въехав внутрь ангара, машина продолжила движение прямо на аномалию. За грузовиком в ангаре появился и армейский УАЗ. Первая машина неспешно покатила на мостки, установленные на уровне нижней кромки окна перехода. ГАЗ прокатился насквозь, но не исчез! Ничего не исчезло и внутри машины, а водитель даже ничего не почувствовал. Павел вопросительно посмотрел на специалистов, стоящих неподалёку, учёный развёл руками:

– Аномалия в порядке!

Настала очередь советского джипа, но он так же не смог пройти в аномалию, проехав вслед за грузовиком.

– Чёрт возьми, это всё усложняет дело! – в сердцах бросил Павел.

Российский базовый лагерь «Новая Земля»

Ранним утром, в рассветной дымке над лагерем плыли ароматы готовящегося завтрака. Запахи гречневой каши с мясом и свежесваренного какао разносились далеко по округе. После завтрака полковник Смирнов собрал бойцов на инструктаж. Он и сам был не прочь отправиться с отрядом к ночному огню, что был обнаружен. Но не имел права покидать лагерь. Тем более что майор Петренко ещё не вернулся с Новой Земли.

– Внимание! – обратился Смирнов к группе. – Действуете с максимальной осторожностью. От маршрута отклоняетесь только в случае визуального обнаружения любых неприродных объектов. Как-то: постройки, развалины, местные жители либо предметы, обработанные рукой или механизмом. Ни в коем случае не разделяться! Мы не знаем пока ничего о том, что представляют собой местные обитатели. Скрытность приоритетна, на открытые участки местности не выходить! Всё ясно? – оглядел он солдат. – Сержант Ким!

– Я! – с готовностью откликнулся кореец.

– Будешь вести съёмку местности.

Ким заулыбался, получая камеру, от чего его и так узкие глаза вовсе превратились в две щёлочки:

– Есть вести съёмку!

– Ну всё, сбор! – приказал полковник. – Алексей, связь держать каждые пятнадцать минут. И смотри, осторожность и ещё раз осторожность! – Смирнов хлопнул майора по плечу и направился в свою палатку, где его ждал Соколов.

Сазонов жестом направил ждущих команды морпехов на выход из лагеря. Шли цепочкой, соблюдая дистанцию. Бойцы, спустившись с холма и пройдя по низинному лугу, углубились в буйно разросшийся кустарник. Минут десять активной работы по перехвату отведённых впереди идущим ветвей, чтобы не получить ими по физиономии, были потрачены на преодоление кустарника. Внезапно кончившиеся заросли открыли группе шикарный вид на побережье и пляж со светлым, почти белым песком, для подхода к которому осталось лишь спуститься с невысокого песчаного обрывчика. Вдоль берега рукой природы были причудливым образом набросаны большие камни и небольшие скалы. Хвойные деревья, с выдающимися из земли корнями, напомнили Карпинскому детство. Поблизости от пионерского лагеря «Наука», что в Крыму, где он провёл не одно лето, было много таких же, согнутых, словно застывшие раскоряченные фигуры, стволов. По всей видимости, на побережье сила дующего ветра была немалой. Пётр поделился наблюдением с впереди идущим Новиковым, на что Василий молча кивнул. Но что-то неуловимое не давало общей картины. Что-то должно присутствовать ещё...

– Запах моря!

Да, не было крепкого морского запаха, характерного запаха водорослей. Значит, эта огромная масса воды до горизонта, морской пейзаж, скалистые островки, изумрудная вода, всё это, так похожее на море – лишь озеро!

Карпинский решил догнать Сазонова:

– Товарищ майор. Это же не море, а огромное озеро!

– Да, я уже понял, возвращайтесь в строй, – кивнул Сазонов.

Вдоволь напрыгавшись по камням, отделение подошло к подъёму в лес. Он был так же бесподобно красив, временами напоминая горный Крым, временами джунгли. Переплетение веток создавало иллюзию лиан. Пышные листовенные шапки деревьев ассоциировались с лесами Амазонии, и всё великолепие дополнялось солнечным светом, играющим бликами в просветах зелени. Было жарко, одежда бойцов быстро покрылась белыми разводами высохшего пота. Спасало то, что часто путь пересекали речушки и ручейки с пронзительно холодной, от которой аж сводило зубы, но необычайно вкусной водой.

Группа забирала влево, поднимаясь по склону холма среди редколесья. Наконец Сазонов скомандовал привал и подозвал Новикова:

– Василий, мы уже близко. Сейчас поднимемся на холм, оттуда можно будет уже действовать по обстановке.

Бойцы немного передохнули перед последовавшей командой:

– Подъем, осталось немного до цели. Не забывайте про осторожность, смотрите по сторонам!

Отделение стало подниматься на вершину холма.

– Это не холм, это целая гора, – нудел Карпинский.

– Не мороси, Петя, расслабься и получай удовольствие, как будто ты в походе, – Василий ухмылялся, снисходительно поглядывая на Карпинского.

– Не, ну я был, конечно, в походах. Но в горы мы не лазали... – Пётр осёкся, глядя на склон соседнего холма.

– Ты чего? – прошептал сержант.

– Показалось, будто что-то светлое там мелькнуло, – нерешительно произнёс Пётр. – Движение какое-то было.

– Может, животное? – предположил Новиков. – Но в любом случае будем посматривать, пошли.

Деревья росли всё реже, сквозь них на склоне угадывался некий амфитеатр – небольшая площадка с выступающими по двум сторонам выходам скальной породы. Сазонов остановил группу, приказал вытянуться цепью и охватывать полукругом открывающуюся цель. Крайний боец поднял руку, привлекая внимание майора. Все замерли. Теперь был отчётливо виден белый дымок, поднимающийся из-за скалы.

Отделение тихонько подбиралось к площадке, стал слышен треск ломаемых сучьев. По всей видимости, кто-то ломал хворост для костра. Бойцы подобрались для броска, стали обходить природный балкон со стороны скал. Внезапно треск хвороста прекратился, а в наступившей тишине все отчётливо услышали юношеский голос:

– Кого там ещё несёт! Аюрка, ты, что ли?

Бойцы с изумлением переглянулись.

– Ай! Чужие! – раздалось сверху, потом зашуршали осыпающиеся мелкие камни. Видимо, говорившие тоже по-русски пытались убежать.

– Стойте! Мы не причиним зла! – закричал вдруг Сазонов, боясь упустить незнакомцев. – Нам надо поговорить!

– А вы кто?! – выкрикнул невидимый парень.

– Научная экспедиция! – отозвался майор. – Можно я поднимусь к вам?!

– Только автомат оставь внизу, а то сбежим!

Сазонов посмотрел на замерших морпехов. Что сейчас творилось в головах солдат, одному Богу известно. Открыли новый мир и сразу же наткнулись на своих!

– Поднимаюсь! – предупредил незнакомцев майор и принялся карабкаться наверх.

Оказавшись на площадке, он увидел двоих мальчишек лет пятнадцати. Одеты они были в дурно выделанные шкуры, под которыми угадывалась грубая ткань. Штаны скроены из той же рогожи, а на ноги надеты кожаные мокасины. Опоясывал фигуры кожаный же пояс. На майора смотрело две пары внимательных глаз, в которых читался восторг. Лица ребят расплылись в широких улыбках, и один из них завопил:

– Пришли! Пришли! Отец говорил! – прыгали они от радости. – За нами пришли!

– Ребята! – буквально взмолился Сазонов, пытаясь успокоить пареньков. – Кто ваш отец, где он? Объясните мне, кто вы?

– Меня зовут Пётр, а его Павел, – ответил один из них. – Это мой брат. Вы же из Советского Союза?

– Нет, – опешил майор. – Но так моя страна называлась раньше.

Пареньки переглянулись, не понимая, о чём говорит этот человек. Потом они тихонько поговорили между собой, так, чтобы Сазонов их не услышал.

– Вы же не американцы? – наконец, спросил тот, кого звали Павлом.

– Нет, мы русские, – как можно мягче сказал майор. – Вы проводите нас к отцу?

– Тебя проводим, а остальных – нет, – шмыгнул носом Пётр. – Ну, пошли, что ль?

Ребята, подхватив свои мешки, принялись подниматься на гребень сопки. А вскоре они уже спускались с другой стороны по видимой только им тропке, уходившей круто вниз. Сазо-

нову едва получалось не отставать от братьев, высматривая, куда ставить ногу. Мальчишки продолжали радостно без умолку галдеть, перемежая иногда русскую речь незнакомыми Алексеевыми словами. Речь их всё же отличалась некоторым акцентом, но вскоре он перестал его ощущать, приноровился к говору.

Мелкие камешки с шурушением осыпались из-под ботинок, майору приходилось то и дело держаться за пучки травы, растущей между камнями. Он успевал ещё и поглядывать по сторонам. А со склона, где они сейчас находились, открывался поистине шикарный вид. С одной стороны – голубое море воды, с другой – зелёное море леса, а далёко впереди за скрывающимися в тумане изумрудными холмами гордой грядой выступают горы. Восторг, одним словом!

Бойцы тем временем заняли площадку, откуда только что ушли незнакомцы и майор Сазонов. В центре её ещё горел костёр. Рядом была навалена куча хвороста, а кости и куски шкуры какого-то копытного лежали в ямке, явно с прицелом прикопать это добро позднее. Новиков, осмотрев площадку, приказал радистам передать сообщение на базу, но скалы отражали радиоволну.

– На гребень холма шуруйте, попробуйте там связь.

Карпинский полез вверх по склону, с некоторым отставанием за ним стал карабкаться радист отряда Иван Коломейцев.

– Пётр, всё, давай, тут склон подходящий! – воскликнул он, снимая рацию.

Присев на безлесном каменистом склоне, Иван попробовал связаться с лагерем. После нескольких попыток связь появилась. Коломейцев принялся передавать сведения о произошедшей встрече с местными жителями, говорившими на русском языке и о решении Сазонова пойти на более тесный контакт с ними.

– Пётр, пошли, – Иван закончил передачу и собрался спускаться. – Ты чего?

– Слушай Вань, ты пока посиди тут, а я наверх слазаю. – Гребень сопки манил своей близостью. – До вершины всего ничего.

– Погодь, давай вместе.

Через некоторое время бойцы выбрались на поросшую редкой травой и продуваемую ветром вершину. Открывшиеся красоты заставили Карпинского присвистнуть. Стянув берет, он взъерошил волосы и зашагал к каменному выступу, за которым начинался довольно крутой склон. И застыл там.

– Ваня! Давай сюда! – Пётр с изумлением оглядывал открывшуюся его взорам картину.

Радист подбежал к мичману и тоже оторопел от неожиданности. Внизу, на берегу реки, изливающейся из огромного озера, располагался посёлок. Рядом с ним было видно несколько аккуратных прямоугольников обработанной земли, ограждённой по периметру забором. Неподалёку горело и несколько костров, а на берегу угадывались вытасенные из воды лодки, перевёрнутые днищем вверх. Вокруг самого крупного костра сидело много людей, перед ними кривлялись и махали руками странные фигурки. Карпинский посчитал примерное количество людей, – выходило никак не меньше пятидесяти-шестидесяти человек. Переведя взгляд на реку, Иван показал на торчащую из воды скалу. Рядом с ней на воде качалось несколько лодок.

– Майор к тем дикарям отправился? – спросил Пётр.

– По всей видимости, – растерянно проговорил радист.

Карпинский между тем осматривал посёлок. В основном там были конические домишки, похожие на... На что? Казалось, на индейские вигвамы, не раз виденные в кино.

– Это чумы? – предположил радист. – Как в Сибири?

Также виднелась и пара шалашей.

– Ладно, двигаем к нашим, – Пётр похлопал радиста по плечу. – Васёк надо рассказать.

Несколько километров восточнее

Спустившись со склона, братья, по едва угадывающейся тропке, повели майора в лес. Расстилавшийся между грядами сопок, он был тёмным и густым. Настоящая девственная тайга, не знавшая топора. Продираться сквозь неё было сущее проклятие. Алексей вполголоса ругался, снимая с лица очередную налипшую паутину да отводя в стороны ветви, так и норовившие его ударить. Услышав тихое подхихикивание, Алексей нарочито строго проговорил:

– Чего лыбьтесь? Думаете, я каждый день, как и вы, тут шастаю? Почему мы не идём в посёлок?

– А зачем? – искренне удивились пареньки. – Данул не будет рад чужаку.

– Данул – это кто?

– Наш вождь, – ответил Пётр. – Он незнакомцев не жалует.

Наконец, они вышли на небольшую полянку, покрытую мягким ковром тёмно-зелёного мха. Сазонов сразу обратил внимание на грудку валежника в центре поляны, призванного, видимо, скрыть некое сооружение.

– Землянка? – указал майор на тёмный зев под поваленным стволом ели, также покрытой мхом.

– Там раньше берлога была. Отец с дядькой Витей убили медведя, а яму расширили, – пояснил Павел.

Потом он сказал брату остаться здесь с гостем, а сам отправился в посёлок за отцом. Не было его около часа. Это время Сазонов провёл в разговорах с Петром. Оказалось, что фамилия его Васильев, а его отца звали Николай Сергеевич. И что кроме Павла, у него было ещё четыре брата и две сестры.

– Это сколько же у твоего отца жён? – удивился Алексей.

– Трое жён. Нашу с Павлушей маму отец Ольгой зовёт, – объяснил паренёк. – Она самая любимая у него, младшая.

У дяди Виктора, как выяснилось, тоже три жены, да и детей на одного больше. Словоохотливый Пётр рассказал, что живут они в посёлке, а тут у них, по словам отца, дача. Сазонов спросил разрешения посмотреть на землянку. Перед дверью, обитой рогожей, Алексей наткнулся на череп медведя, висевший над входом.

– Чтобы чужие не зашли, – моментально пояснил Пётр.

Хмыкнув и покачав головой, майор достал фонарик и толкнул дверь. Луч, ворвавшийся внутрь, вызвал у Петра удивлённый вскрик. Объяснив ему природу появления света, Сазонов подарил ему и сам фонарь. Внутри землянки ничего интересного не было: посередине – кострище, по краям – лавки да два топчана, на которых лежала солома, покрытая всё той же рогожей.

– А там, внизу – нычка, – брякнул Пётр.

– Что? – не понял майор. – Какая нычка?

– Ну... – замешкался парень, тут же поняв, что сболтнул лишнее. – Не говорите отцу об этом, пожалуйста!

В лесу послышался треск сучьев. Кто-то приближался, будто бы намеренно производя шум, дабы появление его не стало сюрпризом. А вскоре на полянку вышел коренастый человек с пышной растительностью на лице. Одет он был так же, как и ребята – курточка из грубой ткани, штаны и мокасины. Он издал торжествующий вопль и устремился к майору, тут же заключив его в крепкие объятия. Мужчина, с мокрыми от слёз глазами, с минуту не отрывал взгляда от Алексея. Его борода задралась лопатой кверху, а улыбка оказалась щербатой. Довольно продолжительное время человек не мог вымолвить и слова, только похлопывал Сазонова по плечам, по груди и снова обнимал. Его сыновья стояли рядом, не понимая, отчего у их отца текут слёзы. Казалось, они такого до сих пор не видали. Отерев рукавами лицо, мужчина, наконец, выдохнул:

– Как?! Как вы смогли попасть сюда?

Он с неподдельной радостью смотрел на майора, продолжая пожимать его руку.

– Давно прибыли? – задал он сразу второй вопрос Алексею.

– Второй день, – отвечал тот. – Мы увидели костёр на сопке.

Оказалось, его жгли уже пятнадцать лет, надеясь на то, что когда-нибудь за ними придёт помощь, их не оставят одних посреди дикого леса и не менее диких людей.

– Так вы те два офицера, что пропали ещё в девяносто первом году? Сумели выжить оба?

– Мичман Васильев, – представился мужчина, приложив руку к волосам, перехваченным кожаной тесёмкой. – Сафаров тоже жив-здоров.

Бывший советский мичман приказал сыновьям разжечь огонь и разогреть похлёбку, которую принёс в котелке Павел. Сазонова же он попросил пройти в землянку, чтобы поговорить, не опасаясь лишних глаз.

– Они тут не ходят, – махнул Васильев в сторону леса. – Но так, на всякий случай.

Внутри было сумрачно и сухо. Николай снял с единственного окошка в потолке занавесь из плетёного лыка и в бывшей берлоге стало чуточку посветлее. Присели на лавку. Через некоторое время Сазонову был предложен рыбный суп с какой-то разваренной кашей, от которого Алексей поспешил отказаться. Хозяин же был голоден и, попросив извинения, принялся за еду.

– Ты рассказывай, майор, – отставив котелок с оставшимся супом для сыновей и утеревшись рукавом, Васильев повернулся к Сазонову. – Что там в мире делается?

Пока Алексей говорил, во взгляде мичмана что-то менялось, и сам Николай как будто оживал, возвращаясь к себе прежнему, спадала какая-то отчуждённость. Васильев внимательно слушал гостя, подперев голову кулаком. Рассказ об аномалии его, было видно, не особо волновал. Видимо, столь долгое житьё среди мест, не тронутых цивилизацией, заставило его философски относиться к произошедшему. Гораздо больше его заинтересовал рассказ о тех глобальных переменах, что были в мире. Известие о развале СССР повергло его в глубокий шок.

– Развалили-таки, сволочи! – глухо проговорил он, отставляя котелок. – Никто же не верил, что такое случится.

– Случилось, – развёл руками Алексей.

– Ладно, прибалты пытались таможи ставить, в заграницу игрались, – вспоминал Васильев, потирая виски. – Погоди, а Минск – тоже заграница? – Сазонов угрюмо смотрел на мичмана. – Вот те на! – воскликнул Николай. – Мой брат родной теперь иностранец!

Васильев, находясь в сильном волнении, встал и начал прохаживаться по земляному полу.

– Николай, ваш черёд рассказывать, что с вами было, – обратился к мичману Сазонов.

Николай кивнул, но сначала, немного смущаясь, спросил, есть ли у Сазонова что-нибудь сладкого с собой. Алексей достал из кармана жестянку с мятными леденцами:

– Только это.

– Отлично! – Николай быстро сцапал плоскую коробочку и, торопясь, открыл её.

Наслаждаясь забытым вкусом, он стал рассказывать, что с ними случилось за эти годы. Попал он сюда по глупости. Находясь на посту у аномалии, молодой мичман, лишь двадцати двух лет от роду, решил разглядеть это чудо поближе. Присев на корточки у ямы, испытывая неодолимое любопытство, Васильев лишь протянул руку, а аномалия буквально затянула его внутрь. Он не успел даже вскрикнуть, как оказался в густой траве. Вместо сумрачного света полярной ночи вокруг было залитое ярким солнцем поле. Тогда ему вдруг стало плохо, грудь будто сдавило неведомой силой, голова закружилась и мичман повалился навзничь. А спустя несколько секунд на него свалился Сафаров.

– Я попытался привстать, – говорил Николай, – а пошевелиться не могу и мысли в голове путаются. Хотел тогда крикнуть что-то, но горло пересохло, только свист идёт. А потом звуки

на меня как накинудись – все сразу: шум прибоя, крики птиц, стрекот насекомых, посвист ветра. Я аж за голову схватился, – хрипло рассмеялся бородач.

Почему они не вернулись назад сразу, Васильев уже не вспомнил. Находясь в ошеломлённом состоянии, они побрели прочь от места перехода. Вскоре они наткнулись на труп человека. Облепленный мухами мужчина, лишённый руки по локоть, валялся в траве. Его лицо сохранило то мучение, которое он испытывал перед смертью. Документы франкоязычного канадца до сих пор хранятся у Васильева. Только тогда они, наконец, осознали, что с ними произошло. Похолодевшие от нахлынувшего ужаса, мичманы с остервенением стали искать окно аномалии, но так и не смогли его найти. Поиски продолжались несколько дней.

– Оно открывалось лишь на двое суток, – проговорил Сазонов.

Васильев покивал с кислой улыбкой. Сейчас ему это было уже не важно. А тогда два мичмана советского флота оказались посреди дикой природы чужого мира. Первый год был самым страшным, приходилось действовать, зубами цепляясь за жизнь. Четыре рожка патронов к автомату Калашникова, штык-нож и содержимое карманов – это всё, чем располагал каждый из них. Тем не менее молодые парни выжили, а на второй год и вовсе обзавелись собственным племенем, в которое их приняли по доброте душевной князька Данула.

Один из младших сыновей мелкого тунгусского князца Данул с несколькими соплеменниками был изгнан из кочевья отца за хулу в адрес богов. Их встреча произошла случайно, и мичманы, уложив троицу самонадеянных воинов – по патрону на каждого – да поколотив оставшихся нескольких мужчин, ушли прочь. Глава отщепенцев – молодой и гонористый Данул шесть дней преследовал странных чужаков, требуя от них возмещения ущерба. Убитые ими воины были лучшими среди людей тунгуса. Теперь незнакомцы должны были поделиться своей силой, то есть кровью, и осчастливить многочисленных жён погибших своим семенем.

Поначалу чужаки прогоняли вдов, кидали в них палки и снег, ругались и грозили побить, но в конце концов сопротивление было сломано. Данул узнал, где живут чужаки, и встал становищем неподалёку от их землянки. Со временем тунгусу удалось заставить их привыкнуть к своим людям. Вдовы часто ходили в их землянку, возвращаясь оттуда весьма довольными. Неимоверными усилиями Данул расположил к себе русских, как они себя называли. Он понимал, что столь сильные чужаки заменят ему убитых воинов. Он был сильно впечатлён огнестрельным оружием. Мичманы же, в свою очередь, наконец, смекнули, какие выгоды им сулит коллектив.

Первое время всё было нормально, они вживались в племя. Мичманы обзавелись жёнами, а потом и вторыми. Выучив необходимый минимум языка туземцев, пропавшие во времени товарищи принялись учить русскому своих женщин. Николай говорил, что это делает их сильнее, чем поощрял изучение языка. Они хвалили каждого, кто делал успехи в обучении, принуждая следовать этому остальных членов группы Данула. Остальные, правда, не горели желанием что-то учить, отмахиваясь от приставучих соплеменников.

Тем временем племя становилось всё сильнее, вбирая в себя новых людей. Но идиллия закончилась, Данул желал большего, а именно – покорить ряд мелких кочевий своей родни. Русским парням это не понравилось, ведь всё, что они хотели – это просто жить и улучшать жизнь вокруг себя. Зачем каждый год срываться с насиженного и обжитого места, уходя в другую часть тайги? Короткая ссора в чуме князька закончилась соглашением: Сафаров пообещал устроить домницу – он заинтересовал Данула возможностью выплавки железа. Это сулило неплохие шансы на повышение его статуса бесконфликтным способом. Железо могло привлечь и новых людей, а с тем и большую силу его кочевью. Что лучше – палка или палка с железным наконечником?

Для начала мичманы решили уговорить Данула перейти к осёдлому образу жизни, добавив к привычной охоте и собирательству рыболовство, скотоводство и сельское хозяйство. С последним дело обстояло трудней всего – непривычные к этому тунгусы не отказывались от

работы, но не понимали её важности. Лишь со временем их удалось заставить поверить в собственные силы. Постепенно увеличивалось поголовье овец и коз, год от года всё больше засеивалось проса, ячменя и овса, которое удалось получить от живших ниже по течению бурят.

Через некоторое время вчерашние мичманы устроили-таки домницу и, пройдя через пробы и ошибки, получили-таки из болотной, луговой и дерновой руды первое, плохенькое, но железо. Постепенно улучшая качество плавки, бывшее кочевье богатело, обменивая железную утварь соседям на скот и зерно.

А потом остро встал вопрос безопасности. Богатеющее поселение всё чаще привлекало к себе алчные взгляды соседей. Начались нападения, тщательно оберегаемый запас драгоценных патронов таял на глазах. Выручали железное оружие и металлические пластинки, накладываемые на плотные кафтаны воинов. Пришлось деревню, названную мичманами Ламской, по имени огромного озера, обносить частоколом. В тайге застучали глухие удары топоров и со временем Ламская обрела нехитрое укрепление. Пара башенок позволяли лучникам выцеливать вражеских воинов. Соседям хватило пять отбитых с великим уроном штурмов, чтобы понять: на странную деревню нападать опасно. Ведь после каждого нападения того или иного князька на это поселение неминуемо следовал ответный рейд ламцев, которые забирали у побитых агрессоров женщин и детей, а также уводили подростков, усиливая этим себя и ослабляя соседей.

Заняв удачное место для деревни – близ священной скалы у истока реки, Данулу удалось и тут снимать пенки: брать налог с каждой группы паломников. Многого он не требовал – пару тройку куриц или овцу, пару щенков или мешочек зерна. Удавалось ладить. Через несколько лет деревня разрослась до трёх сотен жителей. К князьку уже начали обращаться мелкие вожди округи как к судье, прося посодействовать в справедливом решении того или иного конфликта между кочевьями.

– Таков итог нашей одиссеи, – закончил свой рассказ Васильев. – Сейчас мы с Витькой на правах левой руки нашего князька Данула. – И предупреждая вопрос майора, поспешил добавить: – Правая рука – шаман Уяткан.

Если сказать, что Сазонов был изумлён рассказом бывшего мичмана, это будет слишком мало. В душе майора кипел котёл эмоций, в котором было всё: и гордость за мужиков, и восхищение их успехами и фактом того, что остались живы, в конце концов!

– Теперь вы можете вернуться домой, Николай! – воскликнул Сазонов.

Тот ответил не сразу:

– А нужно ли, товарищ майор? После того, что случилось с моей страной, мне будет проще остаться здесь. – Лицо Алексея вытянулось. – Да-да, не удивляйтесь, – усмехнулся Васильев. – Жизнь у меня налажена, детишек восемь душ. Всеобщий почёт. Единственно, – замялся Николай, – я смотрю, у вас два рожка в разгрузке осталось, может, презентуете, как и леденцы?

Сазонов, словно замороженный, отстегнул лямки и с тяжёлым стуком выложил на стол два рожка.

– Наш боезапас вышел уже давно, – пояснил Васильев. – А поддерживать авторитет надо. У меня в нычке два «калаша».

– Так что, вы не хотите возвращаться обратно? – всё ещё не верил майор. – А как же ваши родные?

– Думаю, по прошествии семнадцати лет меня уже не раз оплакали, – ответил бородач. – К тому же моя родня теперь – иностранцы, а страна превратилась в сумасшедший дом. Нет уж, мне здесь хорошо и спокойно.

– Николай, у меня ещё вопрос, – Алексей посмотрел на Васильева. – Какие опасности нас могут подстергать тут: дикие животные, дикие люди?

– Если оборудуете периметр и будете нести караул не так, как мы, – усмехнулся мичман, – то вам ничего угрожать не будет. Медведь к людям сам из леса не выходит. А местным будет

достаточно пары столкновений, чтобы обходить вас за несколько километров, – небрежно махнул он рукой. – Колючка, прожекторы и всего делов.

Поблагодарив собеседника, Сазонов засобирався к оставленным солдатам, скоро уже будет темнеть. Не хотелось, чтобы они пошли искать его. Вот только...

– Я скажу Павлуше, он вас проводит, – упредил его Николай. – Приходите ещё, только захватите патронов для меня. А ещё картошки, – деревенский начальник протянул майору руку и крепко пожал на прощанье.

Майор Сазонов возвращался к своим бойцам с непонятным чувством, словно в его душе что-то надломилось. Возможно, это лишь впечатление от общения с Николаем и скребущее ощущение вскоре пройдёт. Разговор с Павлом Васильевым не складывался на обратной дороге. Мальчишка провёл его к тропинке, ведущей наверх, совсем с другой стороны. Алексей прошёл мимо нескольких амбаров и помещений для животных. Там же, с другой стороны деревни, также была обработанная земля, которая тянулась до самой границы леса. Попрощавшись с пареньком, майор стал подниматься на холм. Он обдумывал то, что ему следовало вскоре передать в базовый лагерь. Сазонову менее всего хотелось нарушить то равновесие, что Васильев и его товарищ создавали в течение долгих семнадцати лет.

Когда он увидел отблески костра, зажжённого бойцами на обживаемой ими площадке, его уже окликнул часовой. Палатки были расставлены, ужин готов. В обратный путь предстояло идти ранним утром.

– Иван! – позвал Сазонов радиста. – Организуй связь с лагерем.

Базовый лагерь «Новая Земля»

В середине дня лагерь объяла суматоха. Обживающие холм бойцы и учёные приветствовали появление своих товарищей, которые вдруг неожиданно стали возникать из ниоткуда. Из аномалии выходили новые люди: сначала шесть отделений морпехов, два отделения роты хозяйственного обеспечения, которые споро начали стаскивать рюкзаки и ручную кладь. Присев, они с изумлением оглядывали местность вокруг. На их лицах читалось восхищение и радость, появились улыбки и торжествующие возгласы. После бойцов вырос и Павел Константинович. Люди продолжали выходить, появились очередные рабочие и специалисты – пополнение в группу Вячеслава Соколова, группа военных медиков и несколько учёных. Последним вышел наконец отпущенный после всех проверок Ярослав Петренко.

Для переброски грузов с Новой Земли был задействован ленточный транспортёр. Смотрелось это несколько диковато – казалось, что часть транспортёра парила в воздухе, а на ней возникали будто бы из ничего коробки, ящики, тюки и прочее. Морпехи и рабочие по очереди принимали с ленты груз и сразу уходили с ним на место складирования. Это продолжалось несколько часов с перерывами. В числе прочего с той стороны были получены и две бурильные установки с трубами. Предстояла первичная геологоразведка, пока неглубокая, метров на шестьдесят. По окончании разгрузки люди выглядели порядком уставшими, зато посреди базы экспедиции возвышались горы перемещённого материала.

Прошедший аномалию начальник проекта сразу нашёл глазами полковника Смирнова и помахал ему с нескрываемой радостью. Полковник с удивлением отметил, что это первое проявление Павлом Константиновичем таких эмоций. Усмехнувшись, Смирнов направился к нему.

Через некоторое время в палатке полковника на складных стульчиках сидело трое, включая Вячеслава Соколова. Собеседники уже около часа вели беседу, попивая чай, заваренный на воде из местного источника, которая была кристально чиста и потрясающе вкусна. Это отметили ещё в первый день экспедиции.

– То есть колонизация, Павел Константинович? – Смирнов широко расправил руки. – Москва будет здесь прочно закрепляться?

– Да, – ответил начальник проекта. – Но у нас будут проблемы. С янки, в первую очередь. Им активно сливают информацию по проекту.

Вячеслав молчал, слушая товарищей, но сейчас обозначил свою позицию движением. На него сразу обратили внимание. Инженер не спешил высказаться, потрепал волосы на голове, как первокурсник на зачёте, и только тогда размеренно произнёс:

– Павел Константинович, окно аномалии не пропускает в контур любой объект, который шире его, так?

– Совершенно верно, мы пробовали протиснуть УАЗ. Ничего не получилось.

– То есть получается, что можно рассчитывать только на то, что поступает по транспортной ленте? – озадаченно произнёс Смирнов.

Павел кивнул с крайне озабоченным видом и продолжил:

– Появляется проблема со стройматериалами.

– Можно использовать местное дерево, мы же можем протащить и собрать тут станок с циркуляркой? Или любой другой станок? Ведь такая задача вполне разрешима, – предложил Вячеслав. – Я думаю, уже стоит начать устройство тут станочного парка. Специалисты есть.

– Вот и займитесь этим, Вячеслав! – энергично кивнул Павел.

Тем временем рабочие из новой партии поставили ещё одну палатку, в этот раз уже за оградой лагеря, на низинном лугу. Непослушную траву пришлось сначала уминать, а особо стойкую – выкорчёвывать. Отделения хозроты занимались готовкой и оборудованием продсклада, фасовкой и сортировкой продуктов. Работа спорилась. В лагере царилло чувство первооткрывателей, люди были одухотворены стоящей перед ними задачей по исследованию этого мира. Несомненной удачей места выхода аномалии было то, что холм стоял на продуваемом тёплым ветром месте, и, стало быть, в лагере не было той надоедливой мошкары, что донимала людей при выходах за водой или дровами для костра. А особенно при посещении туалета, обустроенного по высшему разряду и ставшего первым строением на новой Земле. При этом страдали двое – и тот, кто справлял свои надобности, и особенно тот, кто шёл для подстраховки.

Из палатки начальника лагеря вышло руководство экспедицией:

– Слушайте, мужики, а мы уже неплохо расширяемся? – Смирнов, сложив руки на груди, оглядывал лагерь с нескрываемым удовольствием.

– Не пора ли уже ставить более долговечные постройки? Палатки уже всем надоели, наверное? – заметил Соколов.

– Вячеслав, я понял, что ты имеешь в виду. Через несколько дней на Новую Землю придёт корабль из Мурманска. Он может привезти станки и всё необходимое тебе оборудование. Но мне нужен список нужд, – Павел глянул на часы. – Предоставь его мне в течение пары часов.

– А он у меня уже готов, Павел Константинович, – Вячеслав, улыбаясь в пышные усы, вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги и торжественно вручил опешившему Павлу.

– Эка, вот хитрец! – Смирнов тоже аж крякнул от восхищения.

– Ну ладно, я на Новую Землю, – Павел пошёл было к проходу между мирами, но развернулся, точно вспомнил что-то. – Чуть не забыл, Андрей Валентинович, – он обратился к Смирнову. – Карпинского пришлите ко мне, когда будет готов новый видеоматериал.

Радек знакомился с новой партией специалистов, вводя их в курс дела. Пополнение пришло для изучения флоры и фауны этой планеты, её почвы и воды. Попутно планировался пробный засев зерновых культур, а после и овощей. Новенькими были сотрудники Института почвоведения и агрохимии, а также специалисты из московского НИИ эпидемиологии и виру-

сологии. Биологов и почвоведов Радек сразу после скорого ужина собрал, поставив задачи предстоящей работы.

Катя, уже походив по лугу недалеко от работающих строителей, насобираала образцы местной флоры и в данный момент находилась в некотором недоумении. Собственно ничего нового она не увидела – вполне земные растения и травы, кустарники и деревья. Вот и пылящие кедры, что характерно для этого времени года, но на Земле – в Сибири.

– Ладно, завтра будет ясно, – проговорила она.

Байкал, базовый лагерь «Новая Земля»

Утром за пределы лагеря вышла партия биологов с почвоведом и приданной им четвёркой бойцов во главе сержанта Васина – здоровенного детины под два метра ростом с пудовыми кулачищами. В его ладони автомат Калашникова смотрелся пластиковой игрушкой. Правило большого человека сработало и в этот раз, как повелось – девушкам он показался добрым и немного застенчивым.

Группа пошла новым маршрутом, на юго-запад от базы, делая пробы и собирая экземпляры местной флоры. Сначала прошли рощицу лиственных деревьев, затем миновали луг, потом направились через редкий хвойный лесок, постепенно забирая к побережью.

Спускаясь по песчаному уступу к открывающейся полянке перед берегом, Катя чуть не налетела на остановившегося перед ней здоровяка Васина. Олег стоял, напряжённо вглядываясь в буйно разросшиеся кусты по сторонам от открытой площадки. Катя, Ленка и Тамара-почвовед пытались из-за спины сержанта разглядеть, что же его внезапно остановило. Посреди полянки было кострище, обложенное крупными камнями. Ближе к берегу виднелась вытасченная на берег лодка и кучка хвороста перед ней. Олег подошёл ближе и нагнулся к месту костра: было предельно ясно, что огонь тут горел очень давно, да и лодка выглядела довольно непрезентабельно. Борта ввалились внутрь, отчего она была похожа на костяк длинного и крупного зверя.

– Хм, странная лодка, каркасная. Но борта из бересты. Тьфу ты, сгнила вся, – Лена, сморщив носик, отошла от неё.

– Сержант! – Двое бойцов стояли в дальней стороне поляны.

Прежде чем Олег подошёл, он уже понял, что там. Итак, труп. Труп давний, остался лишь скелет да истлевшая напрочь одежда, которая угадывалась по сохранившимся клочкам. Сержант, осматривая останки, вынул провалившиеся в грудину пару длинных стрел. Наконечники их были костяные, а вот оперения не осталось. А вот и удачная находка! Под скелетом сохранился кожаный кисет, – Олег аккуратно разложил его. Но внутри не оказалось чего-то особенно интересного: разноцветные камешки, непонятная фигурка из белой глины, небольшой слиток железа и несколько слежавшихся перьев.

– Так, собираемся в лагерь, – Васин выпрямился. – Вы двое, – он указал на бойцов, нашедших скелет, – пошарьте вокруг. Если ничего не найдём, уходим.

Он собрал стрелы и остальные находки, замотал мелочь из кисета в тряпицу и убрал в чемоданчик с пробами почвоведов. Бойцы, обойдя вокруг места бывлой трагедии, вернулись с пустыми руками.

– Ничего? Всё, уходим.

Ближе к четырём часам дня они вернулись на базу. Олег с Катей сразу направились в палатку полковника, рассказывать срочные новости. Пара почвоведов с образцами ушли к себе. Завтра у них начиналась основная работа – предстояло высевать культуры, взятые в экспедицию для определения пригодности почв планеты для культурной колонизации. Высевалось семь культур, взятых в первую партию – картофель, пшеница, овёс, гречиха, горох, чеснок и лук. Культуры второй очереди, семена которых хранились в палатке агротехников, предстояло засеивать чуть позже.

Стоявший у входа в палатку Смирнова морпех доложил, что все начальники собрались у главного инженера экспедиции.

– Ясно. Радек наверняка тоже вернулся. – Катя уже была уверена в своей догадке, решив высказать свои мысли, не откладывая. – Сразу всем и скажу!

Они направились в палатку Вячеслава Соколова. Войдя внутрь, Тимофеева едва не задохнулась от табачного дыма. Ядовитый туман был таков, что хоть топор вешай. Мужчины, казалось, его и не замечали, с увлечением споря о своём. Когда вошла девушка, разговоры немедленно прекратились и взгляды присутствующих устремились на биолога. Катя не смутилась, а сразу обратилась к своему непосредственному начальнику:

– Николай Валентинович, а вы не находите странным то, что мы здесь наблюдаем вполне земных представителей флоры и фауны? Например, голубая ель, кедр, свойственный сибирскому региону, чабрец, камнеломка?

Радек откинулся в кресле, стряхнул пепел с сигареты и проговорил:

– Екатерина, мы на Байкале. Это Сибирь, уже стопроцентно известно. Хотите, называйте это параллельным миром, автономной реальностью, иным измерением или ещё как-нибудь. Мы это сейчас и обсуждаем, присоединяйтесь, пожалуйста.

Глава 3

Байкал, базовый лагерь «Новая Земля». Конец мая

Олег молча выкладывал на стол все находки. Радек заметно напрягся, подрагивающие пальцы выдавали его внутреннее напряжение.

– Говорите, совсем недалеко нашли? – встав со стула, Соколов подошёл к столу и взял в руки слиток железа, принявшись его оглядывать со всех сторон. – А что, неплохое железо, чистое.

– Думаете, тут железный век? – внимательно посмотрел на инженера Радек.

– Возможно. Итак, что мы имеем? – Вячеслав обвёл всех собравшихся в палатке долгим взглядом. – У нас есть лодка-берестянка, стрелы с костяным наконечником, которыми убили человека недалеко от нас, но правда давненько. Недалеко от места нашей высадки шаманы скачут и нашлись дети, говорящие по-русски.

– Это дети пропавших в девяносто первом мичманов, – напомнил полковник.

– Что же, одной загадкой меньше. Но остаётся их немало, – проговорил профессор.

– Попахивает параллельщиной какой-то, господа, – вздохнул Вячеслав и наконец присел. – Иномирие.

– А что тут такого? Во-первых, это всё же Земля, только малость другая, – Катя невесело улыбнулась.

– Другая или не другая, – начал Радек, – а изучать будем со всей ответственностью. По моей теории, эта Земля – один из бесконечного числа вариантов-дублёров происходящего на нашей планете.

– И какой из них настоящий? – усмехнулся Вячеслав.

– Для нас настоящий вариант там, – Николай Валентинович махнул рукой в сторону перехода, – на Новой Земле. А для тех, кто живёт тут, настоящим является этот мир.

– Логично, – согласился с профессором Смирнов. – Я думаю, так и доложим начальнику проекта?

– Доложим, – согласился профессор. – Я сегодня пойду на архипелаг – нужно тестировать работу систем.

Спустя пару часов после перехода Радека снова заработал транспортёр, в лагерь доставлялась очередная партия оборудования и продовольствия, а также несколько дизельных генераторов и бочки с топливом. Вошла бригада рабочих, которая занялась монтажом силового электрооборудования, расчисткой места под складской ангар. Рабочие в тёмно-синих спецовках начинали принимать составные части металлических ферм каркаса, деревянную обрешётку и оцинкованные листы обшивки.

На новоземельской базе профессор Радек первым делом сообщил начальнику проекта не о проводящейся работе и научных изысканиях, а о найденных майором Сазоновым мичманах, пропавших при первом открытии аномалии. Их счастливое нахождение, однако, не вызвало у Павла Константиновича положительных эмоций.

– Хм, я должен проконсультироваться с Москвой, – покачал он головой. – Внезапное появление двух пропавших людей будет увязано только с работой на Новой Земле. Сейчас идёт активный поиск информации о нашей работе со стороны американцев, китайцев и европейцев. Они и так уже знают непозволительно многое.

– Что вы имеете в виду? – опешил Радек.

– Лишняя шумиха сейчас не нужна, – ушёл от ответа собеседник. – Мы вернём мичманов позже, вместе с морпехами, которых будем выводить из аномалии через несколько месяцев.

– Что же, понятно, – проговорил профессор. – Я думал о чём-то эдаком.

– Пока нам необходимо собирать информацию. Смирнов должен организовывать разведывательные походы – нужно установить степень заселённости местности и уровень потенциальной опасности для нашей базы.

Радек хотел было что-то сказать, но Павел остановил его мягким жестом:

– Эту информацию мне предоставит полковник Смирнов. Вам не нужно выполнять его работу.

– Что с заказом Соколова? Станки, материалы? – спросил Николай.

Руководитель проекта ответил, что контейнеровоз мурманского морского пароходства подойдёт к Рогачёво завтра к вечеру.

Наконец профессор, всё ещё под впечатлением реакции начальника по поводу найденных мичманов, доложил о первом неприятном для исследователей звоночке: сегодня рано утром были замечены первые возмущения контура окна аномалии. Для стабильной работы перехода пришлось увеличить едва ли не вдвое мощность подаваемой на объект энергии.

Павел тут же связался с Москвой, объяснив, с помощью Николая, суть проблемы куратору проекта. После чего им было предложено подождать минут десять. Но они не успели даже выпить по чашечке кофе, как спутниковый телефон подал сигнал вызова. Слушая, Павел кивал и хмурил брови, произнеся лишь одну фразу:

– Технология отработана? Будет ли это безопасно?

Отложив трубку, он сообщил профессору суть телефонного разговора. Самое позднее через неделю в Рогачёво из Нижнего Новгорода доставят мини-АЭС. Это должно решить все проблемы с электричеством.

– Да, проблему с энергией надо решать быстро, – проговорил Радек. – Похоже, это и есть лучший выход.

Спустя двое суток

Станочный парк, заказанный главным инженером, предстояло ещё смонтировать в новом ангаре. Стройматериалы для него должны будут прибыть следующим рейсом контейнеровоза. Пока же шла рутинная работа первого этапа экспедиции. После долгого перемещения грузов с корабля на берег, оттуда на транспортёр и через окно аномалии в лагерь, начальник проекта продолжил сетовать на узкий вход аномалии. Из-за этого обстоятельства значительно тормозилась общая работа экспедиции в новом мире. Павел должен был обеспечить там в течение полутора месяцев стабильную работу и размещение новой группы научных специалистов и офицеров спецподразделений, которые должны будут начать вторую фазу освоения Россией новой планеты. Предполагалась работа беспилотников и зондов. Радек же должен был сделать всё возможное для расширения окна перехода. Столь малый размер коридора категорически не устраивал Москву.

Московский куратор ошарашил Павла новостью: Пекин, в лице своего министерства энергетики, негласно заявил о недопустимости сокрытия природного артефакта и предложил осваивать Объект совместно, обещая значительные инвестиции в проект. Этим выяснилось, что китайцы не до конца поняли, что происходит сейчас на Новой Земле. Также из Москвы передали, что янки знают гораздо больше китайцев, благодаря работе осведомителей. Помимо того, в Мурманске и Североморске было полно иностранных граждан, вплоть до швейцарцев, проявивших повышенный интерес к архипелагу и всему, что с ним связано.

Зато контрразведке раздолье – сколько новеньких клиентов засветилось в этот небольшой временной промежуток! Москва обещала вскоре закрыть Североморск для иностранцев, как и было до «демократизации» страны. Ну а на месте аномалии решили строить фиктивный филиал Энергетического института, – альтернативный вариант с местом утилизации радиоактивной дряни был отмечён сразу. Как было и отклонено китайское предложение о совместной работе.

«Как надоели уже эти скользкие азиаты!» – подумал Павел.

Он был обрадован известием о том, что Москва не допустила китайского партнёрства. Они, верно, надеялись, что Россия, опасавшаяся влияния американцев, бросится в объятия Пекина. Ан нет! Сегодня китайцы предлагают вместе изучать что-либо, а завтра тут от них будет не продохнуть. И через энное количество лет они объявят ненцев китайским народом, а Новую Землю исконной территорией Китая, отторгнутой от Поднебесной русскими помощниками в результате очередных неравноправных договоров. Вот уж родня великого Ломоносова в гробу заворочается!

Кстати, что-то они в последнее время раздухарились. Снова требуют землю у Хасана, пока, правда, через свою прессу и приморские СМИ, с радостью подхватывающих слухи, закидываемые Пекином. Если берег реки Туманной всё же отдадут, то Приморье окончательно захиреет, когда китайцы рядом с ним свой порт отгрохают. Да они и сам Владивосток уже давно своим объявили, Хэйшэньвеем кличут. Эх, вот радость-то – жить во времена перемен! При Сталине такого не было. Павел когда ещё слышал байку про то, как великий кормчий Мао просил красного монарха Союза ССР поселить двадцать миллионов китайцев на Дальнем Востоке. Виссарионыч тогда ему отлуп дал, мол, у меня свои миллионы имеются. А сейчас от Пекина кусками русской земли откупаются. Вон на Дальнем Востоке уже скоро сами русские в тотальном меньшинстве будут: откупаться не придётся, всё само Китаю в руки свалится, как груша перезрелая. То-то они совсем скромность потеряли...

Днём Радек планировал увеличить подачу энергии на окно аномалии, воздействуя на контур, чтобы заставить его расширить свои границы. Это была не его идея, – Павел Константинович требовал от профессора провести этот опыт. Выяснилось, что нижегородцы запаздывают с мини-АЭС, их подводили смежники из подольского «Гидропресса». Поток грузов для экспедиции же не иссякал, и на площадке перед переходом скапливались ждущего своей очереди погрузки на транспортёр штабеля материала, оборудования и всего прочего.

Профессор несколько опасался заставлять аномалию раздвигаться – ведь её природа ещё не была изучена и понята и всякое воздействие чревато противодействием. Хотя у него был небольшой и успешный опыт в этом деле, ему же удалось раздвинуть окно на некоторое расстояние. И прошло это вполне безболезненно, лишь увеличилось количество энергии, идущей на поддержание работы перехода. Значит, всё дело в мощностях. С прибытием мини-АЭС все проблемы будут решены.

Находясь в ангаре у пультов управления работающего с аномалией оборудования, Николай ощущал небольшой дискомфорт, но всё же заставил себя успокоиться и прогнать мысли о возможной неудаче. Ведь, в конце концов, это и есть работа учёного-исследователя. Он должен пробовать, идти вперёд, сомнения – помеха делу! Если бы учёные сомневались в своих силах и не занимались якобы опасными исследованиями, то, возможно, и мир вокруг нас был бы другим. Менее динамичным, менее развитым.

«Так что вперёд!» – Радек кивнул своему помощнику и тот принялся задавать алгоритм работы аппаратуры.

Увеличение мощности воздействия поначалу ничем себя не проявляло – подсвеченная аномалия продолжала мерцать и вибрировать, как обычно. Но по прошествии нескольких минут её границы начали-таки раздвигаться в стороны, удалось выиграть ещё примерно до двадцати сантиметров. Павел с жаром поздравил Радека, с искренней улыбкой пожав тому руку.

– Это великолепно, Николай Валентинович! – воскликнул он. – У нас всё впереди! Мы сделаем тут полноценный коридор!

Профессор вяло улыбнулся. К счастью, ничего страшного не произошло. Аномалия, оказывается, имела свойства растягиваться. Недалёк тот день, когда можно будет использовать на той планете и технику. Цикличность аномалии уже давно была остановлена. А накопления

возмущения её контура не замечено. Это значило, что пробой, организованный людьми на архипелаге, не критичен. А значит, не опасен. Теперь Радек мог с чистой душой сделать такой вывод. Доложив о нём Павлу, он тут же услышал предложения снова попробовать увеличить окно перехода. На этот раз Николай решительно отказался:

– Павел Константинович, – твёрдо сказал профессор, голосом, не терпящим возражения. – Это вам не в игрушки играть. Всё-таки я буду отвечать, если что-либо произойдёт. У нас может не хватить мощности на поддержание контура.

– Ясно-ясно, – тут же сдался начальник. – Это ваша епархия, товарищ Радек.

– Давайте дождёмся этих ваших АЭС для начала, – договорил профессор. – А потом будем снова пытаться.

После обеда к руководителю проекта подошёл капитан БДК Фёдор Сартинов:

– Вас можно поздравить, Павел Константинович? – с улыбкой проговорил он, приподнимая солнечные очки.

– Да, Фёдор Андреевич, – Павел пригласил его жестом к своему домику. – Поговорим, чайку попьём?

– Можно, – кивнул каперанг. – Но я к вам по личному делу, так сказать.

– Слушаю вас, – улыбнулся Павел.

Как оказалось, Сартинов хотел осмотреть колонизируемую планету:

– А то одно дело слушать рассказы морпехов, а другое – увидеть самому! Вы не будете против, Павел Константинович?

Тот несколько смутился и ответил, что, дескать, раз уж мы тесно сотрудничаем, то тайны тут нет никакой.

– Да и формы допусков мне сверху не спускали, – сказал Павел. – Так что, я думаю, большой проблемы тут нет. Идите, конечно, это того стоит.

– Вот и отлично, – пожал ему руку Сартинов. – Мы с офицерами на пару-тройку часиков тогда отлучимся.

Павел недовольно посмотрел ему вслед – да что их туда тянет-то? Только что рабочие выпросили провести там время до окончания светового дня, теперь моряки. А завтра что, туристов туда водить? Надо будет спросить у куратора о формах допусков.

Вечером, после очередного телефонного переговора с Москвой, Павел Константинович, поглядывая на часы, направился к ангару над аномалией. Рабочие, оставшиеся на той планете, явно испытывали его терпение, не возвращаясь обратно к оговоренному сроку. Опаздывал и капитан Сартинов, что особенно удручало Павла. Уже подходя к двери ангара, он едва не столкнулся с помощником Радека, буквально выскочившего оттуда. На лице его было глубокое изумление и тревога.

– Что с вами? – начальник проекта остановил его возле дверного проёма. – Что случилось?

– Аномалия! – воскликнул он. – Она закрылась!

– Что?! – Павел схватил его за грудки.

Поначалу всё шло отлично, профессор, удостоверившись в стабильной работе перехода, оставил своему помощнику необходимые указания и ушёл снова на новую Землю. Аномалия до поры ничем себя не проявляла. Лишь около десяти минут назад неожиданно произошло помутнение контура перехода и она стала расширяться, выпуская в разные стороны языки плазмы. Резко подскочило потребление электроэнергии на поддержание работы аппаратуры. Постепенно увеличивая до возможного максимума подачу мощности, специалисты сдерживали контур. Однако события развивались слишком стремительно. Переход будто сгущался, темнея изнутри. В конце концов он попросту исчез, внезапно, разом, выплюнув кабель связи.

На месте висящего марева не осталось ничего, что напоминало бы об аномалии. Исчезли и вибрации.

– Заходить пробовали? – срывающимся голосом проговорил Павел, находясь уже внутри ангара.

– Конечно, – ответили ему. – Ничего не происходит. Переноса нет!

Чёрт побери! А ведь завтра утром их ждали на организованной видеоконференции с Москвой на борту «Профессора Штокмана». Они только что разговаривали с куратором проекта об этом. Смирнова и Радека нужно было предупредить об этом.

Решив самостоятельно проверить отсутствие аномалии, Павел прошёл сквозь это место. Ничего не произошло. Его ботинки с хрустом давили бетонную крошку на полу.

– Господин помощник профессора! Вы же обещали мне стабильную работу аномалии и её цикличность! Что теперь скажете? – лицо руководителя проекта исказилось в гримасе отчаянья.

– Мы все ошибались, – проговорил учёный, уставившись на место, где прежде висело марево входа в аномалию. – Возможно, не стоило лишний раз дёргать контур из-за нескольких сантиметров. Это слова профессора, Павел Константинович, – строгим голосом проговорил помощник Радека.

– Не стоит так драматизировать! – воскликнул начальник. – Скоро у вас будет достаточно энергии, чтобы снова открыть её.

– Я тоже на это надеюсь, – глухо проговорил учёный.

Байкал, базовый лагерь «Новая Земля». Конец мая

В палатке, где монтировалось научное оборудование, а также находилась мобильная химическая лаборатория, было многолюдно. Помимо монтажников, ещё только подводивших кабели и скреплявших блоки аппаратуры, тут было всё начальство экспедиции. Радек инспектировал ход работ и переговаривался со Смирновым по поводу будущего увеличения контура перехода:

– Вы представляете, Андрей Валентинович, – рассказывал профессор, – со временем мы сделаем так, что сюда будут прибывать и автомобили! Да что там автомобили – грузовики, спецтехника! Вы представляете, как мы тут развернёмся!

– На-ам не-ет прегра-ад ни в море, ни-и на су-уше, – с улыбкой пропел известную советскую песню полковник. – На-ам не-е страшны-ы ни льды, ни о-облака-а...

– Пла-мя души-и своей, зна-мя страны-ы своей, – подхватил Николай, – Мы-ы про-несём через миры-ы и века-а!... В нашем случае это именно так!

– Если с мирами всё ясно, – согласился Соколов, – то с веками полная неразбериха, товарищи. Пока мы не знаем, что тут за времена, но факты говорят, что не слишком развитые.

– Если судить по рассказам найденных Сазоновым мичманов, времена довольно дикие, – уже с серьёзным лицом проговорил полковник. – Родоплеменной строй, охота и собирательство.

С первой встречи Сазонова с мичманами прошло уже несколько дней, с тех пор встреч было ещё три. На второй появился Виктор Сафаров. Он, в отличие от коллеги по несчастью, страстно хотел попасть домой, в Казань. Но неожиданно встала проблема в лице начальника проекта. Павел Константинович был против того, чтобы мичман брал с собой свою местную семью – трёх жён и восьмерых детей. Он оправдывал это тем, что покуда не получено разрешение из Москвы, чтобы выводить из аномалии жителей иного мира. Они могли принести с собой вирусы и болезни, свойственные этой планете. Поэтому Павлом, после долгих колебаний, было дано разрешение Сафарову поселиться поблизости от базового лагеря землян, в выделенной ему палатке.

Появление огромной семьи бывшего советского мичмана вызвало в лагере множество пересудов и дало пищу для разговоров на неделю вперёд. Бойца из роты обеспечения, носившего ему еду, а также врача, осматривавшего этих людей, донимали множеством вопросов. Как говорил Виктор, Васильев остался в поселении думать, что же ему предпринять. Смирнов предположил, что он тоже придёт: поскольку его товарищ был здесь, то следует ждать и Николая.

– Одному ему станет тоскливо, – сказал тогда полковник.

Андрей оказался прав. Васильев, поначалу не испытывавший восторга по поводу возможного ухода на родину и оставлению уже ставшей ему привычной жизни в тайге, появился у лагеря на исходе прошлых суток. По его словам, их вождь Данул был весьма зол из-за ухода Сафарова и пытался запретить уйти и ему. Однако появление боеприпасов к автомату Николая решило вопрос в его пользу. Данул ничего не смог этому противопоставить. Он хорошо помнил первое знакомство со злой палкой, пускающей невидимые стрелы.

– Почему им не позволяют выйти из аномалии? – удивился майор Сазонов, собираясь выходить из палатки.

– У Павла есть опасения насчёт режима соблюдения секретности Объекта, – ответил за всех полковник. – Но он обещал Сафарову через полтора месяца решить вопрос положительно, правда, Виктору придётся поменять место жительства.

– Ну, это ещё ничего... – протянул Соколов и, делая шаг за полог и закрывая глаза от солнечного света, удивился: – Это что такое?

К палатке руководства со всех ног спешил один из научных сотрудников проекта, отвечавший за контроль перехода. Едва увидев его лицо, все поняли, что произошло нечто.

– Саша, что случилось? – вышел вперёд профессор.

– Николай Валентинович, – тяжело дыша выдохнул учёный. – Аномалия! Контур закрылся!

– Что?! – воскликнули буквально все.

Вспыхнувшие было страсти тут же погасили Смирнов и Радек, аргументировав это недопущением распространения паники. Было решено срочно устроить какую-либо видимость работы у перехода. Радек, побледнев от неожиданной вести, предположил, что это рабочий момент. Как он пытался объяснить, контур аномалии держался за счёт аппаратов, которые держали его открытым, действуя на него ионно-плазменными волнами. Для этого процесса было необходимо бесперебойно подавать напряжение.

– Возможно, что-то случилось с электропитанием, – сказал он решительно. – Мои ребята найдут выход, я уверен.

– А если не смогут найти? – негромко спросил главный инженер. – Что тогда?

– Тогда нам остаётся ждать, – ответил еле слышно Радек. – Семнадцать лет.

Самой главной задачей сейчас было недопущение в лагере паники, поэтому собиравшиеся у бывшего перехода рабочие, временно оставшиеся на базе, были немедленно направлены полковником на проведение инвентаризации всего имеющегося имущества. «Экскурсанты» Сартинов и офицеры покуда были у берега Байкала, и к капитану послали бойца с просьбой прибыть в палатку руководства экспедиции. Майор Сазонов был отряжён на срочный пересчёт всех находившихся в лагере людей. Он должен был свериться с журналом учёта переходов, в котором расписывались все входящие и выходящие из аномалии люди. Примерно через час майор доложил Смирнову о полном соответствии наличествующего состава списочному, присовокупив семьи бывших мичманов.

– Товарищ полковник! – докладывал майор. – Произведён пересчёт людей, находящихся в базовом лагере. Согласно списочному составу расхождений нет. Наличествует четыреста шестнадцать человек. Из них сто восемьдесят четыре военнослужащих.

– Спасибо, Алексей, – кивнул полковник. – Ваша с Петренко задача – не допустить возможные выступления персонала в случае распространения известия о закрытии перехода. Только паники мне тут не хватало. А мы с товарищами будем совещаться в палатке связи. Держите ситуацию под контролем, докладывайте по каждому случаю.

Некоторое время спустя

Полковник на правах председательствующего открыл совещание, начав с главного вопроса:

– Товарищ Радек, каков ваш прогноз по поводу возобновления работы перехода?

– Как я уже говорил, – отвечал профессор. – Вопрос стоит в подаче электроэнергии, как только будет подано достаточно мощности, контур будет восстановлен.

– Время, нас интересует время, – сказал Соколов.

– Максимально – неделя, – решительно проговорил Радек. – На днях в Рогачёво прибудет самолёт с мини-АЭС. Это должно надолго снять проблему питания окна.

– Хорошо, будем исходить из этого, – кивнул полковник.

– Объясним людям, что сейчас происходит монтаж электростанции и им следует какое-то время потерпеть до её пуска, – предложил главный инженер. – Вот только...

– Что? – нахмурился Смирнов.

– Удовлетворит ли персонал такой ответ и на сколько времени хватит их терпения? – объяснил Вячеслав.

– Поживём-увидим, – закончил короткое совещание начальник.

Вряд ли кто-то был уверен в быстром разрешении проблемы. И у каждого были на то свои причины.

Через четверо суток даже у самых стойких оптимистов стали сдавать нервы. Начались первые стихийные выступления рабочих – грузчиков, монтажников. Их контракты не предусматривали подобной ситуации, да и обитать они должны были в обустроенных домиках, а не ютиться в палатках. Спустя неделю дело едва не дошло до драки, специалистов научной группы морпехам пришлось взять в кольцо охранения, дабы не пускать к ним разбушевавшихся рабочих. Начались призывы к неповиновению. Вскоре пришлось даже стрелять в воздух, охлаждая иные горячие головы. Обстановка в лагере постепенно накалялась.

К концу второй недели страсти поутихли, уступив место апатии. Но начались случаи неподчинения у морпехов-срочников. Контрактники-офицеры держались отдельной группой, уже нехотя подчиняясь руководству лагеря. Создавалась критическая ситуация, до полного разложения персонала было совсем недолго, и Смирнов это понимал. На очередном совещании Соколов предложил собрать людей и объяснить всё, как есть. И направить усилия всех на собственное выживание.

– Уже сейчас надо что-то предпринимать, через три, максимум четыре месяца начнутся холода. Что такое сибирские морозы, все знают? И топливо начинать экономить.

– Что ты конкретно предлагаешь, Вячеслав? – скрестил на груди руки Смирнов.

– Вот, – Соколов выложил на стол ту самую странную фигурку из белой глины, которую нашли биологи под скелетом.

– Что это? – раздалось несколько голосов.

– Что ты хочешь этим сказать? – полковник удивлённо посмотрел на инженера.

– Кирпичи.

– Ты хочешь делать кирпичи?! – воскликнул Смирнов.

– Разве не надо? Кто из вас зимой откажется от дровяной печки? – инженер обвёл взглядом маленькую компанию.

– Но как ты будешь их делать? И где материал возьмёшь?

– Я уже нашёл, спасибо Виктору Сафарову. Я показал ему эту фигурку и спросил, где тут в округе есть такие глины. Он мне рассказал о некой белой реке, местные её хорошо знают. Она впадает в Ангару. Поэтому сейчас я ставлю первоочередной вопрос по организации экспедиции на поиски белой глины. Я знаю, что она хорошего качества – глина жирная, фигурка не разбилась о камни с метровой высоты падения, я проверял. Нам нужны печи на зиму и нужен кирпич для построек.

– Ясно, я думаю, что возражений быть не может по этому вопросу? – Смирнов оглядел людей.

– Но как мы поступим с туземцами? – проговорил Петренко. – Ведь это сейчас мы в волчьем углу и пока нас никто не посетил, и только потому, что мы не высываемся? Мы же не можем запретить им ходить по тайге?

– Да, Ярослав, это верно. Да и мы не можем вечно тут сидеть! – согласился полковник.

– А вдруг завтра аномалия откроется? – задумчиво проговорил Радек.

– А вот как откроется, тогда и будем думать. А пока всё, вопрос закрыт. Вячеслав, собирай группу, подумай, сколько человек тебе надо.

– Валентиныч, обижаешь. Я уже тут накидал кое-чего, – инженер достал из кармана лист бумаги.

Смирнов углубился в чтение.

– Погоди, это тебе около двадцати человек надо, ещё охрана...

– Да, по охране я там тоже написал. Но это прикидочно, сначала надо найти глину и обследовать местность вокруг. Я думаю, если место подходящее, то нам придётся переезжать на новое место.

– Вы что, бросите место аномалии, вы в своём уме? Как так можно делать? Я отсюда никуда не уйду! – Радек разошёлся не на шутку.

– Погодите, об этом никто не говорит, – примиряюще сказал Вячеслав.

– Конечно, это место надо должным образом оборудовать и постоянно находиться тут, – рассудил Смирнов.

– Так, ладно, по первому вопросу ясно. Завтра уйдём на двух лодках по Ангаре, поищем место, о котором рассказал Сафаров. Кирпичи нам действительно будут очень нужны.

Пекин. «Женьмин Жибао». 15 июля 2008

...Власти Российской Федерации до сих пор не дали внятного ответа по поводу территориального размежевания в Хасанском районе Внешнего Дунбэя (Приморье – рус.). По мнению министра иностранных дел Китая Ли Чжаосина, китайская сторона и так до сих пор проявляла беспрецедентную сдержанность в вопросе спорных территорий. Как известно, в 2004 году китайские власти добились передачи Россией Китаю исконно китайских островов близ Боли (Хабаровск – рус.), а до этого мы получили от советского лидера Хрущёва свои острова на реке Уссури. Потом от господина Горбачёва, предателя коммунистических идеалов, мы получили часть спорной территории. Тем более непонятны сегодняшние трудности в оккупированном русскими исконно китайском районе близ Хайиэвэя (Владивосток – рус.). Коммунистическая партия Китая в лице её председателя Ху Дзиньтао гневно осудила нерешительность властей Российской Федерации в этом важном для всех китайцев вопросе. «Эти проблемы не дают нормально развивать нашим странам экономические проекты», – заявил Ху Дзиньтао. Напомним, что китайская сторона при передаче ей Хасанского района готова вложить до восьми миллиардов евро в этот депрессивный регион для строительства крупного океанского порта на побережье Японского моря. Также власти Китая обещают полное соблюдение всех прав русского меньшинства. Между тем глава провинции Хэйлудзянь Ван Лининь заявил, что «пора поднять вопрос о принадлежности Китаю всех незаконно отторженных у него царской Россией территорий, а именно: Забайкальского края и Бурятии, Амур-

ской области и Приморья, побережья Охотского моря и Сахалина, Якутии и других территорий». Как заявил Ван Лининь, пора пересмотреть варварский акт захвата Китайской земли, осуществлённый в результате навязанных Россией неравноправных договоров.

Сообщает специальный корреспондент в провинции Хэйлудзян Чжан Гуан Чен.

Мурманск. 17 сентября 2008

Дела складывались хуже некуда, аномалия не проявляла себя уже второй месяц. В Северноморск был отведён БДК-91, а научно-исследовательское судно «Профессор Штокман» ожидало решения Москвы, оставаясь у архипелага. Базу сильно сократили, оставив вахтовый персонал. Также было принято решение о заморозке планов по строительству корпуса филиала московского института физики высоких энергий, как прикрития для Объекта. Бойцы из спецподразделений, управленцы и большая группа учёных и специалистов всё ещё находились в посёлке Рогачёво.

За время изучения аномалии Рогачёво чудесным образом было реанимировано из того ужасного состояния, в котором находился практически умерший, покинутый и разрушающийся посёлок. Теперь коммуникации его были восстановлены, несколько зданий, в которых ещё теплилась жизнь, были отремонтированы, а также покрашены в яркие цвета на манер некоторых северных городов. Была построена целая улица из небольших домов, конструкция которых разрабатывалась специально для северных широт. В них сейчас и жили люди, ожидающие открытия окна аномалии.

Павла же пока отправили в Мурманск, объяснив это отпуском, чему он был очень недоволен. Профессиональная ревность к полковнику из спецчасти, недавно прибывшему с материка, не давала ему расслабиться. Слишком уж резко полковник стал пытаться поставить себя выше Павла. Где уж там можно было подлечить расшатанные неожиданным ударом нервы? Тем более что научный руководитель всего проекта оказался запертым с той стороны, вместе с остальными людьми. А их там было без малого четыре сотни!

Но были и позитивные моменты. Самое главное, что напряжение в международных отношениях из-за российской аномалии заметно спало. Убралась и большая часть агентов иностранных разведок из северных городов Мурманской и Архангельской областей, тех, кого ещё не арестовали, а просто взяли на карандаш наши контрразведчики. Даже китайцы больше не досаждали предложениями о совместном изучении аномалии. Павел начал осознавать, что исчезновение этого прохода между мирами не столь уж и плохо. По прибытии в Мурманск он сдал офицерам федеральной службы безопасности паспорта и документы людей, оставшихся на той стороне. Павлу было предложено отдохнуть какое-то время и после этого снова приступить к исполнению своих обязанностей. Пока что в Мурманске.

Павел действительно долго не мог найти себе места: себя и только себя он винил в сложившейся ситуации, он пошёл на поводу у Москвы и не мог или не смог разъяснить опасность массового перехода людей через Объект. Но паршивые дела складывались не только у Павла, паршивой была всё же и международная политическая ситуация.

Затихнув с требованиями на одном направлении, Китай словно взбесился на другом. По всем каналам крутили кадры, до боли напоминающие хронику конфликта далёких шестидесятых. Кадры, снятые на российско-китайской границе в Приморье. Переплывавшие Уссури на лодках, катерах и даже плотках китайцы, как и раньше, устраивали бессмысленные, с точки зрения российских обывателей, акции. Они опять, как при Хрущёве, махали красными книжечками-цитатниками Мао и с остекленевшими глазами на безумных лицах толкали наших пограничников, пытаясь выдвинуть их подальше от российского берега. Но вся дикость ситуации заключалась в том, что на российской стороне происходило то же самое. Такие же китайцы с теми же цитатниками и с такими же безумными лицами собирались у застав и пытались про-

рваться внутрь ограждений. Усугублялось это тем, что зажатые с двух сторон пограничники не открывали даже предупредительного огня. Приказа такого не было.

Павел знал, что официальный Китай давно стимулировал процесс въезда граждан Поднебесной на Дальний Восток России с целью, получив там национальное большинство, устраивать провокации. Видимо, время уже пришло. Ситуация была критическая, на все призывы Москвы одуматься власти Китая не отвечали. Лишь центральная пресса Китая печатала пламенные воззвания к восстановлению исторической справедливости. Так же печатались изречения Мао Дзэдуна и Дэн Сяопина о варварских захватах китайской земли царским правительством России. В статьях поносились русские казаки, дипломаты и деятели прошлого, такие как Хабаров, Невельской, Муравьев, Игнатьев и многие другие. Истерия нарастала.

– Что же будет дальше? – Павел обречённо вздохнул.

И, главное, отбиваться-то, кажется, нечем, ведь советская стратегия войны с Китаем предусматривала локальное применение ядерного оружия. Иного способа сдержать людское море из Китая не было. А сейчас что?

Наворотили делов демократишки. Япония уже давно демонстративно держит свои корабли у Курил, нагло посылает браконьерствовать своих рыбаков в российские воды. А где наш флот? Ага, правильно – что не сгнило и не продано на металл, то стоит прикованным к причалу. Забыли власть предрекающие слова императора Александра Миротворца: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас», – эх, забыли. Или не знали вообще. Зато нефтедолларов у нас мёртвым грузом висит и не работает рекордное количество, как рапортует иной чиновник по ящику. Правильно, а зачем Стабилизационному фонду работать? Ведь мы, по словам другого чинуши, не можем освоить такие деньги, у нас, видите ли, подходящих объектов для финансирования нету. Конечно, не сельское же хозяйство финансировать! Зачем оно нам, если есть польская буйволятина аргентинского производства годов эдак семидесятых, снятых с армейских запасов глубокой заморозки. Есть канадская пшеница с изменённым генным составом. Голландские помидорчики с геном рыбы. И прочая отравка.

– Эх, что дальше? – повторил Павел. – А ничего хорошего. – И встал, чтобы развеяться, а то грустные мысли, лезущие в голову, совсем добились.

Выйдя из гостиницы «Меридиан» на улице Воровского, что практически центр, Павел зашёл в супермаркет за коньяком. «Расслабиться, так до конца», – решил он и выбрал поллитровую бутылочку выдержанного армянского.

Внезапно зазвонил выданный Павлу ещё в начале проекта служебный сотовый телефон, заставив его чертыхнуться. Цифры, высветившиеся на дисплее, были незнакомы, хотя его собственный номер был известен лишь очень узкому кругу людей.

– Алё? Что?!!

И сунутая было подмышку бутылка брызгами осколков разлетается по полу, распространяя в отделе элитного алкоголя запах дорогого коньяка.

Звонили из Москвы. Аналогичная новоземельской, новая аномалия внезапно появилась под Сары-Ташем, что в Киргизии, недалеко от заброшенной советской станции противовоздушной обороны. Китай и США уже в курсе характеристик аномалии и оба гиганта готовятся к высылке солдат и учёных в зону нового пространственного перехода. Американцы уже отправили самолёты на свою базу в аэропорту «Манас». Китайцы сосредотачиваются на границе. Вялые попытки официального Бишкека противиться никто не принимает всерьёз.

Рен-ТВ, экстренный выпуск новостей. 18 сентября 2008

– Мы находимся на главной площади Бишкека. Здесь собрались тысячи людей, которые выражают свой протест произволу американских военных. Напомним, прибывшие сегодня ночью четыре роты батальона сил специальных операций армии США без применения ору-

жия оттеснили части национальной гвардии Киргизской республики из местности неподалёку от бывшей советской базы войск ПВО. Руководство Киргизии выразило решительный протест действиям американских военных, однако Белый Дом пока никак не отреагировал на заявление Бишкека. Тем временем находящиеся в Киргизии, согласно договору между членами Шанхайской организации сотрудничества, китайские войска приведены в полную боевую готовность. Также на киргизско-китайской границе скапливаются части китайской армии, прибывающие из Синдзян-Уйгурской автономии Китая.

Командующий контингентом находящихся в Киргизии американских войск полковник Генри МакГроу предостерегает Пекин о недопустимости опрометчивых решений, которые могут повлечь за собой тяжёлые последствия. В целом, ситуация в данный момент очень взрывоопасная. Сегодня рано утром местные информагентства передали сообщения о неоднократных нарушениях воздушной границы Киргизии летательными аппаратами ВВС КНР.

С вами был специальный корреспондент Рен-ТВ в Средней Азии Василий Атабаев.

Павел выключил телевизор и откинулся на кровать, закрыл лицо ладонями.

«Что-то совсем у наших “друзей” крыша поехала... Так и до крови недалеко осталось. Эта чёртова аномалия как будто выедаёт мозги у высших государственных мужей... А что если так и есть?! – осенила его дикая мысль. – Эта штука способствует агрессии за право ею обладать! Вон как Китай голодно поглядывает на кладовые Сибири и Дальнего Востока. А огрызок Советского Союза ему уже не препятствие. Янки чуть флот свой не двинули к Новой Земле! Даже карлики из Евросоюза присылали своих шпионов в Мурманск и другие города и посёлки акватории Баренцева моря».

Байкал, базовый лагерь «Новая Земля»

Отплытие поисковой группы было намечено на раннее утро двадцатого августа. Хотя здесь явно был июнь, календарный отсчёт времени еще по привычке вели по прежней своей жизни. Плыть решили на двух больших моторных лодках. В охранение было отправлено отделение Сазонова, как наиболее опытное.

Между прочим, возглавлявший поход Вячеслав Соколов решил отпустить бороду.

– Просто здесь бриться лень, – отшутился он по этому поводу.

До истока Ангары добрались без происшествий. Миновав скалу шаманов, на реке сбросили скорость и, внимательно оглядывая берег, пошли вниз по Ангаре. Лес по берегам реки подступал прямо к воде, и было весьма затруднительно что-либо в нём разглядеть. Вскоре миновали небольшие пороги и острова, – насчёт них Сазонов отметил, что тут туземцы могут устроить им кузькину мать, если что. Через пару часов достигли первого крупного притока, но Соколов рукой показал первой лодке двигаться дальше. Карпинский обозревал огромные пространства с невысокими горами на горизонте.

– Землищи-то сколько, мать моя женщина!

Миновали и второй приток. Всё шло без приключений до тех пор, пока Карпинский не заметил вытащенные из воды лодки на левом берегу. На песчаной площадке между деревьями весело горел костёр, в небольшом котелке кипело варево. Хозяева костра, видимо, только что удрали, и все попытки докричаться до них причалившей экспедиции успеха не возымели. Вячеслав с интересом разглядывал неуклюжий котелок, плошки, деревянные остроги. Между деревьями были растянuty шкурки белок, горностаев и прочей меховой живности. В открытом кожаном мешке лежало пшено, видимо, его только хотели засыпать, да пришлось убежать. Карпинский, осмотрев полянку, сделал вывод:

– Всё ясно – охотники, они сами тут в гостях.

– Ладно, уходим, – Сазонов торопил всех на реку.

Лодки вошли в третий крупный приток слева и углубились в него. А через несколько километров, наконец, начались крутые белые берега. Искомое! Но среди этих почти отвесных берегов надо найти подходящее место для высадки.

После того, как лодки причалили, инженер сразу принялся прощупывать глину. Сазонов троих человек отправил за хворостом.

– Майор, надо пошарить по округе. Дай пяток человек, – Вячеслав подошёл к Сазонову, едва тот присел на корточки у начавшего разгораться костра.

– Сержант! – позвал майор Новикова. – Возьми трёх людей и – с инженером! Смотри в оба! Световое время у вас есть. Слишком не удаляться!

Проверив рацию, Новиков выбрал троих парней, и через пару минут группа скрылась в высоком кустарнике. Вернулись они спустя пару часов.

– Ну что, Алексей! Оглядишься вокруг, ознакомишься с местностью. Тут будет наше новое поселение, – с немалым удовлетворением сказал инженер.

– Что нашёл-то интересного, Андреич?

– А много чего! Ну, во-первых, с глиной всё нормально. Как я и ожидал, отличная глина, жирная. Будем замешивать её с речным песком для кирпичной массы. А во-вторых, тут есть известняк, то есть и вяжущее для кирпичей есть, и камень для строительства. Возможно, есть железные руды, по крайней мере, выход одной из подземных жил вон на том утёсе точно имеется, я зафиксировал. Так что строимся и живём тут.

Обратный путь занял гораздо меньше времени, группа вернулась в лагерь буквально с заходом солнца.

Вячеслав рассказал Смирнову о новом месте и так красиво его расписал, что выходило, будто там находится рай земной. После долгих споров было решено разделить людей примерно пополам.

На новое место отправлялись часть рабочих и специалистов Соколова, два отделения морских пехотинцев под командой майора Сазонова, отделение хозроты, бригада медиков и оба специалиста-почвовед.

Рейсы на лодках для доставки инструмента, топлива, пищи и оборудования заняли почти двое с половиной суток.

В базовом лагере по настоянию Смирнова пока продолжалось строительство изб. Также шла заготовка брёвен для частокола. Они складировались под навесом. Оставшимся девяти рабочим помогали посменно бойцы Петренко. Вячеслав начертил примерный план построек: первым делом над местом аномалии соорудили шестигранный сруб, похожий на дозорную башню. Частокол со встроенными башенками планировался по периметру всего холма с будущим захватом северного луга. На южном обрывистом склоне в проекте должна была быть сооружена градница – большое прямоугольное укрепление-изба, в котором расположились бы казармы для морских пехотинцев. А под ней, для закрепления обрыва предполагался обруб – деревянная обшивка из брёвен. Жилые дома и медицинская изба пока теснились в центре проекта поселения. Северная, самая пологая сторона холма в будущем обзаводилась воротами и двумя башенками по сторонам.

Так что работ было море и людей было чем занять на ближайшие, до наступления настоящих холодов, три месяца. Характерно, что рабочие, по примеру своего начальника, стали отпускать бороды. Даже Сартинов, который, наконец, начал принимать участие в общей работе экспедиции.

Глава 4

Лагерь «Белая речка». Ранняя осень

Производство кирпича уже шло, правда, пока небольшими темпами, зато споро и чётко. Но и для этого надо было повозиться. Как и заверял инженер, глина оказалась отличного качества, – первый кирпич-сырец, обожжённый в конструкции из железной бочки с ножками, дал возможность довольно быстро сделать печи для обжига просушенного кирпича. Теперь дело пойдёт быстрее и сушащиеся в четырёх формах заготовки кирпичей через несколько суток будут готовы к обжигу. Да и ещё повезло, что не было дождей, хотя опасные тучи на небосклоне наблюдались.

Также были сложены печи и для нужного посёлку процесса углежжения. Кстати, ещё до процесса формовки кирпичей Соколов определил группу рабочих в углежог. Мужики валили окружающий лагерь вековой лес. Все работали слаженно и строили основательно. Люди понимали, что от их работы зависело то, как они переживут уже совсем близкую зиму. Поэтому никакие понукания были не нужны. Да и людей с ленцой в экспедиции не было. Первое оцепенение и шок уже прошли, уступив место самосохранению.

Лагерь расширялся, обрастал постройками, постепенно становясь посёлком. Каждые сутки работы кирпичной артели сжигалось до пяти кубометров дров, соответственно, в отвалах копилась древесная зола. И как-то раз Соколов, обходя своё хозяйство, увидел эти завалы. Вскоре морпехи, работая лопатами и носилками, перенесли всю золу в специально построенный неподалёку от ближнего поля сарай.

– Внесение в почву сей калийной соли или, как её звать по-иному, – поташа, даёт чудный прирост урожайности картофеля, свёклы, пшеницы и прочего, – сказала как-то незадолго до этого Вячеславу агротехник Сотникова.

И в строительстве стодитя – с ним бетон быстрее схватывается. Да и что может быть лучше безотходного производства?

Около месяца назад в базовом лагере произошёл принципиальный спор среди руководства. Полковник, решив сберечь на зиму запас консервов, начал раздавать людям картофель. Едва увидев это, Сотникова и старший медик экспедиции Дарья Поповских набросились на Смирнова с кулаками. Опешивший начальник сдерживал разгорячённых женщин в одиночку.

– Ты что?! – кричала Дарья. – Хочешь нас всех без картофеля оставить на следующий год? Ты консервы весной сажать будешь?

Вопрос с продуктами решился. С этих пор запас картофеля был объявлен неприкосновенным, а его сохранностью занялись специалисты.

Ни туземцы Данула, ни какие другие пока не объявлялись вблизи поселений, но их присутствие угадывалось по редким, приносимым ветром запахам далёкого костра и ночным звукам, доносящимся с Ангары. Смирнов уже подумал было, что, в конце концов, им самим придётся заявиться к аборигенам. На носу были холода, а запасов тёплой одежды на всех не хватало. Вот тут и помогли первые визитёры в этот мир – Васильев и Сафаров. Они уже щеголяли в подбитых мехом кожаных курточках и тёплых штанах и объяснили, что для обмена главным богатством для местных жителей являлись железо и изделия из него.

– Если бы вы производили железо на обмен, то вас бы завалили и тёплой одеждой, и мясом, и птицей, – объяснял бывший мичман Васильев. – Вон пример – наше становище всего с одной домницей стало доминировать в округе. А что можно сделать с большим количеством продукта!

– Вообще можно всех под себя подмять, – согласился с другом Виктор Сафаров. – Хорошо, мы никого не учили выплавке, только своих сыновей. Так что никого окрест в конкурентах не будет.

Смирнов крепко задумался: предложение мичманов было весьма логичным. Поскольку железо тут в цене, его производитель будет аккумулировать у себя меновой продукт. Членам экспедиции это особенно важно, поскольку вскоре наступит дефицит одежды и продуктов.

Андрей обсудил это со своими товарищами и коллегами. Построить обычную домницу, аналогичную мичмановской, было делом нехитрым. Зато результат будет быстро. Но былой продукции будет мало, поэтому надо было сразу проектировать мартен. Для начала нужно иметь его схему, а затем начать воплощать проект в жизнь. Тем более пока есть возможность работать с ноутбуками.

А через несколько дней начальник экспедиции прибыл на реку Белую. Полковник Смирнов, обходя развернувшееся производство инженера, лишь восхищённо цокал языком:

– Ну, Вячеслав Андреевич, ты даёшь! Хозяйство у тебя, смотрю, в гору идёт. Когда кирпич перевозить к нам будем?

– Думаю с месяц ещё поделать, потом уже снег может выпасть. Да и смысл возить? В ваших окрестностях надо будет насчёт глины пошукать. Кирпичи возить – топлива на моторки не напасёшься, а у нас его в обрез, – объяснил Вячеслав. – Беречь надо для генераторов.

– Беречь-то надо, но на две-три печи кирпич нам всё равно нужен! – Смирнов почесал удручённо голову.

– Да, везти придётся. Ну ничего, печи вам сложим – солярку на тепло не надо будет перегонять.

– Это да.

Второй сруб был почти готов, сейчас одетые по пояс рабочие крепили крышу и прокладывали её мхом.

– Хороша изба у тебя, – заметил полковник. – Просторнее наших.

– Так у вас срубов больше, поэтому компактнее они. А это и не изба ещё.

– В смысле?

– Избой она станет после того, как печку сложим.

– Ясно, – усмехнулся полковник. – Ну, пойдём в дом, побеседуем, что делать дальше, как жить будем.

В доме уже были сколочены две длинные лавки, большой стол стоял посередине зала, или горницы, как и подмывало это помещение называть, рядом было несколько табуретов. Второй этаж занимала спальня, там стояло шесть двухъярусных кроватей.

– Да, мебельную фабрику впору открывать! Что у нас там этого добра уже навалом, что у вас, – заулыбался полковник.

– Так специалисты же, Андрей, не зря сюда их отобрали, – Вячеслав вздохнул. – Я вот ещё домну ставить буду на следующий год – железо надо плавить.

– С туземцами меняться? – спросил Смирнов. – А то мне Васильев тоже все уши прожужжал насчёт этого.

– Верное дело, товарищ полковник, – заметил инженер. – Кстати, а как у тебя люди себя чувствуют? Я имею в виду, как они переживают то, что мы тут застряли?

Смирнов заметно нахмурился:

– Многие до сих пор как в воду опущенные ходят, – проговорил начальник. – Мечта о нашем вызволении улетучивается с каждым днём. У многих наше обустройство вызывает неприязнь. Будто бы мы утверждаемся тут на века.

– Радек говорил, семнадцать лет, – напомнил Соколов.

– Это мне уже шестьдесят будет, – невесело усмехнулся Смирнов. – Кто мне это время оплатит, Слава?

– Будем надеяться на лучшее, – отозвался инженер. – Быть может, АЭС нас выручит в конце концов.

– А с другой стороны, – продолжал рассуждать полковник, – вся эта экспедиция изначально была великой авантюрой.

И начальник начал сетовать на самоуверенность Радека при работе с контуром. Соколов возразил, объяснив самоликвидацию перехода ответной мерой самой аномалии. Ведь насильно изменять её размеры, вторгаясь в природу неизведанной сущности, это большой риск. Вячеслав объяснил полковнику, что вины профессора тут нет – от него постоянно требовали расширения контура.

– Николай виноват в том, что поддался на эти требования, – сказал Соколов. – Ему обещали скорое увеличение доступных мощностей.

Повисла пауза, каждый думал о своём.

– Да, кстати! – оживился Вячеслав. – Кашу будешь? Чай?

– Чай буду, кашу не хочу.

– А я поем с твоего разрешения, – Вячеслав разлил по стаканам чай, после чего подвинул к себе котелок с кашей. – Андрей, а капитан Сартинов как?

– Что-то он совсем плох стал. Боюсь, как бы с ума не стронулся. Сидит в палатке у себя безвылазно, на избы не смотрит даже. Ему девчонки еду носят, а он зверем смотрит. Надо что-то с ним делать, на него же люди смотрят.

Вячеслав пожал плечами:

– Андрей, смотри сам, я не знаю, чем его занять. Но к делу его надо пристраивать. Кстати, на частокол у вас брёвна готовы уже?

– Да, они пока лежат штабелями, плёнкой накрыли, скоро ставить собираемся.

– Всё разметили?

– Да, колышки по периметру вбили, обрыв укрепляем.

– Как с урожаем засеянного?

– У нас всё отлично! Почва богатая – всё растёт, как в Черноземье. На следующий сезон ещё больше засеет, а с третьего урожая уже небольшую часть его можно на питание оставить.

– Это радует. Пока есть консервы и запас продуктов, – проговорил Вячеслав, – мы с голоду не помрём. Главное – не трогать картошку и зерно.

– Да, – усмехнулся полковник. – Я уже понял. Подумать только, вот я дурень, решил консервы экономить, а картошку есть! – Полковник немного помедлил. – Кстати, Вячеслав, тут ещё одно дело, прямо скажем – первостатейное.

– Чего ещё сделать? Железо ещё рано ковать, весной попробую, – улыбнулся Соколов. – А домницу сейчас сразу и сложим.

– Нет, я не об этом. К Васильеву туземка пришла с ребёнком, – Андрей внимательно посмотрел на инженера. – Зовут её Галдана.

– Ну и хорошо, а нам-то что? – рассмеялся Вячеслав.

– Её сына Трифоном зовут.

– Отличное имя, – хмыкнул Вячеслав, – только почему такое редкое? Не могли попроще подобрать, ну там Саша или Дима, – инженер подмигнул Смирнову.

– Ты погоди шутить, Андреич, тут дело серьёзное, – полковник стал подбирать нужные слова, потом проговорил: – Трифоном звали отца ребёнка. А насколько я знаю, у нас никаких Трифонов нет, да и ребёночку около годика.

Вячеслав от изумления выронил ложку, та с глухим стуком ударилась о пол.

– Ишь ты, – наконец произнёс он. – А где она его встретила? Говорит?

– Говорит, – кивнул Андрей. – Там, где Ангара соединяется с другой большой рекой.

– Ты смотрел карту? – Вячеслав заметно напрягся.

– Конечно. Ангара впадает в Енисей.

- Как далеко отсюда?
- Почти две тысячи километров.

Инженер заметно приуныл. И было с чего, ведь две тысячи километров сейчас проплыть почти невозможно.

– Ну, ты так не унывай! Там всё расстояние рекой увеличивается, она просто большущий крюк по тайге делает. По Ангаре не так сложно попасть туда.

– А что у нас на Енисее стоит, – Вячеслав задумался, – Красноярск.

– Да, но ему далеко до слияния рек. Я посмотрел атлас офицера – там есть Енисейск, немножко выше слияния.

– Ну, если только по весне, как лёд сойдёт.

– Конечно, по весне.

Русский город в Сибири да ещё в пределах доступности делал положение экспедиции не столь безнадёжным. В крайнем случае можно было послать за возможной помощью. Можно было бы договориться. Всё-таки русские люди смогут понять друг друга. Вот только что они из себя представляют и почему местность вокруг Байкала ими не освоена?

Тегеран, Иранское информационное агентство ИРНА. 19 сентября 2008

– Нарастает напряжённость в противостоянии КНР и США в Киргизии. Как передаёт из Киргизии корреспондент иранской газеты «Кейхан» Али Лариджани, вчера в долине Сары-Таи раздавалась стрельба из автоматического оружия. Как сообщают очевидцы из числа местных жителей, вошедшие накануне в долину солдаты специальных подразделений китайской армии утром сегодняшнего дня пытались оттеснить батальон американских войск с занимаемой ими территории долины.

В ходе завязавшейся перестрелки было убито по меньшей мере до двухсот китайцев. Потери американской стороны не разглашаются, но, как говорят очевидцы, днём было вывезено на территорию американской базы ВВС «Ганси» несколько десятков тел убитых и около десятка тяжело раненых солдат. Таким образом, этот очаг напряжённости получил сегодня новый виток.

Тем временем отмечен массовый переход китайских войск киргизской границы. Национальная гвардия Киргизии, несмотря на локальные успехи в обороне, которым способствует сложный рельеф местности, не сможет долго сопротивляться НОАК. Уже сейчас осталось лишь несколько очагов обороны, в которых ещё сопротивляются блокированные остатки армии Киргизии. Китайцы предлагают им сдаться или, в противном случае, грозят их уничтожить бомбардировками. США грозят Пекину не только применить экономические санкции, но и пересмотреть позиции по статусу Тайваня, Тибета и Уйгурии.

Официальный Пекин никак не реагирует на американские заявления. Бишкек в данной ситуации остаётся наблюдателем, в стране нарастает кризис власти, население массово выражает недовольство попранием суверенитета Киргизии со стороны других держав и просит правительство Российской Федерации и Совет Безопасности ООН вмешаться в урегулирование конфликта. В связи с тем, что продвижение китайской армии к месту конфликта не останавливается, сегодня вечером нас ждут новые подробности конфликта.

Река Белая. Ранняя осень

В эту смену валить лес должен был он. Карпинский, проснувшись, первым делом сбегал на речку умыться. С мостков, глядя на разбегающиеся по воде круги, Пётр машинально отметил прогрессирующую неуставщину своей физиономии. Лицо его приняло крайне небритое состояние. Ещё бы, последний раз он касался бритвы в день приезда полковника, а в остальное время майор Сазонов смотрел на это нарушение сквозь пальцы.

– Надо будет спросить у него насчёт этого, а то вон работяги уже с бородами щеголяют, – дал себе обещание Пётр.

Поднимаясь по утоптаным ступеням в склоне берега, Пётр вдруг услышал на противоположном берегу странные звуки. Больше всего это напоминало разнобойный стук дерева о дерево, но тот берег скрывал густой туман, стелющийся над водой. Сколько Пётр ни силился рассмотреть хоть что-нибудь, попытки его были тщетны. Махнув рукой, он побежал одеваться. Навстречу ему на реку шло двое рабочих с полотенцами, поздоровавшись и предупредив их о странных звуках, Карпинский поспешил к Новикову. Команда лесорубов уже почти собралась, парни собирали инструменты.

– Карпинский! А ну, подойди сюда, – крикнул стоящий на крыльце майор.

«Сазонов, чёрт возьми. Чего ему надо-то?» – Пётр мрачно подумал о том, что он совершил в последнее время. Вроде ничего.

Майор смерил Карпинского уничижающим взглядом и зло произнёс.

– Матрос Карпинский!

– Никак нет, товарищ майор, мичман, – произнёс на автопилоте Пётр и тут же осёкся и мысленно прикусил язык, глядя, как багровеет лицо майора.

Стоявший рядом Соколов укоризненно посмотрел на моряка.

– Ах ты мичман? А я погоны твои видел? Или ты думаешь, твой капитан тут командовать будет? Нет, не будет! Где твоё оружие, боец? Кому я треплю языком о постоянном ношении оружия? Ты думаешь, тут турпоход, а я вам за доброго гида? – Сазонов повышал голос явно для того, чтобы его слышали все обитатели лагеря. – Ты посмотри, даже девчонки с оружием! – он указал на трёх девушек, внимательно смотревших на словесную экзекуцию этого растяпы-морпеха. У каждой из них на поясе висели пистолеты АПС, а у одной на плече даже «Вихрь» с разложенным прикладом.

Карпинский понуро опустил голову, щёки его предательски горели. Да, чёрт возьми, майор был кругом прав. А он балбес.

– Сержант Новиков!

– Я, товарищ майор! – вытянулся Василий.

– Ещё раз увижу этого деятеля без оружия, спрос будет с тебя.

– Есть! – лицо Новикова ничего не выражало, но Карпинский знал, что потом Васька задаст ему трёпки.

После разбора полётов, осуществлённых возмущённым другом, Пётр осознал глубину своей ошибки. Обещав Ваське невозможность повторения такой ситуации и чувствуя себя полным лохом, Карпинский нацепил на ремень кобуру с общелагерным АПС, закинул на плечо АК-74М и поплёлся за товарищами к месту порубки.

Внезапно с реки донесся хлопок пистолетного выстрела и вскрики. Карпинский почувствовал холод в животе, секундное замешательство и вытянувшаяся было колонна лесорубов, побросав инструменты, рванула к месту умывания. Туда же побежали и находившиеся в лагере люди. Тем временем грохнуло ещё два выстрела. Подбежавшим открылась нерадостная картина. На берегу лежал, наполовину в воде, окровавленный один рабочий, а второй с пеной от зубной пасты на губах зажимал рваную рану на бедре. Вырванная из ноги стрела валялась рядом с ним. Он истошно ругался и выцеливал непонятно кого на том берегу. Хоть туман и рассеивался, но противоположный берег почти не просматривался.

Морпехи, держа тот берег на прицеле, дали забрать раненых. Больше ничего не происходило, было непонятно, кто напал на рабочих и подстрелил ли второй кого-нибудь. Девчонки-медики уже обрабатывали раны пострадавших, когда из окна второго этажа их дома вырвалась автоматная очередь. Послышались крики.

– Лес! – кричали сверху. – Смотрите, они из леса прут!

Морские пехотинцы собрались, наконец, и перебежками между сложенными брёвнами и поленницами дров стали стекаться к северной стороне лагеря. В редком лесу было уже видно какое-то шевеление, виднелись перебегающие между деревьями люди в земляного цвета халатах и меховых конических шапках. В воздухе вдруг послышалось шуршание, Пётр инстинктивно поднял голову. Но, ещё не успев ничего увидеть, он уже почувствовал резкую боль в плече. Рукав вдруг начал наливаться горячей кровью, а в земле осталась стрела. Выдернув её, он с ужасом оглядел широкий железный наконечник.

– По касательной прошла. Чёрт, повезло ведь, – без эмоций отметил Пётр.

– Огонь! Огонь! – надрывался Сазонов. Его не было видно, но его голос, наконец, заставил бойцов начать стрелять. Пётр, шипя от боли, начал выцеливать серые фигурки. Бил короткими очередями, но магазин всё равно кончился быстро, он достал пистолет и огляделся. Вокруг него продолжали стрелять, так же навесно падали стрелы.

– Идут, там ещё идут! – слева от него рабочий, сидевший за поленницей дров с пустым магазином от АК в руках, показывал на группу туземцев с копьями, которые заходили в лагерь с юга.

– Там же раненые и девчонки! – Пётр ужаснулся и рванул туда.

Медички уже увидели грозящую им опасность и достали пистолеты. Одна осталась у раненых, другие начали стрелять. К счастью, они первым завалили туземца, который был с луком. Пётр, остановившись у крыльца, отстреливал нападавших. Уложив с девчонками четверых, он понял, что магазин кончился. Такие же проблемы были и у медичек. Они судорожно меняли магазины, и Пётр понял, что они не успевают. Мгновение тянулось мучительно долго, но положение спасла та самая девушка с «Вихрем». Она косой очередью прошла по атакующим, свалив троих или четверых копейщиков. Больше никто пока не лез, со стороны врага доносились лишь хрипы. Но и они были недолги.

Привалившись к перилам, Пётр почувствовал слабость в ногах и попытался присесть. Тут же ощутил, и что голова его стала слишком тяжела, и язык не слушается и, проваливаясь в темноту, вяло махнул рукой в сторону девушек.

Очнувшись он от мерзкого запаха нашатыря, резко ударившего в нос. Пётр лежал на застеленной лавке в доме, рядом лежали такие же неудачники, сустились девушки. Приподнявшись, Карпинский насчитал восемь раненых, включая и себя. Плечо было туго забинтовано, боли не было, видимо и вкололи ещё обезболивающее, ну что же – неплохо. Жить можно. А плечо заживёт. До свадьбы. Хотя нет, пока никакой свадьбы!

– Маринка? – Пётр позвал девушку, которая сидела на лавке у него в ногах.

– Что?

– Мне можно вставать-то?

– Можно, ты просто крови немного потерял, не критично. Я тоже ранена, – она с гордостью продемонстрировала забинтованное предплечье и пояснила: – Тоже стрелой чиркнуло. Хорошо, мы сразу того гада с луком пристрелили.

– Марина, а из наших никого не убили? – дрогнувшим голосом спросил Пётр.

– К счастью нет. Все живы, но легкораненых много. Стрелки из этих дикарей хреновые, однако много людей стрелами посеколо. А кому-то её вытаскивать пришлось. Хуже всего тот рабочий, он первым получил две стрелы в бок, – Марина кивнула на замотанного бинтами мужика, около которого колдовали два врача и стоял Вячеслав.

Отворилась дверь и зашёл Сазонов. Увидев Карпинского, майор подсел на лавку:

– Ну что, Петя, убедился, что оружие нужно? Как ты? Вроде у тебя не очень серьёзно.

– Да, товарищ майор, ерунда. Всё нормально, заживёт скоро! – с улыбкой ответил Пётр.

– Вот и получили мы крещенище боевое. Вообще-то нам сильно повезло, что без трупов обошлось.

– Алексей Петрович, надо огораживаться сейчас в первую очередь.

– Знаю, Петя, знаю. Ладно, давай поправляйся.

Майор направился к Вячеславу и, похлопав по плечу, что-то тихо сказал ему на ухо. Тот кивнул, и они оба направились к выходу.

Накинув на плечи куртку, Карпинский тоже вышел из оборудованного в санчасть дома. Солнце уже здорово припекало, спасал свежий ветерок с лугов, лежащих слева от лагеря. Новикова он нашёл сразу же, но тот был занят – расставлял наряды бойцов по периметру базы, объясняя каждому его задачи. Пётр решил подождать. Его внимание привлекло нечто необычное – на площадке за домом были сложены рядами трупы туземцев. Карпинский решил посмотреть на врагов поближе, а заодно и посчитать урон, понесённый атаковавшими их лагерь аборигенами. Обходя ряды распростёртых тел, Пётр насчитал тридцать семь трупов, все они были одеты примерно одинаково: халаты, перетянутые поясом, стёганные штаны, остроносые сапоги, подбитые мехом, и всё это обильно залито кровью. Лишь одно тело было наряжено в цветной халат.

– Вот и предводитель их. Вот чудо в перьях, полез грудью на автоматы. Хотя откуда ему знать, бедняги, дикий народ.

Рядом было сложено нехитрое оружие нападавших: копья, обожженные и заострённые колья, костяные ножи, луки, стрелы с железными и костяными наконечниками, несколько железных ножей и даже одна сабля. Её хозяин легко угадывался – Карпинский глянул на предводителя. Да, пустые ножны подтверждали личность бывшего владельца сабли.

– Ух ты, даже пленные есть! – Карпинский немедленно направился в их сторону, горя желанием рассмотреть живых врагов.

Четверо сгорбленных туземцев со связанными за спиной руками сидели на земле спина к спине. Лишь изредка они бросали затравленные взгляды на направленные в их сторону штыки двух охранников. Один был ранен в плечо и перевязан, видимо, сквозное. Ерунда.

Карпинский снова увидел Новикова. Теперь тот переговаривался со снайперами отряда, показывал что-то руками по округе. И парни со старыми добрыми СВД пошли занимать позиции в башенках на крышах обоих домов. Идея Соколова встроить в крышу гнёзда для снайперов была весьма недурственна. Улучив момент, Карпинский крикнул Новикову, тот махнул рукой, мол, сейчас подойду. Другим было о чём поговорить.

В этот день лагерь больше никто не тревожил. После обеда люди были направлены на рубку, сразу две смены. Было необходимо максимально быстро закончить частокол, одна группа валила длинные и ровные лиственницы, вторая зачищала стволы. Свободные от нарядов и легко раненые, поцарапанные стрелами морпехи и рабочие споро оттаскивали готовые колья к лагерю. На ближайшее время планировалось рытьё котлованов под башни и ям под частокол. Карпинский здоровой рукой ухватывался за перехваченный верёвками ствол и, вместе с мужиками, крикнув, тащил его к намеченной раскопом стене. Все работали сосредоточенно и без лишних слов. Никто, как обычно бывало, не травил анекдоты или подначивал дружков. Сегодня лагерь получил серьёзную встряску, все понимали, что лишь слабые боевые качества и допотопное оружие туземцев не позволили появиться трупам в маленьком отряде экспедиции Вячеслава. Инженер тем временем вместе с майором решил провести захваченных пленных.

– Да молчат они, Вячеслав Андреевич, только зыркают. Боятся, что мы их сейчас зарежем или в жертву принесём, что они ещё могут думать?

– Ну да, логично. А что, майор, может и правда принесём их в жертву?

– Вячеслав Андреевич!

– Да ладно, шучу-шучу. Шучу! Ну, что у нас тут?

Четвёрка связанных пленных понуро глянула на подошедших, на их лицах было написана покорность судьбе, но в то же время и страх сидел в глазах туземцев.

– Ну что, орлы, не видели до этого в деле автомат славного мастера Калашникова?

Орлы молчали, вопросительно глядя на Вячеслава. Перевязанный что-то пробормотал, естественно, никто ничего не понял.

– Алексей, надо срочно Галдану сюда везти и капитана... фамилию боюсь перепутать, он что-то про казачий острог говорил. Может, ещё знает чего интересного. Кстати, может, наши девчонки, что с Галданой занимались, тоже выучили немного туземный язык? Смирнов говорил, они тоже учились у туземки.

Сазонов пожал плечами.

– Когда отправляться думаете?

– Наверное, завтра с утречка.

– Вячеслав Андреевич, может, мы рванём? Сегодня? Налегке, одну лодку задействуем.

– Алексей, мне же тоже надо поговорить со Смирновым.

– Тогда втроём туда, впятером вернёмся – до ночи обернёмся Вячеслав Андреевич. Новикова здесь за главного оставим.

– Ну давай командуй, майор! В темпе вальса только.

– Есть!

Инженер снова обратился к пленным:

– Ну что вы, дураки, на нас полезли? Вы кто вообще? Ну-ка, попробуем, как в кино про индейцев. – Вячеслав подмигнул охранникам и ткнул себя пальцем в грудь: – Вячеслав.

Потом ткнул в ближнего туземца. Тот сглотнул и будто выплюнул через силу:

– Орочон!

Вячеслав ткнул в следующего пленника.

– Орочон!

Инженер хмыкнул, следующий тоже оказался Орочоном, последнего туземца он решил не спрашивать. И так уже было ясно.

Махнув на пленных рукой, он пошёл к мосткам, где Сазонов уже ждал его, чуть ли не приплясывая от нетерпения. Оружием затарились серьёзно, помимо уже имеющихся у всех АПС, майор взял по три рожка для АК и четыре гранаты РГН, как пояснил – на всякий случай.

– Узнали что, Вячеслав Андреевич? Видел, вы у них задержались.

– Да что у этих братьев узнаешь, Алёша, – хмыкнул инженер.

Лодка, вспенив винтом воду у мостков, рванула к месту перехода.

Шли по реке ходко, на максимуме скорости, мотор давал почти 40 километров в час. Прошли больше чем половину пути, стали виднеться островки.

– Внимание, сейчас пороги будут. Проход есть, но придётся сбавить скорость, смотрите в оба, – Сазонов приготовил свой АК. Проверил гранаты в разгрузке, кивнул сидящему за рулём мотора морпеху, готовься, мол. Тот стал снижать скорость, внимательно поглядывая по сторонам. Проскочили без проблем.

– Вячеслав Андреевич, не нравится мне это место, засаду тут легко сделать. Вот бы углубить дно, камень растащить.

– Нам сейчас не до этого, Лёша. Огородиться бы успеть.

– Да я знаю. Это, скорее, на будущее.

Инженер кивнул.

Наконец показалась скала в истоке Ангары, тут тоже туземцев не наблюдалось. Через полчаса лодка уткнулась носом в белый песок знакомого пляжа. Кстати, в отличие от ледяных вод Байкала, вода в бухточке была тёплой, чем обитатели лагеря с удовольствием пользовались. Лодку встречали. Вячеслав с удовольствием оглядел уже почти по всему периметру возвышающийся частокол. Отлично тут поработали мужики. Остались башенки и надвратные укрепления. Градница уже потихоньку поднималась над обрывчиком. Сам обрыв был укреплен.

– Ну, Андрей Валентинович, принимай поздравления, молодцы. Через месячишко уже отстроитесь капитально.

– Так ведь вам спасибо, Вячеслав Андреевич, – заулыбался полковник. – Кабы не твои мужики, сидели бы в палатках.

– Как там Радек, кстати? Отошёл?

– Да нормально уже, проектом мартена занимается. Это вам не домницы складывать! – ухмыльнулся полковник. – Хотя он до сих пор себя во всём винит.

– Ничего, вот начнёт проект в жизнь воплощать, так всё и забудет плохое, – слегка улыбнулся инженер.

– Пойдём в дом, Вячеслав. Вижу, ты крепко озабочен.

– Да уж, есть от чего озаботиться. Андрей, ты это... зови к нам Галдану и Владимира, фамилию его боюсь напутать, – Вячеслав улыбнулся.

– Кабаржицкого?

– Да-да.

Вячеслава не перебивали, он уложился минут в пятнадцать, лишь изредка вставлял фразы Сазонов. Он и тут не утерпел, упомянул о порогах. Смирнов слушал с широко открытыми глазами и иногда кряхтел осиплым горлом, как будто простудился.

– Да-а, – только это Смирнов и смог протянуть после рассказа инженера.

– А я ещё, помнится, хотел сэкономить на рабочих в составе экспедиции. Если нам не огородиться, нас там как курей ощиплют, ночью, например.

– Ночью не может, утром рано воевать будет, – сказала Галдана.

– О-о, ты делаешь успехи, Галдана, – воскликнул Вячеслав. – Ты уже хорошо говоришь.

– Да, рано утром и напали, верно, – кивнул майор Сазонов.

– Галдана, а что такое ороchon? – вспомнил угрюмых «братьев» инженер.

– Тунгусы, то есть эвенки! – воскликнул Кабаржицкий. – А на вас эвенки напали?

– Если ты так говоришь, Володя, то да, именно они, – Сазонов переглянулся с Вячеславом, тот подмигнул, кивнув на Кабаржицкого.

– Эвэнкил, – согласно кивнула Галдана. – Кыштымы.

– Кыштымы? – Вячеслав начал вспоминать что-то. – Слышал я такое слово.

– Город такой есть, Вячеслав Андреевич. На Урале, – снова порадовал знаниями Владимир.

– Галдана, что такое кыштым? – заинтересовался Смирнов.

– Слабые люди нам дают соболь.

– Вам – это кому?

– Буряад.

Это слово поняли все. Смирнов снова начал обдумывать вслух сложившуюся ситуацию.

– Что же, картина немного проясняется. У нас есть слабые эвенки и сильные буряты.

– Буряад даёт соболь халх, – вставила Галдана.

Смирнов вопросительно посмотрел на Кабаржицкого. Тот, пожав плечами, сказал:

– Или монголы или другое племя.

– Русских тут пока что-то не видно. Но Галдана встретила, как мы предварительно определили, в Енисейске своего Трифона.

– Ну, Енисейска там ещё может и не быть, – пояснил Владимир. – И вообще, если всё же опираться на нашу историю, то можно сделать кое-какие выводы.

– Что ты думаешь, Владимир, что за ситуация у нас получается? – подперев голову ладонями, хмуро спросил полковник. – Что это за время такое?

– Я думаю, это не сложно. Освоение Прибайкалья, Ангары – это начало семнадцатого века. С учётом постройки Енисейского острога – первая треть.

– О, чёрт! – Смирнов выразил этим возгласом общее мнение по поводу ситуации, в которую попала экспедиция.

– Но параллельный это мир или наша Земля в прошлом? Этого нам не узнать уже, если только аномалия вновь не откроется, – Владимир высказал вслух свои мысли.

– Володя, а почему мы узнаем, если аномалия откроется? – заинтересовался Сазонов.

– Бредбери описывал такую ситуацию. Эффект бабочки называется.

– Хех, осталось этого дожидаться, – подвёл итог разговору Смирнов. – Вячеслав, вам пора уже, если хотите успеть в свой лагерь до ночи.

Инженер забрал Галдану и Владимира, и лодка взяла обратный курс. Сазонов увидел в вещах Кабаржичского подозрительно знакомые чехлы.

– Володя, это никак спиннинги?

– Да, «Шимано Форсмастер», – заулыбался Владимир. – Всё никак не могу опробовать здесь.

– У-у, это мы тебе предоставим, Володь! И скоро, так что готовься, – заявил Вячеслав.

Мимо проносились высоченные деревья, разлетались в стороны разные птицы при приближении рыка мотора.

– Так, скоро пороги! Внимание! – Сазонов наскоро объяснил Владимиру про опасность прохода между валунами и островками.

– Заливные островки, их весной заливают... Ишь ты! – неожиданно свистнула пара оперённых стрел.

– Пригнись, умник! – Сазонов загрохотал «калашом» в сторону высокой осоки.

Вячеслав одной рукой пригнул за борт лодки Галдану, другой палил из пистолета по теням, еле видимым в вечерней мгле прибрежного леса.

– Давай, Гена, выноси!

К счастью, Гена вынес. Прибыли в лагерь всё же в полной темноте. Фонарь почти не помогал, подплывали практически на ощупь. Выручили костры, горевшие по периметру лагеря. Новиков достойно справился с охраной лагеря. Сазонов был доволен.

– Как пленные, Василий?

– Отлично, устали как черти, сейчас спят, – отрапортовал Новиков.

– А что это они устали? – заинтересовался Вячеслав. – Работать заставил?

– Ну так. Тут у нас женевские конвенции не действуют. Они у меня сегодня учились лопатами работать. Своих неудачливых товарищей закапывали. Нормально прошло, без происшествий. на ночь я им постелил тряпье и привязал к брёвнам хорошенько, парни охраняют их.

– Ну и отлично! Молодец, Василий. – Вячеслав, зевнув, махнул в сторону дома: – Всё, не могу больше. Спать надо.

РИА «Новости», специальный репортаж. 20 сентября 2008

– Сегодня утром Совет безопасности ООН выразил глубокую обеспокоенность конфликтом, развернувшимся между США и КНР. Генеральный секретарь ООН господин Пан Ги Мун призвал конфликтующие стороны одуматься и найти мирный выход из сложившейся конфликтной ситуации за столом переговоров. «Военный конфликт между двумя ядерными державами угрожает безопасности всего мира», – заявил Пан Ги Мун. Он добавил, что если стороны пожелают, то ООН способна стать посредником в деле мирного урегулирования этой ситуации.

США, в свою очередь, выразили своё недоумение сегодняшним выступлением генсека ООН. Как заявил президент США Джордж Буш, – буквально следующее: «...И пусть этот японец не вмешивается в дела, которые его совершенно не касаются. Это наше дело, как защищать свои интересы, и мы не позволим никому нас осуждать. Да поможет нам Бог!»

Китайская сторона никак не отреагировала на заявление Пан Ги Муна. Как передают наши корреспонденты из Киргизии, сегодня днём вновь произошло боестолкновение между китайской армией и американскими войсками. В результате короткого боя китайские войска вновь отошли на исходные позиции. Наблюдатели передают о колоссальных жертвах, по некоторым источникам они достигают двух тысяч убитых. Потери американских войск не оглашаются. Также сегодня при попытке прорваться к блокированным американским солдатам, китайцами был сбит медицинский вертолёт «Чинук». Из экипажа вертолёта никто не выжил. Китайцы между тем обвиняют США в использовании генного оружия, якобы американские солдаты стреляли по позициям китайских войск минами, начинка которых содержала модифицированный вирус САРС, более известный как атипичная пневмония. Власти США не отрицают, но и не комментируют данное заявление Пекина. Как заявил сегодня лидер Китая господин Ху Дзиньтао, в случае повторения таких атак Китай будет вынужден отвечать адекватно, то есть оружием массового поражения. Очевидцы с места событий передают о новой экипировке – костюмах химической защиты китайских войск, во множестве прибывающих на передовую линии боестолкновения с американскими войсками.

Между тем продолжается китайская экспансия в Киргизию. Сегодня ночью в Бишкек, Нарын, Ош, Каракол и некоторые другие населённые пункты были введены войска народной армии Китая. Танки и другая техника продолжает прибывать на территорию Киргизии. Президент и члены правительства Киргизии бежали в Казахстан. Пекин объявил киргизское правительство низложенным и заявил, что вскоре будет проведён референдум о вступлении Киргизии в состав Китайской республики на правах автономной области. Тем временем китайские войска сейчас подавляют стихийные народные выступления против оккупации. Казахстан, Узбекистан и Таджикистан привели свои войска в полную боевую готовность.

Пока мировое сообщество никак не комментирует действия Китая. Дождёмся официальных заявлений глав мирового сообщества.

Специальный корреспондент РИА «Новости» Антон Киселёв, Ташкент, Узбекистан.

Казахстан, Алматы

Утром Павел вылетел в Алма-Ату, точнее Алматы, как сейчас зовут этот город. Но когда-то его звали Верный, казакам, основавшим этот город, было виднее, как его назвать. Путь Павла лежал в российское консульство, расположенное на улице Джандосова. На улицах города было множество народу, казахи с национальными флагами зачастую надолго перекрывали улицы, так что дорога до консульства растянулась на лишние два часа. Кстати, русских на улицах было на удивление мало, да и те, что были, старались обходить беснующиеся толпы казахов. Наблюдалось наличие военных патрулей, но они не обращали внимания на возбуждённое население, видимо полностью выражая своё согласие с по-боевому настроенными толпами. Горели магазинчики с вывесками на китайском языке, те, что пару раз были встречены по дороге. У одного из магазинчиков толпа увлечённо забивала двух китайцев. Судя по ожесточённым лицам казахов, Павел понял, что забьют их насмерть. На проспекте Абая машина консульства пропустила колонну БТР-80 и крытых грузовиков с солдатами. Что-то назревало. Астана вела себя подчёркнуто антикитайски. Павел знал, что китайское консульство в Алматы уже закрыли, а в сельских районах происходят массовые волнения, изгоняются и избиваются китайские сезонные рабочие.

«Да какие там сезонные, всесезонные – так правильной», – подумал он.

Милиция или, верней, уже полиция не вмешивается в эти беспорядки, видимо, власти решили пустить всё на самотёк. По всей стране задерживаются граждане Китая, было закрыто посольство в Астане, власти закрывают и многочисленные китайские консульства. Это началось после оккупации Китаем Киргизии.

«Что же, им видней, но в данной ситуации так задирать перед Китаем – чистой воды сумасшествие, разве у казахов армия так сильна? Или... да нет, не могут быть у Казахстана такие амбиции по поводу аномалии... Бред какой-то. Ограничились бы, по примеру Евросоюза, разрывом дипломатических отношений. Хотя, что говорить, европейцам проще – они далеко от здешних проблем».

Лишь заехав во двор консульства, Павел перестал слышать шум улицы, и крики толпы стали более отдалёнными. Здесь чирикали птицы да шуршали под слабым ветром своей листвою длинные тополя. Выйдя из машины и прикрыв рукой глаза от солнца, Павел залюбовался игрой солнечных бликов на распахнутых окнах здания консульства.

Зазвонил телефон, Павла опять вызывала контора. Суть разговора свелась к тому, что Павлу следовало перебираться из Алматы в Павлодар и быстрее. Работники консульств и российских фирм уже предупреждены. Ведётся работа с русским населением Южного Казахстана, цель одна – срочно выезжать в западные или северные области Казахстана, в восточные города – Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Вечером ожидается вторжение народной армии КНР в Южный Казахстан.

Потрясённый Павел присел на лавочку. В консульство он так и не зашёл, погнал машину в Павлодар. По пути было множество машин с русскими беженцами.

«Хорошо хоть так».

Французское информационное агентство AFX. 22 августа 2008

– Сегодня в течение дня ожидается вторжение китайских войск в Казахстан. Это государство в Средней Азии, граничащее с Китаем и оккупированной им Киргизией. В данный момент, по словам наших корреспондентов, наблюдается концентрация китайских войск и бронетехники на границе с Казахстаном. Свидетели с места событий передают о фактах массовой вирусной инфекции, поразившей как китайские войска, так и местных жителей – киргизов и казахов. Пекин, комментируя этот факт, заявляет, что наука и медицина Китая способна отразить этот акт геноцида со стороны Вашингтона. Повторяю, так заявляют власти Китая. Далее.

Сегодня утром казахские ВВС сбили два китайских МиГ-29, нарушившие воздушную границу республики. В Казахстане тем временем продолжаются китайские погромы. Этнические китайцы бегут из страны. В свою очередь США предостерегли Китай от дальнейших противоправных действий. Как известно, вчера Соединёнными Штатами, Японией, Австралией и Южной Кореей была признана государственность Тайваня. Также эти страны, вслед за Евросоюзом, разорвали дипломатические отношения с КНР. В Киргизии остаются блокированными американские войска численностью до батальона, ожидается, что китайская армия обрушится на них одновременно с вторжением в Казахстан. Тем временем российские войска концентрируются на казахской границе. Индия в свою очередь скапливает свои войска в Кашмире, Дели инициировал проведение полной мобилизации своей армии. Регион готов взорваться, достаточно лишь одной искры. Все прогрессивные страны мира требуют от Китая одуматься и не совершать опрометчивых поступков, которые могут привести к ещё более трагическим последствиям.

Следите за новостями.

Павлодар встретил Павла суетой и отсутствием военных на дорогах. Улицы были забиты народом, машину Павла пару раз останавливали, стучали по ней, один раз пьяный толстый казах прорычал, барабана в боковое стекло.

– Что, орыс, тоже уматываешь, а кто с китайцами воевать будет?!

Павел поддал газу, толпа не расступалась, а наоборот, заинтересовалась новым объектом для развлечения. Машину начали раскачивать, посыпалось блестящим крошевом ветровое стекло.

– А-а, пошли вы нахрен! – Павел утопил педаль газа до упора.

Растолкав людей движущимся автомобилем, Павел выскочил на свободное от людей пространство и теперь гнал по улице, распуская рёвом двигателя оказавшихся на пути автомобиля зевак. К сожалению, впереди ожидаемо оказалась ещё одна толпа. Павел вывернул руль, притормаживая. Однако скорость погасить не успел и его автомобиль въехал в пустую автобусную остановку. Тут же брызнуло стекло рекламного щита, и Павел почувствовал резкую боль, стекло посекало ему кожу рук, а один осколок оставил глубокую кровоточащую борозду. Двигатель заглох, и Павел, зажимая серьёзную рану на руке, стал выбираться из машины. Засветили камни, пару раз ударило в бок и спину, тут же послышались торжествующие вопли. Павел заметил недалеко арку между домами и побежал туда, за ней был внутренний дворик, образованный тремя корпусами дома. Павел заметался, не зная, в какую сторону бежать. Гул же толпы нарастал...

– Эй, мужик! Давай сюда, в этот подъезд, я тебе дверь открою! – это из окна второго этажа кричал седенький старик.

Его окна, видимо, выходили и на улицу, и он мог наблюдать сцену у остановки. Только после того, как за ним захлопнулась стальная дверь, Павел позволил себе перевести дух.

– ...Вот они и лупят сейчас русских, правда, в центр не суются, там наших много и менты русские есть с оружием. Но их так мало, всех повыгоняли за время независимости, сельских казахов набирали, – старик тяжело вздохнул.

Павел с хозяином квартиры сидели на кухне. Вырисовывалась непонятная картина. Москва санкционировала бегство русских из Южного Казахстана, а воинствующим казахам казалось, что те бегут от конфликта и не желают помогать казахам бить китайцев. Москва что-то задумала. Но что?

Тут кухонное стекло взорвалось тысячей осколков, Павел только и успел прикрыть старика. С улицы послышались радостные вопли.

В семнадцать ноль-ноль взревели моторы танков и китайская армия перешла казахскую границу. Они шли, как нож сквозь масло, слишком неравны были силы: казахские войска, значительно ослабленные спланированным Москвой массовым выводом русских солдат и офицеров, были практически втопты в землю. Тараз, Шу и Маканчи были захвачены в первые часы столкновения, и китайцы наводили в городах свой порядок, всех жителей отправили по домам и объявили комендантский час. Чимкент был захвачен массовым авиадесантом, бывшая столица Алматы также блокирована воздушно-десантными войсками КНР с применением десантирования бронетехники и подвергалась массированным бомбардировкам. К ночи китайцы вышли к Кызылорда, Жезказгану и озеру Балхаш, на этой линии они сделали остановку и перегруппировывали свои силы.

Российская Федерация предупредила Китай, что она не допустит дальнейшего продвижения китайской армии. Китай поспешил заверить Москву о том, что Пекин понимает заинтересованность России в этом вопросе и все спорные моменты могут быть решены на переговорах министров иностранных дел двух стран в Хабаровске. США начали переброску авианосных соединений к китайским берегам, подводные лодки с ядерными боеголовками уже давно дежурили там же. Даже Северная Корея заявила о разрыве дипломатических отношений с КНР. Армии Индии и Пакистана снова схлестнулись в очередной раз. Китай обещал поставлять Пакистану вооружение. Индия в ответ поддержала идею тибетской государственности, выдвинутой США. Весь мир оцепенел и застыл в ожидании развязки этой драмы, играемой в духе театра абсурда.

Глава 5

Долина Сары-Таи. 22 сентября 2008

Полковник Генри МакГроу, командующий батальоном сил специальных операций армии США получил последние инструкции от радиста блокированной китайцами базы «Ганси» в бишкекском аэропорту «Манас». Инструкции заключались в следующем: Вашингтон требовал удерживать Объект до последнего шанса, при невозможности удержания Объекта при прогнозируемой на сегодняшний вечер атаке китайцев, солдатам надлежало сдаться в плен. Он лично, Генри МакГроу, должен был перед пленением активировать ядерный заряд малой мощности, установленный на месте аномалии. Это было необходимо для того, чтобы максимально затруднить изучение Объекта, в первую очередь Китаю. Если же Объект взрывом будет уничтожен, что же, пусть будет так.

И Генри был обязан так поступить, и он так поступит, как настоящий солдат, исполняющий приказы. Поначалу Генри даже хотел застрелиться после активации таймера, но решил оставить это на волю судьбы. Будь, как будет!

В семнадцать часов по местному времени Генри доложили, что китайцы открыли ураганный огонь по позициям батальона с участием миномётов. Крупные калибры и танки китайцы не использовали. Подавляя очаги растянутой обороны американцев, китайцы, при помощи множества лёгких бронемашин и огромного числа пехоты, продвигались всё ближе к Объекту. Генри, на своё удивление, сохранял ясность ума и бодрость духа, командуя обороной. Связь с «Ганси» пропала сразу после атаки китайцев. Было ясно, что аэропорт захвачен китайской армией.

«Там проклятые азиаты не церемонились. Здесь эти сволочи аккуратны. А вот хрен вы получите Объект. Он достанется или Америке, или никому!» – Генри присел рядом с бомбой и открыл крышку на панели активизации заряда.

Прибежавший к нему в палатку солдат из взвода охраны аэропорта доложил о том, что китайцы подбираются к охранению Объекта, их ничто более не сдерживает.

– Сколько солдат осталось, рядовой? – невозмутимо спросил Генри.

– Здесь около дюжины, сэр! Остальные уже в окружении и отстреливаются последними патронами.

– Зови всех сюда, немедленно, солдат!

– Есть, сэр! – боец скрылся за откинутым пологом палатки.

Генри поставил таймер взрывателя на семь минут. Через пару минут собрались все: одиннадцать бойцов из службы охраны аэропорта, некоторые уже с полученными ранениями. И он, полковник Генри, начальник разбитого спецподразделения.

– Парни, эти поганые азиаты не берут пленных. Не думаю, что нам стоит погибать, так и не выполнив свой долг перед Америкой! Нам ничего не остаётся, кроме как уйти в Новый мир, с надеждой на волю Господа! – с патетикой, достойной лучших шедевров Голливуда, воскликнул полковник. – А китайцам оставим этот подарочек!

Генри с видимым удовольствием показал на атомный заряд. Бойцы, увидев его, заметно приободрились, но в этот момент по палатке хлестко прошли очередью. Засвистели пули. Солдаты пригнулись и полковник заорал, указывая на невидимый проход в аномалию.

– Марш сюда! Марш, марш! Вперёд!

Солдаты не заставили себя долго ждать и быстро исчезли в тоннеле пространства. Генри ушёл последним, на его глаза мгновенно накинута темнота, горло жестоко сковало, и он потерял сознание.

ВГТРК «Россия», «Вести», экстренный выпуск

– Сегодня президент России, верховный главнокомандующий вооружённых сил Российской Федерации в связи с вероломным нападением КНР на Казахскую республику приказал вооружённым силам России взять под свой контроль области Казахстана, населённые преимущественно этническими славянами. Это решение продиктовано исключительно заботой о жизни и здоровье населения. «Мы не можем, – заявил он, – безучастно наблюдать за развивающейся трагедией в Средней Азии».

Одновременно президент Российской Федерации направил послание председателю коммунистической партии Китая Ху Дзиньтао, в котором предостережёт Китай от дальнейшей эскалации конфликта и заявил о возможности достижения договорённостей с официальным Пекином по поводу раздела сфер влияния в Средней Азии. Однако в случае дальнейшего наступления китайских войск будет применено ядерное оружие. Это должно охладить пылкие умы в правительстве Китая, заявил президент.

Тем временем поступают тревожные сообщения из Южной Кореи. Китайская армия перешла границу Северной Кореи, обвинив ту в сговоре с империалистическими странами и отходе от коммунистических идеалов. Пхеньян блокирован. Правительство Северной Кореи погибло в полном составе при попытке вылететь на вертолётах в Сеул. В корейском небе господствуют китайские ВВС. Ситуация накаляется в связи с активацией ядерного потенциала Северной Кореи. Мы будем следить за новостями, выходя в эфир при каждом случае получения новой информации. Следите за новостями.

Павел отвёл старика в комнату, уложил на диван. У Анатолия Борисовича, как звали его неожиданного спасителя, прихватило сердце.

– На комоде... – прошептал старик.

Павел нашёл таблетки и положил лекарство старику под язык. Надо было что-то делать. Но что?! В кухню продолжали залетать камни, свист и возгласы становились всё яростнее.

– Айда бить русаков! – кричали помешавшиеся от злобы представители титульной нации.

Уже забарабанили и в дверь. Внезапно шум толпы разорвал грохот автоматной очереди, послышались крики боли и ужаса. На улице загремела траками бронетехника. Павел осторожно выглянул в окно. Во двореке никого не было, кроме нескольких скрюченных тел его недавних обидчиков. Павел прошёл в маленькую комнату, окна которой выходили на улицу, и, выглянув на улицу, тут же задохнулся от счастья. По проспекту Батырбая (бывшая улица Кутузова) неспешно и величаво катили танки Т-80У, по тротуарам проходили пехотинцы с «калашниковыми». Из окон домов им уже восторженно кричали приветствия, люди высыпали на улицы, обнимали солдат. Период власти узконационально окрашенной Юрты закончился.

Российские войска входили также и в старый город Уральск, основанный яицкими казаками, где танк подминал под себя нелепый таблоид «Welcome to Oral», поставленный новыми местными ревнителями казахски созвучных названий русских городов. Атырау снова стал Гурьевым, Семей – Семипалатинском, а Оскемен – Усть-Каменогорском.

Павел вызвал старику «скорую» и сдал его врачам на руки, записав на всякий случай адрес больницы. Пожелав ему удачи, Павел побрёл по улице, направляясь к консульству России.

«Ну а что мне теперь-то делать? – недоумевал он. Набранный номер долго не отвечал. – Странно, всегда же брали трубку после первого гудка».

Вскоре, наконец, ответили.

– Да, Павел?

– Я хотел бы получить инструкции по моим дальнейшим действиям.

– Инструкций пока не предвидится, Павел, я даже не знаю, что вообще предвидится.

– Что вы имеете в виду?

– Все наши предварительные договорённости с Китаем пошли прахом. С час назад Северная Корея врезала всем своим ядерным потенциалом по Пекину и Шанхаю. Что будет дальше, я не представляю. Павел, действуйте по обстоятельствам. Я думаю, что Объект в данный момент ни нам, ни кому бы то ни было не светит. Тем более он не фиксируется. Молчите? Я вас понимаю, Павел, сейчас сложно что-либо сказать или спрогнозировать. Отдохните в гостинице, например, или напейтесь. Ладно, удачи.

ВГТРК «Россия», «Вести», экстренный выпуск

– ...Сложно что-либо комментировать. В данный момент КНР силами нескольких дивизий и бригады специального назначения при активной поддержке авиации атаковала Корею. Вторжение в празднующую своё единение страну заставило Пхеньян прибегнуть к радикальным способам обороны, использовав ядерные заряды. Китай в свою очередь воздержался от применения оружия массового поражения, концентрируя у границы с Кореей всё новые войска, имея в виду возможные столкновения с высаживающимися в Пусане американскими, австралийскими, филиппинскими и японскими войсками. Через некоторое время после вторжения в Корею были атакованы и скопления индийских войск в Кашмире. Информации из этого района очень мало и пока не ясно, что происходит на этом участке китайского наступления. Агрессия началась с того, что Китай уничтожил тактическим ядерным зарядом горстку американских войск, блокированных в долине Сары-Таи. В то же время Евросоюз и Москва призывают все страны-участники конфликта сесть за стол переговоров, пока не поздно. Ведь возможное применение ядерного оружия странами-участницами конфликта приведёт к ужаса...

Павел выключил телевизор и словно во сне пошёл в ванную. Умыв холодной водой лицо и глядя в зеркало, он наблюдал за падающими с подбородка каплями. Только что он осознал, что мир, который он знал, рухнул в небытие. А вместе с ним, рухнули и все ограничения и моральные нормы поведения государств, теперь ничто никого не сдерживает. Судьба целого мира висела на волоске. Какой дьявол впихнул в наш мир эту чёртову аномалию, зачем?! Или всё же аномалия тут ни при чём? Она лишь предлог для ждущих своего часа амбиций?

Павел решил последовать совету московского доброжелателя и до ночи надирался в баре гостиницы «Иртыш», празднуя вместе с остальными постояльцами смену власти. После полуночи Павла отнесли в его номер, где он и забылся мертвецким сном. Проснулся Павел, естественно, поздно, в начале третьего и тут же решил позвонить своему куратору в Москву, он решил ещё вчера, что попытается отказаться от дальнейшей работы по проекту аномалии «Объект». Внезапно до него донёсся далёкий протяжный гул и здание немного потрясло. Абонент не только не отвечал, даже гудков в трубке не слышалось.

«Странно». Павел попробовал дозвониться до своих московских друзей, но и тут ничего не вышло. Телефоны коллег тоже молчали. Тогда он решил позвонить в свой питерский институт. Пока он набирал цифры, его сознание обожгло молнией липкого страха.

«Нет! Нет, этого не может быть! Просто не может быть!»

Питерский институт тоже не отвечал, трубка была мертва и только индикаторы на панели телефона показывали, что он в рабочем состоянии. Находясь в состоянии прострации, Павел вышел из номера, на автопилоте выйдя на улицу, он даже и не подумал ловить такси до консульства. Тем более что ловить было нечего. Павел шёл по пустынной улице, солнце палило вовсю, было жарко и душно. Слабый ветер трепыхал развешанные на фасадах зданий российские триколоры, было чудовищно тихо, и хлопки флаговой материи раздавались грохотом по всей улице.

«Неужели у всех состояние нестояния после вчерашнего праздника?»

Мимо Павла пролетела старенькая легковушка, неожиданно вывернув из-за угла дома. Павел с удивлением отметил в ужасе раскрытые глаза водителя. Легковушка же, не снижая скорости, унеслась по проспекту.

«Ничего не понимаю», – Павел зачесал назад мокрые волосы, достал платок отереть лицо от пота, но так и замер, откинув голову.

«Боже мой!» – мысленно закричал Павел.

Всё небо было расчерчено белыми дымными хвостами, но хвостами отнюдь не самолётов. Следы шли со стороны Китая, многие по дальней траектории, но некоторые и по более низкой. Опять донёсся дальний рокочущий гул, но в этот раз не трясло.

«Да что творится, чёрт возьми?!»

Гул доносился с проспекта, и Павел рванул туда, не отдавая отчёта в своих действиях. К гулу добавился лязг.

«Танки! Значит, это войска, наши войска! – Павел увидел вдалеке знакомые очертания танковых силуэтов. – Сейчас я всё узнаю».

Павел побежал навстречу танкам, бежал, пока хватало сил. Но вскоре он выдохся и перешёл на шаг. В боку закололо, и Павел согнулся пополам, отдышавшись, он разогнулся и почувствовал, как страх опять сковал его, проникая из низа живота и распространяясь по всему организму.

«Это не наши! – Павел остоленел. – Но кто – казахи, американцы?»

Но нет, он не угадал: в вымерший Павлодар входил авангард народно-освободительной армии Китая. Павел с открытым ртом наблюдал, как мимо него с грохотом и лязгом проносятся танки, выпуская клубы едкого дыма, как проходят пехотинцы, облачённые в костюмы химической защиты и оттого похожие на космонавтов, с такими же родными, как и танки, автоматами Калашникова. В небе барражировали звенья вертолётчиков.

Так бы он и стоял, но какой-то пехотинец, походя, засветил ему по лицу прикладом. Павел осел на тротуар и больше не реагировал на внешние раздражители. Пребывал он в этом состоянии довольно долго, лишь под вечер его привели в сознание ударом сапога в бок. Закашлявшись и пребывая в обалделом состоянии, с горящей от боли скулой, Павел увидел перед собой руку, облачённую в серебряного цвета костюм с красной нашивкой флага Китая на рукаве, которая указывала ему направление движения. Павел вместе с толпой таких же несчастных поплёлся вперёд по проспекту, полностью отключившись от происходящего, пребывая в состоянии полного аффекта. Сейчас он больше всего хотел попасть туда, в тот неведомый мир, куда вышли его товарищи.

Португальское информационное агентство Lusa. 24 сентября 2008

– Разморожен ядерный потенциал Франции и Великобритании!

Сегодня прибывший в Европу министр обороны США Роберт Гейтс проведёт полную координацию управления и совместного использования всего комплекса ядерных потенциалов Франции и Великобритании с ядерным потенциалом США. Все силы будут направлены на уничтожение Китая и его армии, если Пекин не одумается и не сядет за стол переговоров. Как известно, ядерный потенциал Китая сейчас находится в полной боевой готовности, китайские генералы ждут лишь приказа из Пекина.

В то же время Вьетнамская республика героически отбивает атаку войск КНР и присоединилась к прогрессивным силам, борющимся против китайской агрессии. Также вчера к новой коалиции присоединились Лаос и Камбоджа, на что рассчитывают эти страны – непонятно, но уже ясно, что их армии станут пушечным мясом для китайских генералов. Сегодня утром к Китаю присоединился Непал, Бутан и Бирма. В результате отступления индийских войск армией Китая оккупирована Северная Индия, корреспонденты передают о массовых фактах геноцида индийского населения, в том числе и пакистанскими войсками.

Роберт Гейтс заявил, что он крайне раздосадован мерзким и циничным сговором Москвы и Пекина. Он заявил буквально следующее: «Вести переговоры с общемировым агрессором и тем самым способствовать китайской чуме в её агрессии и потворствовать этому означает только одно – объявление Москвой войны США, Евросоюзу и всему остальному демократическому и прогрессивному человечеству. Это преступление Москвы против человечества будет наказано».

Тем не менее оба противоборствующих лагеря готовятся к дальнейшей эскалации конфликта, ООН призывает стороны не использовать в своих целях ядерное оружие. Президент Франции, премьер-министр Великобритании, президент США и министр иностранных дел России поспешили заявить о том, что эти страны ни при каких обстоятельствах не будут применять ядерное оружие первыми. Весь мир застыл в ожидании ответа китайской стороны. Тем временем информационные агентства всего мира сообщают об инфекции неизвестного происхождения, уносящей сотни тысяч жизней в Китае, Центральной и Юго-Восточной Азии. Следите за новостями.

Первый раз после смерти Мао Китай решил пойти ва-банк, и если первый шар, пущенный Великим Кормчим в сторону Советского Союза, в общем-то, удался, и Китай из инструмента советской политики превратился в самостоятельного игрока на политической карте мира, пусть и потеряв дружбу с Москвой, то второй шар, пущенный уже в сторону США, превратил локальный конфликт в общемировой.

Река Белая. Ранняя осень

В горнице было жутко накурено – хоть топор вешай, пришлось открывать окна.

– Последняя пачка, мужики. Больше сигарет вообще нету? – виновато развёл руками Вячеслав.

– Ну и отлично, Вячеслав Андреевич, наконец вы перестанете травить нас, – Сазонов обрадовался этому сообщению.

– Ладно, как проветрится, зовите Галдану и этих, тунгусов, надеюсь, они уже позавтракали.

Сазонов, Соколов и Кабаржицкий сидели уже около получаса, но так и не пришли к общему знаменателю, обсуждая планы Вячеслава. Инженер предлагал наведаться в логово атаковавших их туземцев. Логика была в том, что экспедиции необходимо пополнение пищевых запасов.

– Скоро осень кончится, ребята. Думайте, что зимой делать будем. Охотой кто-нибудь занимался?

– Да есть, наверное, такие, мы поспрашиваем у парней. Твои-то как?

– Есть двое, но их опыт не назовёшь охотой. Так, выезды на природу под водочку, пострелять по банкам. Утрирую, конечно, но примерно так, – Вячеслав нетерпеливо забарабанил по столу. – Володя, давай тунгусов сюда.

Кабаржицкий выглянул на крыльцо и махнул рукой, заводи, мол. Четвёрка тунгусов уже не вздрагивала от каждого шороха, вошли они хоть и с робостью, но уже не со страхом в глазах. Пришла и Галдана. Расселись на лавке и уставились на Вячеслава, тот, поглаживая усы, собирался с мыслями. Наконец решился:

– Галдана, спроси их, кем был убитый нами воин из их отряда в цветной одежде и с железной саблей?

– Сын старшего рода, главный воин, отец его старый и не может теперь быть главным. Нету сына, – после некоторого времени переговоров с эвенками ответила Галдана.

– Спроси, много ли воинов у них осталось? – Сазонов понял, куда клонил Вячеслав.

– Говорят, остались слабые, больные и раненые. Мало. Шесть человек.

Кабаржицкий удивлённо спросил:

– Они что, всех воинов на нас послали? И теперь там остались женщины и дети?

– Интересно, чего они дальше делать будут, – сказал Вячеслав. – Галдана, спроси их, зачем они на нас напали?

– Говорят, приказали.

– Кто?

– Говорят, кому соболя и белку дают. Буряад. Они их убьют. Соболя нет – убьют. Плохой кыштым.

– Ясно, спроси, что теперь они делать будут, после того, как мы их воинов убили.

– Говорят, будут в другой род идти, к Хатысме, он брат старого вождя. У него есть сыновья. Сильный род. Много воинов. Их не примут.

– Это ты так думаешь? – заинтересовался Вячеслав.

– Да, остались старые, слабые, дети и женщины – кто кормить их захочет? – Галдана искренне не понимала, как Вячеслав мог этого не знать.

– Скажи им это!

Галдана обратилась к ним, тунгусы заметно приуныли, покачали головами. Начали обсуждать что-то между собой.

– Говорят, их одних возьмут. Но вы не отпустите.

– Конечно, не отпустим, – утвердительно кивнул Вячеслав. – Так, мужики, какие мысли? – он хлопнул ладонью по столу, отчего тунгусы заметно вздрогнули.

– Скажи, что ты хочешь, и я скажу свои мысли, – улыбнулся Сазонов.

– Вячеслав Андреевич, вы что, хотите их сюда привести? – Кабаржицкий в свою очередь изумился.

– Ну... надо сначала посмотреть на их хозяйство, чем живут, что нам понадобится.

– А что нам может понадобиться?! – хором воскликнули оба офицера.

– Мы здесь зимой не жили, мужики, исходите из этого. Сколько у нас осталось еды?

Сазонов почесал голову, прищурился:

– Где-то на месяц-полтора.

– Вот! А я о чём вам толкую? Наши посадки – это только на будущее задел, главное – семенной фонд собрать. Весной используем коняшек.

– Вячеслав Андреевич, а как они нас будут кормить, если они себя прокормить не смогут? – Владимир не понимал, чего хочет Вячеслав.

– У нас есть голова на плечах, а у них есть знания о мире, в котором они живут. Нас надо только научить, а дальше мы сами сможем. Как говорил великий человек Жуковский: «Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума». А нам проще – летать не надо, надо лишь использовать местность, где мы появились, для того, чтобы тут прожить. Всего лишь.

– Ясно, Вячеслав Андреевич, – Сазонов понимающе глянул на Владимира. Тот рассеянно кивал, полностью погружённый в свои мысли.

– И, мужики, давайте уже просто – Вячеслав. Честное слово, пора. – И обратился к Галдане: – Скажи им, чтобы показали нам дорогу к их поселению.

Услышав это предложение, тунгусы побледнели и отчаянно замотали головами, о чём-то умоляя Вячеслава.

– Галдана, скажи им, что мы никого не убьём, мы их заберём сюда. Будут жить с нами. Будут нам кыштымами.

Теперь лица туземцев удивлённо вытянулись, они что-то возбуждённо залопотали.

– Галдана, о чём они говорят?

– Говорят, у них нет теперь воинов, много ртов, много женщин. Вы не возьмёте.

– Скажи им, нам не нужны пока воины. Нужны охотники и старые люди, которые много знают.

Туземцы зацокали языками и возбуждённо закивали.

– Галдана, а далеко до их поселения? – Владимир тоже решил поучаствовать в допросе.

– Говорят, что недалеко, по воде близко. Но они пешком шли.

– Скажи им, что скоро пойдём. Всё. Алексей, готовь человек десять. Сам пойдёшь или Новикова взять?

– Сам пойду, конечно, возьму отделение Рината.

– Хорошо, через часик выходим.

Отряд шёл по берегу Ангары, то и дело отклоняясь влево, частенько мешали скалы и высокие холмы, в изобилии встречающиеся на пути группы. Отряд вело двое тунгусов, двух других оставили в лагере, несмотря на их мольбы взять с собой всех. Также решено было надеть бронежилеты и каски, так как опасность засады Сазонову представлялась очень возможной. Восемь человек, раненных во время набега, стали очень большой проблемой, тем более не хотелось увеличения раненых.

Шли ходко, несмотря на все прелести девственной природы в виде кустарников и буераков, мелких речушек и каменных россыпей, а если прибавить ещё и мелко крапывающий холодный дождик, то картина становится полной. Отряд вымок и продрог основательно, плащи были не у всех. По прошествии пары часов двое тунгусов залопотали на своём языке и указывали на пологий холм, полностью заросший лесом. Галдана, завернутая в армейский плащ, перевела, что за холмом находится их селение.

Сержант отделения Ринат Салаяев с двумя морпехами, опережая отряд, выдвинулись на разведку. Было довольно глупо парадным строем заходить в селение, несмотря на то что почти все его воины погибли. Соколов остановил группу в густом кустарнике у холма, здесь должны были дожждаться возвращения разведчиков.

Наконец они вернулись.

– Ну что там, Ринат?

– А ничего интересного, Вячеслав Андреевич, десятка два чумов, нескольких туземцев видел, так... бродят. Охраны нет никакой, все, видимо, в чумах сидят – дождь ведь, и овцы блеяли, по-моему. Безопасно, мы подойдём спокойно.

– Овцы – это хорошо. Ладно, пошли, Алексей, смотри, чтобы никто лук не успел натянуть.

– Так там вроде некому натягивать-то, – майор хмыкнул и серьёзно добавил: – Конечно, Вячеслав.

– Галдана, ты скажи ему, – Вячеслав указывал на тунгуса, который хмуро понурил мокрую голову в ожидании встречи со своей роднёй, – чтобы сразу к вождю вёл.

Тот молча кивнул.

Селение встретило незнакомцев обыденно и тихо, можно сказать, что их вообще не заметили. Некоторые люди вышли посмотреть на них, но даже эмоции были почти на нуле. Никаких криков или плача от потери мужчин не было. Только дети вились вокруг пришельцев, внимательно заглядывая в их лица. Видимо, тут ещё не встречались с европейцами. Над крытыми берестой и шкурами чумами курились дымки.

Разговор с вождём явно не клеился. Старик на контакт не шёл, да и запугать его не получится. Он недавно потерял последнего сына, последнюю надежду на будущее своего кочевья. Тутумэ, так звали вождя, сидел, поджав ноги, и пил горячий травяной чай. Его изрезанное морщинами лицо выражало полную безразличность к окружающему миру, однако гостей в чум к нему пригласили и даже подали нехитрое угощение – чай, сушёные ягоды, вяленое мясо и обжигающе горячий мясной бульон с какими-то корешками.

Сазонов, Вячеслав и Галдана сидели вокруг очага, составляя компанию в чаепитии вождю и молодому тунгусу, скорее мальчику, чем юноше. Имя вождя переводилось как ползющий, что отражало его болезненное состояние, а также говорило о его скорой кончине. Оказывается, он был давно болен и непонятно как оставался жив до сих пор. Вячеслав и не знал, что сказать старику, пауза затягивалась. Сазонов больше налегал на мясо. Внезапно в тишине раздался каркающий голос вождя. Вячеслав и Алексей разом посмотрели на Галдану.

– Он говорит, что вы издалека.

– Ну да, мы издалека, даже очень, – согласился Вячеслав.

Вождь продолжил говорить.

– Он говорит, что его кочевье небогатое – шесть оленей и овцы. Что вы, пришельцы, будете делать с его людьми?

– Скажи, будем их защищать, поселим рядом.

– Он говорит, что тут много женщин и детей, шесть слабых воинов. Вы будете защищать? Кормить?

– Скажи, что будем. Но и работать они будут.

– Он говорит, есть сильные племена. Много воинов, лошади, железное оружие.

– Скажи ему, Галдана, что мы тоже сильные.

– Он вам верит.

Старик что-то сказал парню, и тот вышел из чума. Вячеслав вопросительно посмотрел на бурятку. Та пожала плечами:

– Он послал за Алгурчи.

В чум вошёл тунгус, сразу бросилось в глаза, что у него не было кисти руки, а левую щеку и ухо пересекал неприятного вида шрам. Тутумэ заговорил с Алгурчи, а Галдана шёпотом переводила. Выходило, что вождь вдруг решил отринуть первоначально напускное безразличие и теперь говорит о том, что остатки его кочевья должны будут пойти с этими пришельцами и жить с ними. Алгурчи косился на бородатого Вячеслава, его лицо выражало нечто среднее между страхом и покорностью судьбе, он часто кивал. У Алексея сложилось впечатление, что этот тунгус сейчас расплачется. Потом они поняли, что так разволновало тунгуса – старый вождь, Ползающий решил остаться тут, и никакие уговоры не помогли.

Кочевье загудело, как разворошённый улей. Через некоторое время молодой тунгус из чума вождя привёл шестёрку оленей из редколесья. Видимо, те паслись на некотором отдалении от становища тунгусов. Мерзкий дождик, наконец, кончился, и выглянуло долгожданное солнце. Тунгусы принялись разбирать чумы и укладывать поклажу в тюки, которые навьючивали на оленей.

Лодки решили не задействовать, хотя путь по реке был наиболее короток и удобен. Моторы жгли драгоценное горючее, которого оставалось не так много. Лучше приберечь его на более критические случаи. Пришлось гонять навьюченных оленей в четыре ходки, чтобы перевезти всё имущество кочевья. В лагере ощутимо прибавилось народу – шесть мужчин, сорок три женщины и двадцать один ребёнок. Мгновенно стало тесно, а бегающие дети стали настоящей головной болью солдат и строителей. Как бы чего не утащили или не поранились. Все инструменты было решено пока запереть в первой избе, вторая всё так же представляла собой жилой дом с медпунктом на первом этаже, правда уже на шесть мест. Карпинский и Женька Лопухин были ранены не столь серьёзно, чтобы отлёживаться там далее.

Перед отбоем на собрании руководства лагеря по случаю пополнения населения Кабаржицким было предложено построить для туземцев бараки, аналогичные тем, что были у индейцев Северной Америки, входивших в лигу Ирокезов. Это были длинные дома с очагами внутри, в которых переносить зиму не так сложно.

– Печи там можно сложить. И к цивилизации немного их приблизим! – заключил Кабаржицкий.

– Решено! Строить придётся три барака, один для наших. Я думаю, что пока этот тип домов нам более выгоден, чем избы, – согласился инженер.

– Вячеслав, я думаю, стоит построить бараки по периметру лагеря, с каждой стороны – там, где мы частокол ещё не закончили, ведь такой длинный дом ничем не хуже стены, а так мы и отстреливаться можем через бойницы, – предложил Новиков.

– Верно! Точно! – послышались возгласы одобрения.

– Вы вот тут кричите, а почему все забыли о таком важном аспекте, как помывка? Бани нет и не надо, что ли, так и будем в реке купаться? – Сазонов решил, наконец, задать вопрос, который уже давно вертелся у него на языке.

– Ой, Алексей, это недоработка, сам, дурак, в реке полощусь. Я о бане и не подумал. Тем более холода придут скоро! – Вячеслав сокрушённо покачал головой.

– Ладно, завтра начинаем новую стройку. Тем более нас время уже поджигает, скоро осень активно вступит в свои права, а нам ещё продовольствие нужно заготавливать. Алексей...

– Да, Вячеслав? – встрепнулся майор.

– Завтра же надо съездить за Дарьей, взять медикаменты. Тунгусов надо хорошенько осмотреть, может у них есть заболевания. Сегодня я видел несколько женщин и детей в довольно ослабленном состоянии. И захватишь Трифона, а то Галдана явно нервничает без сына. Кстати, Дарье надо захватить витаминов, а то у нас в посёлке их кот наплакал, а у Смирнова их побольше малость, нам тоже пригодится зимой. Чую, цингой ещё запахнет. Владимир, кстати, а ты давай рыбку лови, зря что ли «Шимано» взял? А то тунгусы вон уже и тут на лодочках приходили с уловом. Догоняй. – Кабаржицкий кивнул, улыбнувшись. – И, наконец, Василий. Ты отбери человек пять и с тунгусами займитесь охотой, поучись у них, что да как. И ещё, друзья, надо отобрать несколько человек, наиболее способных к изучению языка наших новых товарищей, кхм... Надо учить, это необходимо.

– Да я понимаю, Вячеслав, – сказал Новиков. – Я и так уже потихоньку с Галданой баляю.

– Ну и отлично. Так, ладно, все свободны. Я сейчас набросаю план нашего... уже посёлка, можно сказать, и тоже баиньки.

К первым ночным заморозкам посёлок фактически был готов, по периметру лагеря был установлен частокол, в который были органически вписаны бараки. Оставалось незаконченными лишь несколько башенок, но они активно достраивались. В центре посёлка, в придачу к двум ранним двухэтажным избам были построены ещё два одноэтажных дома с пристройками для отары овец, нескольких коз и шести оленей. Устроена большая крытая поленница, в центре посёлка, недалеко от главного костровища.

Даже трём лохматым кабыздохам тунгусов были устроены персональные будки по разным сторонам посёлка. Так же частоколом и башенками была охвачена и часть противоположного берега реки Белой, как её единодушно назвали. На островке посреди реки тоже была установлена дозорная башня, в которой находились рыболовные снасти, неводы и прочий инструментарий для рыбной ловли. Тунгусы оказались отличными рыболовами, на своих утлых каркасных посудинах, перетянутых берестой, они умудрялись наловить столько рыбы, что устроенная на том берегу коптильня с трудом справлялась со своим делом. Байкальский таймень, ленок и хариус отлично ловились и на снасти Кабаржицкого, и на удочки туземцев.

Показанное тунгусом Алгурчи соляное месторождение, находившееся примерно в половине дня пути от лагеря, здорово помогало. С помощью соли можно было сохранить на зиму не только рыбу, но и запасы мяса, которые добывала охотничья партия. У туземцев также были свои запасы проса и чумизы. Тунгусы делали, кстати, вполне неплохой творог и сыр из смеси овечьего и козьего молока. Козье молоко также пользовалось у наших людей популярностью.

Несмотря на то что добывание пищи, как оказалось, не столь проблемно, многие со страхом ждали зиму и боялись возможного голода. Ведь люди привыкли к тому, что должны быть колышущиеся поля пшеницы и свинофермы, полные хрюкающих хавроний, без устали дающих новых и новых поросят.

Старые и новые жители посёлка старались лучше понять друг друга, правда, попервости тунгусы были несколько шокированы навязчивой доброжелательностью русских. Но после первого медосмотра новоприбывших, устроенного Дарьей, когда на ноги было поставлено несколько приболевших было детишек и начато лечение посредством мазей с антибиотиками выявленной у многих взрослых трахомы, первоначальный лёд недоверия был растоплен.

Окончательно доверие тунгусов было завоёвано особенно тёплым отношением к их детям, к которым соскучившиеся по своим родным, оставленным на той стороне, русские так и льнули, стараясь угостить их чем-нибудь вкусненьким или просто потискать и поиграть. Участники экспедиции давали детишкам имена, которые наиболее подходили по созвучию к тем именам, к которым они привыкли у себя дома. Так по посёлку уже шныряли Димки, Маши и Ванюшки, которые с удовольствием откликались на эти имена.

Избы в центре посёлка поначалу хотели было обкладывать кирпичом, но Соколов не позволил – кирпич пригодится на печи. А вообще, он практически весь израсходован на первый уровень семи сторожевых башен, расположенных по периметру посёлка. Вячеслав заметил, что неплохо бы использовать для строительства известняк, но с кирпичом получалось меньше мороки, так что отличный белый камень решили оставить на потом. Зато, наконец, около берега реки была заложена баня – предмет чаяний многих людей в посёлке, соскучившихся по нормальной парилке. Так что теперь ещё одной проблемой станет меньше. Однако появилась проблема новая, которая была в общем-то ожидаемая, но отодвигаемая многими на второй план.

За прошедшие пару месяцев со дня первого нападения местных на русскую экспедицию туземцы больше не тревожили пришельцев. Они даже не показывались вблизи посёлка, хотя по Ангаре они сплавлялись регулярно, дозоры морпехов постоянно наблюдали их небольшие лодочные караваны к Шаманьему камню и обратно. На Белой они не появлялись до определённого момента.

Так как последнюю группу чужих туземцев проводили по Ангаре сутки назад, нового их появления не ожидали в ближайшие шесть-семь дней. Тем более неожиданным стало их сегодняшнее появление. В тот день, как обычно, группа рыбаков, под присмотром трёх морпехов, рыбачила ранним утром на Ангаре. Двое воинов наблюдали за излучиной реки с невысокого, поросшего скрывающим людей мелким кустарником холма. Третий морпех находился на корме большой моторки и приглядывал за рекой по её течению с юга на север. Три остальные посудины рыболовной партии представляли собой берестянки тунгусов, в каждой из них находилось аккуратно два человека.

Прибежавший к месту ловли морпех из секрета на холме оповестил рыбаков об опасности, им грозящей. Лодки начали подгребать к берегу, быстро вытягивая из воды сеть. Хотя все старались уйти с середины реки к берегу незамеченными, сделать это не удалось. Небольшая флотилия из пяти лодок незваных гостей всё равно выскочила из-за излучины Ангары неожиданно скоро. До посёлка от Ангары вверх по Белой было порядка четырёх километров, так что уйти под защиту поселения было невозможно, поэтому лодки пристали к берегу, и люди, приготовив оружие: огнестрельное – наших людей и луки тунгусов, стали ждать подхода чужаков. Их лодки были заметно крупнее берестянок, примерно подходя размерами под моторку, в каждой лодке было по четыре-пять человек, вооружённых луками и копьями.

Расстояние между чужими воинами и поселковыми рыбаками неуклонно уменьшалось.

– Не стрелять первыми, подпустим поближе! Посмотрим, может вообще обойдётся? – Ринат не стал форсировать события.

Тунгусы заметно нервничали и, если бы не морпехи и пара мужиков, точно бы дали стрелка. Тем временем незнакомцы уже были в нескольких десятках метров, на первой лодке различались двое туземцев с нацеленными в рыбаков луками. Позади них стоял высокий человек, не походящий своим видом на жителей Приангарья, на голове его красовался остроконечный шлем, красный кафтан облегал мощную фигуру, а дополняла картину внушительная борода.

Вдруг он поднял вверх согнутую в локте руку, ладонью к готовым к бою поселковым. Не надо быть восьми пядей во лбу, чтобы догадаться о его желании показать мирные намерения и о том, что он был главным среди чужаков. Саляев, также встав на берегу, повторил жест высокого незнакомца.

– Фёдор, сними предохранитель, заходи повыше направо, держи берег под прицелом. Игорь, ты в траву левее, тоже держи их на прицеле, – Ринат отправил по флангам автоматчиков. – Мужики, готовьте пистолеты, – закончил расстановку сержант. – Чёрт, жаль, укрытия никакого. Как на ладони тут!

Туземцы на носу лодки опустили луки по приказу высокого мужчины. Флотилия чужаков стала приставать к берегу. Первым сошёл на землю предводитель незнакомцев, Ринат протянул ему руку. Тот спустя мгновение протянул свою, и таким вот нехитрым способом эпохальное знакомство состоялось. Первый раз пришельцы из страны со странным названием Российская Федерация встретили своих предков из Московской Руси.

– Ринат, – представился Саляев.

– Пётр Бекетов, казачий сотник из Енисейского острожка. Ты сам-то казанец никак?

– Нет, не казанец, я из Альметьевска, – улыбнулся в ответ Ринат.

– Не ведаю о сём граде. С какого острожка будете? В Енисейском вас не было, неужто из Красного Яра? Сызнова нас, енисейских, опередили? Много ли ясаку собрали? И пошто брацких данников побили, а жён их и детишек увели? – Бекетов засыпал Рината вопросами.

Ринат растерянно развёл руками:

– Я половину сказанного тобой не понял, Пётр. Что это за брацкие данники?

– Брацкие людишки с Уды-реки жалились нам, что де казачки побили крепко их улусных данников, да забрали всю рухлядь да оленей, жён и детей. Опрочь вас никого нет в этой стороне.

– А-а, Ринат, он нам про тунгусов толкует, – просветил Саляева один из мужиков. – Нехрена нам заливать про них. Они сами напали, Олега стрелами в бок истыкали! А кто ещё нападёт, мы и их угомоним. – И внимательно посмотрел на двух туземцев, оставшихся сидеть в лодке Бекетова.

– Сами, говоришь, напали? – Бекетов прищурился и глянул на своих туземцев. – Или вы ясак выколачивали со злостию?

– Какой ещё, на хрен, ясак?! – продолжал яриться мужик.

– Пётр, а как вас по батюшке? – спросил Ринат.

– Иванов сын.

– Так вот, Пётр Иванович, вы своим людям скажите, чтобы не обходили нас. А то мы нервные бываем. И копыа подальше уберите. Убрать, я сказал, копыа!! Назад давай! – крикнул Ринат на двух казачков, опасно подходивших к и так нервничающим мужикам.

Силы были явно неравные, но знали об этом только морпехи. С нашей стороны было два морских пехотинца с АКМ, два мужика с пистолетами, третий с «калашом», да двое туземцев взрослых с луками и четыре подростка. К тому же третий морпех контролировал ситуацию на холме из засады со снайперской винтовкой. Неравные и несмотря на то, что казаков было явно больше. Кстати, тихой сапой казаки в лодках раздули фитили страшных на вид пицалей. Было ясно, что если грянет, то крови будет много.

Ринат насчитал не менее двадцати человек казаков и двоих туземцев. Конечно, используя автоматы, можно было покрошить их всех, а Женька с холма мог поработать по казакам

с пищалями. Но и они могут удачным выстрелом положить тут поселковых, трава больше не скрывала рыбаков, а укрыться на отлогом берегу было совсем негде. Да и, чёрт возьми, вовсе не хотелось начинать знакомство с предками с кровавой бани, жалко – свои люди же. Кстати, о бане.

– Пётр Иванович, я предлагаю не доводить дело по перестрелки с жертвами, тем более жалко в вас стрелять. Давайте-ка обсудим все вопросы у нас в посёлке. Тем более только баню отстроили. Там и поговорите с нашими начальниками.

– Чудно ты сказываешь, казанец. Но ты прав, нет нужды в кровопускании, поговорим после баньки. Показывай путь к вашему острожку.

Ринат понял, что попал. Сейчас вести их к посёлку – значит, раскрыть место пребывания своих людей, место посёлка. А отправить кого-либо на моторке, значит дать возможность Бекетову подумать о засаде. Чёрт, что делать-то? Блин, да что я мельтешу-то! У Женьки, сидящего в засаде, есть рация, парень наверняка всё правильно передал. Нервишки!

– Мотор не заводи, на вёслах пойдём. Нечего их нервировать сейчас, а то опять вопросы закидает, ни к чему это пока, – выдал Ринат скороговоркой мужику у мотора лодки.

Тот, поняв, кивнул. Бекетов сотоварищи грузились на свои лодки.

– Женька! Выходи! Мы уходим, – крикнул Ринат в сторону холма, сложив руки рупором.

Бекетов внимательно посмотрел на Рината, на холм и, покачав головой, сам себе усмехнулся.

– Женья, радировал на базу? – спросил Салаев проходящего мимо него к моторке Лопатина с рацией за спиной.

– Салаев, вот реально обижаешь!

Казачи, шедшие на лодках за моторкой, вели себя довольно беспечно. Над водной гладью то и дело раздавались сальные шуточки, следующие за ними грохоты смеха, дурные вопли. Ринат, поглядывая на лодку Бекетова, шедшую за ним, заметил, что Пётр Иванович не принимает участия в веселии казаков, а явно погружён в свои мысли. За берегами зорко следили двое туземцев. Всё веселье казаков как ветром сдуло при приближении к посёлку.

Первая же башня на островке, обложенная до середины кирпичом и крытая черепицей из смеси глинозёма с известняком, с двумя часовыми на верхней площадке, заставила их уважительно смолкнуть и внимательно присматриваться к бойницам.

На досках причала уже стояли Соколов, Сазонов и Кабаржицкий. Новиков и бойцы организовали прикрытие с берега, две башни – на острове посреди реки и на берегу перекрывали пространство подхода лодок и места высадки казаков. Салаев заметил, что Бекетов явно разглядел заранее это обстоятельство, но сотник сохранял бесстрастное выражение лица.

«Серьёзный мужик, с ним надо ухо остро.»

Лодки тем временем начали причаливать. Соколов подал Бекетову руку, с её помощью, сохраняя равновесие, Пётр Иванович ступил на мостки, те лишь жалобно скрипнули. После рукопожатия и знакомства Вячеслав предложил пройти в избу.

– Только прошу вас, оружие оставить в башне. Вы у нас гости и опасаться вам нечего, прошу понять нас.

– Отчего же не понять? Братцы! Бронь и оружие оставляйте тут, – обратился к казакам и стрельцам Бекетов.

Те, глухо поворчав, оружие сдали, причём всё – вплоть до ножей.

Россиянам предстояла серьёзная беседа с представителем Московского царства.

Глава 6

Посёлок Белореченский. Ранняя осень

Вячеслав, позвав Новикова, негромко ему сказал срочно слать моторку в базовый лагерь к Смирнову и немедленно везти его сюда. А заодно оглядеться на реке, если покажутся ещё лодки с чужаками, сразу же радировать и, не сближаясь, моментально отправляться обратно, если столкновение с чужаками будет неизбежным.

– Пётр Иванович, пойдёмте пообедаем и поговорим о делах наших, – обратился Соколов к Бекетову.

Тот обернулся на своих людей и вопросительно посмотрел на Соколова.

– Ваших товарищей тоже накормят, не беспокойтесь, – сразу понял казацкого сотника инженер.

Бекетов кивнул и направился за Вячеславом. В избе уже ждала гостей Дарья и помогавшие ей туземки. Входя в дверь, Бекетов несколько замешкался: сложив пальцы двуперстием для того, чтобы перекреститься на иконы в красном углу, он не нашёл взглядом ничего того, что полагалось иметь в любой русской избе. Сотник озадаченно оглянулся на Вячеслава, тот пожал плечами и заметно покраснел.

Все расселись на лавках за длинным столом, заставленном лебединой песней взятых с собой запасов пищи. Картофельное пюре с тушёной, рис с курицей, на сладкое – джемы и шоколад. Конечно, украшением стола стала косуля, принесённая охотниками, и рыбные копчёности – заслуга увечного тунгуса Алгурчи, ставшего местным гуру рыбной ловли. За столом, помимо Вячеслава и Бекетова, находились: Сазонов, Кабаржицкий, Дарья, Галдана, Ирина из почвоведов да казацкий десятник Бекетова Афанасий Хмелёв, выделяющийся чёрной и поцыгански курчавой растительностью на лице и рваным ухом. Принялись за еду, заводилой был Афанасий – он хватал всё, что было рядом, особенно налегая на мясо косули.

– А хлебушка у вас нету? – проговорил набитым ртом Афанасий.

– Нет, хлеба у нас нет. Что был – давно кончился, сами страдаем, – ответил Сазонов.

– Голодно было в пути? – спросил Бекетова Вячеслав.

– Да-а! Мы уж корешки копали и жрали! – ответил за Бекетова Афанасий и тут же осёкся, натолкнувшись на колючий взгляд сотника.

Подняв руки в извиняющемся жесте, Хмелёв больше рта не открывал.

– А дорога была долгая от Енисейска? – продолжал Вячеслав.

– Восьмая седмица пошла, как вышли с острожка.

– А что вы так вышли, холода ведь уже стоят по ночам?

– Так ведь надо было застолбить места сбора ясака и привести под высокую государеву руку брацких людишек. А то ить красноярцы опередят. Да и казачки Якова Хрипунова на зимовку в Енисейск уже прибыли. Они тоже могут опередить нас, енисейских.

– У вас что, конкуренция? – Сазонов заулыбался.

– Что у нас? – не понял Бекетов.

– Ну, вроде того, что вы представляете одного государя, а хотите опередить друг дружку в сборе ясака.

– Да, а как же? Кто в казну больше рухляди мягкой сдаст, тот и жалованье получит, и на службе повысит себя сможет.

– Рухляди?

– Меха, Вячеслав, шкурки звериные, – Кабаржицкий разъяснил своим современникам смысл слова.

– Обождите. Вы не собираете ясак?! – до Бекетова дошло понимание этого факта лишь только что.

– Нет, не собираем, зачем он нам?

Ответ Вячеслава поверг Петра Ивановича в глубокий шок:

– Как?! А что вы посылаете в казну?

– Пётр Иванович, надо вам объяснить кое-что. Мы не собираем ясак и не шлём ничего в казну. Мы граждане другого государства, которое... хм, довольно далеко отсюда. Царя у нас нет. Не знаю, может, это и нехорошо, но царя нет.

– Вы беглые, что ль? Схизматики? – Бекетов сузил глаза, брови его сошлись на переносице, широкие ладони сжались в пудовые кулачищи.

Афанасий также напрягся и стал озиаться по сторонам, видимо, ища в доме варианты для драки. Повисла неприятная пауза, оставалась лишь искра до пожара.

– Стоп-стоп, Пётр Иванович, – Дарья решила встрять в разговор, дабы немного остудить горячие головы разбушевавшихся мужиков.

– Мы не схизматики и не беглые. У нас есть своя страна и она... да, она далеко отсюда.

– А царь наш, Михайло Фёдорович, известен вам?

– Романов Михаил Фёдорович нам, конечно, известен, он взошёл на престол в 1613 году, чем окончил великую смуту в государстве. Избрание было трудным, отметались кандидатуры как служивших оккупантам Мстиславского и Ивана Романова, так и боровшимся с ними Шереметева и Воротынского. Потом влиятельные люди стали выдвигать на трон молодого стольника Михаила Романова, который после удачного «голосования» отблагодарил своих новых друзей поместьями. Те, конечно, хотели править от имени молодого царя, неопытного во всём и весьма болезненного. Ну там всего понамешано, интриг море, столкновения интересов, агенты влияния Польши и Швеции, Англия, как обычно, сунулась в московские разборки. Сейчас, кстати, правит патриарх Филарет, замешанный в Тушинской измене и переговорах с оккупантами-поляками. И в отравлении князя Василия Голицына, реального претендента на русский престол. Русский Ришелье, блин!

Бекетов обалдело уставился на Кабаржицкого, который выдавал такую информацию, за которую легко получить удобное местечко на дыбе.

– Что за год ты назвал? – на автомате спросил Бекетов, всё ещё продолжая переваривать полученную информацию.

– Тысяча шестьсот тринадцатый, или по-вашему – семь тысяч сто двадцать первый.

– Да, видно, что вы не из наших краёв. Однако соглядатаи ваши в Москве имеются.

Вячеслав сделал жест рукой, который можно было трактовать как «пусть так».

– А скажите, почему у вас ни часовенки, ни церквушки, даже иконки нет ни одной? Вы не веруете в Господа Бога нашего вседержителя? – затронул Бекетов важную для него тему. – Я и креста на вас не вижу.

– У меня есть крестик, – похвасталась Дарья.

– И у меня тоже есть, – Кабаржицкий продемонстрировал сотнику свой крестик.

Бекетов заметно удовлетворился этой демонстрацией православных крестов. Факт того, что поселковые люди принадлежали к одной с ним вере, заметно облегчал Петру Ивановичу общение с этими странными людьми.

– Вина, я смотрю, у вас тоже нет, – протянул разочарованно Бекетов.

Сазонов ответил, что не только вина, но и табака в посёлке не держат, на что сотник разочарованно запустил пятернёй в волосы.

– Что табаку не курите, я и так вижу, да и ноздрей рваных нету у твоих людей.

Между тем Кабаржицкий зашушукался с Вячеславом. Бекетов поморщился, считая, что они не хотят посвящать его в какие-то знания, и снова принялся за остывшее мясо.

– Вячеслав, наша ситуация непонятна Бекетову. Мы не сможем ему объяснить наше положение, какие там, к чёрту, путешествия во времени? Какая, нафиг, Эр Эф? Мы ему мозги спа-

лим такой информацией или он нас за идиотов посчитает, или за секту какую-нибудь. Потом нагрянут сюда с очистительной миссией во славу Господа.

Вячеслав, слушая, кивал.

– Короче, я не знаю, что ему говорить. В уме вертится только дикая мыслишка о новгородцах на Аляске.

– О чём ты, Володя!? – округлил глаза Вячеслав.

– Смотри, Андреич, – негромко проговорил капитан. – Сведения о новгородцах, бежавших в шестнадцатом веке от натиска строящих общерусское государство москвичей, есть. Ещё в сорок четвёртом году на Юконе нашли остатки новгородских построек, до этого, ещё в двенадцатом веке, новгородцы ходили за Урал. Говорят, что ходили по Иртышу, по проливу между Азией и Америкой. За то, что всё это правда, я поручиться не могу, но про новгородцев в Америке сведения достоверные. Упираем на это?

– А чего остаётся? Про Ельцина и Горбачёва ему рассказывать, что ли?

– Хорошо, – Владимир склонился к уху сидящего справа Сазонова.

Афанасий, насытившись, уже дремал за столом. Разговоры его более не интересовали, и десятник, отпросившись, полез спать на полати ещё тёплой печки.

– Пётр Иванович, так что там с данниками... брацкими, да?

– Брацкими, – кивнул Бекетов, – мне жалился князёк брацкий с Уды, именем Немес, что де казачки крепко побили одно из его двух кыштымов, а всех, кто остался живой, забрали себе.

– Второй кыштым – это Хатысма, брат Тутумэ-Ползающего, – кивнув, вставила туземка.

– Ясно, Галдана. Так, Пётр Иванович, врёт ваш князёк, как сивый мерин. Во-первых, насколько я понял, это именно он натравил на нас своих данников. Они атаковали нас, но воины из них получились никудышные. Побили мы их сильно, а жён и детей забрали к себе в посёлок, чтобы они с голоду не поумирали, так как мы почти всех мужиков у них убили.

– Что ж, уразумел я, Вячеслав Андреевич. Тут мне всё ясно. Меж прочим, я сам в начале лета уже плавал умирять тунгусов, что напали на отряд нашего енисейского атамана Максима Перфильева сотоварищи. Тогда побили немного казачков. Так я взял с них аманатов, ясака, а тунгусцы обещали больше не нападать.

– Что за аманаты?

– Заложники, – объяснил Кабаржицкий.

– Владимир, ты у нас не кандидат исторических наук, случаем? – рассмеялся Сазонов.

– Нет, товарищ майор, – Владимир вежливо ощерился в ответ.

– Майор? У вас полки иноземного строя? – удивился Бекетов.

– Нет, полки у нас самого русского строя, просто некоторые воинские звания пришли к нам из других стран.

– Так где же ваше государство, Вячеслав? И много ли там бояр, таких как ты?

Соколов, посмотрев на Кабаржицкого, сокрушённо покачал головой и предложил тому самому рассказывать. Владимир начал с того, что напомнил Бекетову становление Московского царства и походы москвичей на Новгород. Тот кивал, подмечая, что псковские и новгородские земли и сейчас имеют некоторые вольности и привилегии. Владимир продолжал о том, что несколько тысяч сторонников новгородской вольницы решили уйти из-под руки Москвы и жить согласно своим желаниям на новом месте. Которое они нашли за Синским царством, за далёким студёным морем, да за горами высокими.

– Там и есть наша страна, – капитан закончил свой рассказ.

– А тут вы зачем? Ох, не верю я тебе, Володимир, хоть и складно ты сказываешь.

– А тут мы для порядка и контроля. Разведываем, что да как, – неожиданно вставил Сазонов. Вячеслав кивнул, подтверждая сказанное. Дарья лишь хмыкнула.

– Ладно, други, пора и мне на боковую, а то ишь, как Афанасий храпит. Выспаться мне надо, а под вечер и обещанную вами баньку опробовать.

Бекетов, сняв лёгкий зипун, полез на полаты к своему десятнику, сразу пихнув того в бок, чтобы он перестал храпеть. Помогло. Туземки убрали со стола, а Соколов с Сазоновым вышли из избы на крыльцо.

– Курить охота, Алексей, аж жуть. – Вячеслав мечтательно закатил глаза.

– Нет уж, раз такие дела, пора бросать, Андреич! Меня вот волнует, как там наши Карпинский с Коломейцевым, добрались ли до первой базы?

Посёлок Новоземельский. Ранняя осень

Тем временем оба бойца уже подруливали к знакомому белому пляжу. На шум мотора лодки сбежались практически все обитатели первого лагеря, или уже, как и Белая Речка, вполне себе посёлка. Тут периметр поселения также был отстроен частоколом, поставлены башенки, сделаны двое ворот – в сторону Байкала и по направлению течения Ангары. Поставлен кирпичный ангар, куда таскали хорошую глину с речушки в двух километрах от посёлка. Конечно, она была не так хороша, как на Белой речке, но всё же для кирпичей и черепицы она годилась вполне. Смирнов принял бойцов в только что отстроенной просторной избе, где была жарко натоплена печь. Так что пришлось стаскивать верхнюю одежду, садясь за стол. Смирнов без помощи туземцев наладил в посёлке рыбную ловлю и охоту, поэтому еды хватало, да и запасов пока оставалось немного. Он всё сокрушался, что де нету овощей на рассаду, да хорошо бы организовать огородики и свинарник.

– Что-что, но вы, полковник, в председатели колхоза сгодились бы! – пошутил профессор Радек, уже давно пришедший в себя после глубокой депрессии.

– Николай Валентинович, рад что вы уже шутите!

– А что, Пётр, дальше убиваться смысла нет, будем жить, – подошёл Фёдор Сартинов.

– Парни, вы давайте не шуткуйте, а выкладывайте, не так просто же примчались под вечер. Лясы поточить и потом можно будет.

– Короче, – начал Карпинский, – держитесь, мужики! Объявились тут русские казачки на Ангаре, конец нашему милому затворничеству настал.

Капитан БДК аж присвистнул, присутствующие за столом перестали жевать. Тяжёлая пауза держалась довольно долго. А потом посыпались вопросы. Карпинский отдувался за двоих, а Ванька тем временем уплетал солёную рыбу. Оставив посёлок под начало сержантов Зайцева и Васина, Смирнов, Петренко и Радек, за шиворот оторвав Коломейцева от рыбы, погрузились в моторку и отбыли на вторую базу, чаще именуемую Белой речкой, в багровом свете вечернего солнца.

В Белореченский посёлок моторка пришла в закатном сумраке, на башне уже горел маяком огонь, а на ночное патрулирование периметра посёлка выходили три тройки морпехов. Казаки, отоспавшись днём, уже попарились на славу в бане и сейчас сидели у костра в центре посёлка.

– Где Вячеслав? – спросил Смирнов у бойца на воротах, установленных между двумя башенками у входа в посёлок со стороны причала на реке.

– Женька! – крикнул тот в приоткрытую дверь нижнего яруса более крупной башни. – Проводи полковника к Соколову. Они с сотником в избе сидят, как из бани вышли.

Смирнов, пересекая внутреннюю площадь посёлка, удивлённо мотал головой, насколько же здесь стало многолюдно. Отовсюду доносится говор и детские звонкие голоса.

– А это что? – Смирнов указал на груды тряпья у костра, которую палками поддевали и кидали в огонь.

– А-а, Андрей Валентинович, это сейчас тунгусов после казачков в баню запускаем группами. Сегодня у нас банный день получается, у туземцев просто блох много, да и пахнут они того... не очень. А тряпье их Вячеслав приказал сжечь к чёртовой матери, чтобы заразу не

разносить. Потом и чумы их разберём в костёр, чтобы в посёлке этого добра не было. Вон у них два барака есть, пускай обживают, там места навалом.

– А одежда как же? У них есть разве ещё?

– Есть, есть. Меха у них есть, кожа тоже, ткани имеются, кое-чего мы подкинем. Пускай шьют. Зато чесаться не будут.

– Как с мылом?

– Есть немного, варим. Но нам жира надо больше, тунгусов растрясём на жир, – улыбнулся Евгений и, видя удивлённое лицо полковника, добавил: – В смысле на материал, зверя какого, например.

Спустя пару минут Лопехин указал Смирнову на крупный дом, стоящий в центре посёлка:

– А вот мы и пришли, кстати, это изба Вячеслава, местный сельсовет, – хихикнул Лопехин.

Стоявший у крыльца бородатый мужик, увидев Смирнова, метнулся в избу, и сразу оттуда вышел Вячеслав с Кабаржицким. Смирнов душевно обнялся с Соколовым и обменялся рукопожатием с Владимиром.

– Тут такая штука, Андрей, я почему с тобой хотел переговорить заранее. Владимир правильно указал на то, что мы не можем рассказывать о том, что с нами произошло.

– Что ты имеешь в виду, Андреич?

– Короче. Смотри сам, как ты будешь объяснять путешествия во времени и пространстве современникам первого Романова на троне?

– Нас сочтут за шарлатанов, а хуже того – за сектантов или еретиков. – вставил Кабаржицкий.

– Ну и что вы предлагаете? – Смирнов был совершенно сбит с толку.

Владимир с Вячеславом принялись на пальцах рассказывать их легенду. Минут через семь-восемь полковник, наконец, уяснил основные тезисы выступления дуэта.

– Уф, Андрей Валентинович, с бойцами и то проще вышло, – улыбался Владимир.

– Дык мне положено знать больше! – воскликнул полковник.

– Ну смотри, Андрей, не заговоришь теперь с сотником.

И троица вошла в избу. Разговор был долгий, закончили далеко за полночь, когда уже в посёлке спали все, кроме часовых и дозоров вокруг стен. Смирнов и Бекетов остались весьма довольные взаимным знакомством и заключили устный договор о дружбе, если можно так выразиться. Больше говорили о сотрудничестве и положении русских служилых и вольных людей в Сибири, стараясь огибать острые углы вопросов Бекетова об их государстве. Отдельвались общими фразами и туманными объяснениями, что де, далека страна наша. Смирнову пришлось описывать местность Аляски, западной Канады и северо-запада США, говоря о мифическом государстве беглых новгородцев, больше упирал на скудость почв, отсутствие драгоценных металлов и особенно пушного зверя. Что де в Сибири оно во сто крат больше.

– Стало быть, Сибирская земля вас тоже привлекает, а говорили, что ясак не собираете... – насторожился Бекетов.

– Я думаю, что земли и её богатств тут всем хватит, – отвечивал Смирнов.

– Так-то оно так, но ить иные казачки так не станут рассуждать. А хватятся за пищали да сабли.

– Ну а на других казачков у нас и свои пищали есть, – хитро прищутив глаз, отвечал полковник.

Бекетов кивнул. Далее разговор пошёл в более конструктивном русле, Бекетов должен был разграничить территорию сбора ясака. Смирнов неожиданно для остальных принялся с жаром участвовать в обсуждении этого вопроса. Сошлись на том, что точкой разграничения сторон станет место впадения в Тунгуску, как Бекетов называл Ангару, реки Уды, где он в

последний раз получал ясак и приводил туземцев в московское подданство. Смирнов обязал увязать факт прохождения линии границы с тем, что казаки должны держать поселение на линии разграничения. Иначе граница пройдёт по первому жилью енисейцев. Сотник обязался до снега соорудить на Уде острожек, а Вячеслав обещал ему в этом помочь.

Ещё Смирнов спросил о капусте, а особенно интересовался поросятами, может ли атаман привезти им такой подарок? Бекетов вяло кивал, Смирнов это заметил и объявил сотнику, что мы мол, оплатим не только помощью в строительстве острожка.

– Сейчас! – воскликнул он и выскочил из избы, оставив озадаченного сотника в ещё полном недоумении.

Вячеслав и Владимир, поглядев друг на друга, в унисон пожали плечами. Несколько минут спустя Смирнов вернулся с торжествующим блеском в глазах и с большим чехлом за плечом.

– Вот!

– О-о, Андрей, ты своего «Ижака» отдашь? Мы же хотели пострелять как-нибудь вместе! – воскликнул Вячеслав.

– Ничего, постреляем из чего-нибудь другого.

– Да, твоя любовь к хрюшкам дорого нам стоит! – рассмеялся инженер.

Бекетов не сводил глаз с чехла, угадывая в нём очертания оружия.

– Нравится такая игрушка, Пётр Иванович? Да уж! Отличная штука, классический вариант, плюс автоматическое выбрасывание стреляных гильз, надёжность и простота использования в различных климатических условиях, так-то! А медведя или кабана без проблем завалит!

– Айда на двор, стрельнём, полковник! – глаза сотника азартно загорелись.

– А что? Пойдём!

– Ополумели?! Ночь на дворе! Народ спит же давно, – отрезвил парочку Вячеслав.

– А... ну да. Завтра постреляем, Пётр Иванович.

– Так мужики, я спать, – заявил Кабаржицкий.

– Спокойной ночи, Володя. Если тебя эти ненормальные не разбудят, конечно, – хмыкнул Соколов.

Капитан согласно кивал и отправился спать в свою комнатку, которая была выделена ему на втором этаже барака, ставшего казармой морпехов. Туда же, в стоявший в сторону леса барак, приютили и большую часть казаков и стрельцов Бекетова. Остальные расположились в более комфортабельных избах. Троица же, в лице сотника, полковника и инженера, продолжила свой ночной разговор, правда продержались они недолго. Причём Бекетов так и заснул, с ружьём в обнимку.

А наутро к Вячеславу заглянул один из его строителей, Сергей из Мурманска, главный весельчак и балагур в местной бригаде, но сегодня он, судя по его озадаченному виду, пришёл не просто так, лицо его выражало серьёзность и настороженность. Прежде чем войти, он хорошенько осмотрелся по сторонам.

– Заходи, Серёга, чай будешь? Только принесли.

– А, – махнул рукой Сергей, – не до чая мне, еле утра дождался. Тут дела такие затеваются, аж страшно становится.

– Что случилось-то, Серёжа?

– Короче, бойцы наши, что с казачками общались, затевают что-то. Они недовольны нашим сегодняшним положением. Вчера солдатики уши-то свои развесили, а казаки рады стараться – давай заливать про казацкую вольницу, туземных жён да золотишко.

– И?

– Некоторые горячие головы желают с казаками уйти, вольной жизни им захотелось. Надоела рутина поселковая.

– А мужики чего?

– Мужики в норме, так ведь и в основном взрослые все, понимают, что к чему. Новиков тоже в курсе, они с Саляевым уже общались. К Смирнову и Сазонову пойдут, потом к тебе, видимо.

– Понятно... Ладно, Серёга, спасибо, что зашёл, рассказал.

– Ну так что делать будешь теперь?

– Ясно что, собрание нужно провести, начистоту пообщаться. Сначала с майором поговорю, конечно.

Вячеслав допил чай и, посидев в раздумьях минутку, решительно направился в стоящую рядышком избу Сазонова, чьи апартаменты находились на втором этаже. Поднявшись наверх, он обнаружил там спорящую компанию – в комнате уже находились Смирнов, Петренко, Кабаржицкий и Новиков. Все нервно дёрнулись, когда Соколов открывал дверь.

– А где Саляев? – спросил Вячеслав.

– В казарме, конечно, не оставлять же бойцов одних! – сразу ответил Новиков.

– Решил что, Алексей? – вопрос адресовался Сазонову.

– Хрен его знает, Вячеслав. Может, под арест посадить зачинщиков, а казаков попросить убратся поскорей?

– Так ведь ещё ничего не было! Только наши догадки, – Кабаржицкий вставил своё и был прав. – Ведь это мы тут невесть чего придумываем, а наши, может, просто поболтали и всё забыли.

– Но всё равно я предлагаю провести собрание, да и время настало, – решительно произнёс Вячеслав.

Спорить с этим никто не стал, решили сегодня днём собрать людей в казарме и расставить все точки над *i*. Чтобы не оставлять пустыми посты посёлка, с каждым отделением работу проводили отдельно. Сначала поговорили с отделением Новикова, как более лояльным. Потом пришёл черед саляевского отделения, тут вопросов было больше, остальные отделения оставались тёмной лошадкой. Было неизвестно, чего от них ожидать.

В итоге молодые здоровые морпехи поставили несколько задач перед руководством посёлка, в целом их можно было скомпоновать под вопросы общего и местного масштабов. Самая важная тема – возвращения домой, оказалась самой сложной. Соколов честно сказал, что наиболее вероятен вариант того, что им придётся остаться здесь навсегда. Хотя вероятность чуда в принципе возможна, но он сам верит в это с трудом. Насчёт вольностей было сказано, что субординация была, есть и будет, никаких вольностей в казачьем варианте не предусматривается, да и сами казачьи вольности таковыми кажутся лишь на первый взгляд. Впрочем, желающие могут сдать оружие и убираться на все четыре стороны – искать счастья в необременённых цивилизацией просторах Сибири. Подальше от места возможного появления прохода в аномалии.

Насчёт женщин решили проще: руководство посёлка сразу дало зелёный свет самой сложной мужской проблеме, которая могла в будущем наделать много бед. По аналогии с казаками, морпехам и строителям позволялось брать так называемых туземных жён, но с несколькими железными правилами. Не позволялось брать больше одной женщины и только по обоюдному согласию. И без ущерба несению службы и работам на благо посёлка.

Морпехи, казалось, в целом поняли весь спектр проблем, которые встанут перед ними широкой стеной при бегстве из лагеря, пусть и с оружием, к которому, как часто бывает, кончаются боеприпасы. Итогом стало то, что парни дали понять – информация, попавшая к руководству посёлка, была не совсем верна, и что де они вовсе не желали приключений на свои неокрепшие задницы. В посёлке Смирнова, по его словам, таких проблем пока не наблюдалось. Морпехи не выказывали похожих запросов. Однако это вовсе не означало отсутствия проблемы, полковник это ясно себе представлял.

Между тем Смирнов мягко съехал на тему выгод от подселения туземцев, пример Белореченского посёлка ему даже понравился. Сазонов предложил ему отбить у бурятского князя второго кыштыма. Столь невероятный вариант многих огорошил. Но неожиданно Смирнов полностью поддержал предложение майора, к его вящему удивлению. Причём решил сделать это не откладывая в долгий ящик, а на неделе: проводив отряд Бекетова до реки Уды, провести разведку в местности, где сотник хотел оставить несколько человек на зимовку.

– Поможем им со строительством, а заодно разведем тамошнюю обстановку.

День пролетел быстро, казачки собирались в обратную дорогу, выменяв у Сазонова немного припасов на золотой песок. С Бекетовым договорились о совместной постройке Удинского зимовья на границе совместных зон влияния.

Смирнов и Сазонов решили вопрос о тех людях, что должны будут помочь в строительстве и охране зимовья, на Уду послали семь человек под началом Новикова – четыре морпеха, включая самого Василия, Петра Карпинского, радиста Коломейцева, снайпера Кима и трёх строителей с инструментом. На следующее утро караван из шести лодок отправился вниз по течению Ангары, чуть позже в Новоземельский посёлок ушла лодка с компанией Смирнова.

Лодки по течению шли ходко, на месте были ещё до сумерек. Зимовье было задумано Бекетовым на островке недалеко от впадения Уды в Ангару, место было очень удачно выбрано – остров омывался широкими водами Уды, а лес не подступал слишком близко к берегам реки, как это было повсеместно на Ангаре. Выгрузившись, люди первым делом развели костёр – после путешествия нужно было обогреться и подсушить одежду. При этом отличился Карпинский, который навёл шороху своей зажигалкой. Он решил использовать её, увидев приготовившегося было высекать искру Афанасия.

Пётр тут же поймал укоризненный взгляд Новикова, пожал плечами и принялся рассказывать удивлённому столь быстрым розжигом огня Афанасию про новгородских учёных мужей и их чудесных научных изысканиях. Афанасий немедленно предложил отсыпать золотишка за такое изыскание, на что Пётр, косясь на Василия, предложил подойти с этим вопросом попозже. Тот нехотя согласился.

– Афанаська! Где ты, чёрт? – Бекетов с берега кликал десятника, и Хмелёв зайцем кинулся к своему начальнику.

Пётр Иванович несколько минут наставлял оставляемого на зимовку Афанасия, нередко косясь на поселковых.

«Конечно, нас он всё-таки опасается, ишь как зыркает», – подумал, наблюдая за казаками, Карпинский.

Позже Бекетов тепло простился с остающимися на зимовку людьми – и поселковыми и своими, отбывая далее по течению Ангары, или, как называл реку Бекетов, Тунгуски, к родному Енисейскому острогу. Уже только четыре лодки продолжали дальнейший путь, и вскоре они пропали из виду, выйдя на Ангару. Коломейцев, тем временем настроив рацию, уже передал сообщение Сазонову о благополучном достижении места зимовья. Семеро оставшихся казаков и рабочие принялись разбирать инструменты и рубить лапник для ночёвки.

Енисейский острог. Ноябрь 7136 года (1628)

Прибывший из продолжительного речного похода сотник обнялся с енисейским воеводой Василием Аргамачевым и тут же потащил его на разговор в избу, дав команду казакам разгружать лодки, набитые собранным ясаком. Разговор получился долгим, сначала Василий недоверчиво щурил глаза и усмехался, но потом раскраснелся, вскочил с лавки и стал мерить ногами жарко натопленную горницу.

– А не врешь?! Откель им взяты? Новгородцы... не может того быть! Никогда не слышал.

– А ну сиди тут, сейчас я покажу тебе пищаль новгородскую! – Бекетов выскочил из избы и направился к себе, чертыхаясь и ругая себя, что не взял пищаль сразу. – На, гляди, воевода! Хорошенько гляди, – крикнул Бекетов, входя в горницу.

С некоторым трудом раскрыв молнию чехла, сотник извлёк на свет предмет вожелений многих советских любителей охоты – однозарядный, модифицированный «Иж». Бекетов передал ружьё атаману, а сам высыпал на стол горсть патронов к нему.

– Гляди, а это бой к ручнице, дробь.

Аргамаков вертел в руках диковинку, цокал языком от удовольствия.

– А продай, Пётр Иванович! Золота по весу дам!

– Сдурел, Василий! Не надобно за такую вещь золота, дай-ко пищаль сюда, а то мало ли чего.

Бекетов сцапал ружьё и стал убирать в чехол, как вдруг Аргамаков заметил медную начищенную табличку на прикладе.

– Ну-ка, погодь прятать, давай гляну, что на меди писано.

– На, гляди, я читать пробовал, буквы вроде знакомые, но не те, что при церквах учат.

Аргамаков впился глазами в табличку. С горем пополам угадали лишь несколько букв, но для казаков полное содержание этой надписи было абсолютной китайской грамотой. А на табличке красовалась выбитая на меди надпись: «*Капитану Смирнову А. В от командира 103-й гвардейской Краснознамённой, ордена Кутузова II степени воздушно-десантной дивизии Рябченко И. Ф. Кабул, 1985*».

В тот же вечер Бекетов с Аргамаковым писали очередное письмо в Москву, ко двору Московского государя Михаила Романова. Письмо ушло на следующий день вместе с караваном служилых людей и стрельцов, охранявших собранные казаками Енисейского острога шкурки.

«Великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Сибири из Енисейского острогу пишет тебе сын боярской Петрушка Бекетов.

Служу я, холоп твой, тебе, праведному государю, в Сибири всякие твои государевы, службы зимние и летние, конные и струговые, и нартные 16 лет, и своей службишкой и раденьем многую тебе, праведному государю, прибыль учинил.

В прошлом, государь, во 136-м году посылан был я, холоп твой, а со мною служивые немногие люди, по Верхней Тунгуске реке на Уду реку к тунгусам, что те тунгусы тебе, праведному государю, были непослушны, твоего, государева, ясаку не давали и служилых и промышленных людей побивали. Да я ж, холоп твой, послан на твою, государеву, службу для твоего, государева, ясачного збору на годовую, под братцкой порог. И я, холоп твой, на твоей, государевой, годовой службе тебе, государю, служил, ходил и с братцкого порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке, и по Ангаре реке, и до усть Уды реки, и твой, государев, ясак з братцких княжцей и улусных людей взял вновь, и братцких людей под твою, государеву, высокую руку подвел. И по се число те братцкие люди твой, государев, ясак дают в Енисейской острог.

А преж, государь, меня в тех местех никакой русской человек не бывал. Однакож, на Ангаре реке, при впадении в неё Белой реки узрел я людей русских, числом небольшим, но боевитым и мастеровым безмерно. Побили они безо всякого своего убытку тунгусов без меры, да забрали себе улусников братцкого князишки. Сами они сказывают, что де потомки они беглых новгородцев. А государство их далеко стоит за морем на большой земле, однакож богатства в той земле нет, ясак збирать нечем и земля не родит хлеба. Так они в земельке Сибирской промышляют, а главным у них мастеровой боярин именем Вячеслав Соколов да полковник Ондрей Смирнов.

Дюже опасные сеи люди для наших промыслов, однако сами недоброго они пока не замышляют, да нам, холопам твоим, государь, помогают в бедствиях наших. А что делать с ними далее, то не ведаю, подскажи нам, холопам твоим, что затевать, Великий государь.

Петрушка Бекетов да Василько Аргамаков с Енисейского острогу».

Посёлок Белореченский. Начало ноября

Тунгус Алгурчи неожиданно исчез из Белореченского посёлка вместе с сыном-подростком. Хватились его лишь на второй день после того, как Алгурчи крайний раз видели отплывающим ранним утром от деревянных мостков причала. А так как он часто выходил на рыбалку вместе с сыном, то его очередному утреннему лову не придали значения. Дозорный с башни позже лишь отметил, что у него был в лодке кожаный мешок, как теперь стало ясно – с припасами.

– Ну я так и крикнул ему, что, мол, наживки сегодня взял побольше? А он только улыбнулся и головой закивал, – оправдывался часовой.

– Ладно, смотрим по реке и берега. С реки не уходить, внимательно, ребята. – Сазонов отправил две поисковые группы, пошарить по реке вверх и вниз по течению, заодно закинув Коломейцеву в зимовье батарею для рации. Но, несмотря на двухдневные поиски, никаких следов найдено не было, тунгусы в посёлке молчали, на вопросы отвечали однообразно – мол, не знаем, не видели. А на шестой день с зимовья пришёл сигнал, что на Ангаре морпехи заметили четыре лодки, шедшие по направлению к посёлку. Высланный наряд сержанта Саяева опознал в головной лодке пропавшего советника старого вождя Тутумэ вместе с сыном. Теперь этот увечный тунгус вёл небольшой отряд чужих туземцев в посёлок. Саяев, прибыв на моторке в посёлок, навёл шороху – своих туземцев согнали в бараки, на башни выставили дозоры. Люди, проверив оружие, ждали прибытия лодок. Наконец лодки подошли к причалу.

– Алгурчи! Заходи один с сыном, другие пусть сидят в лодках! – Саяев кричал с башни на правом берегу реки.

Тунгус кивнул, что-то негромко сказал своим друзьям, и они вдвоём вышли к воротам, створки которых тут же оттащили, открыв проход в посёлок. Там его ждал Соколов с Сазоновым.

– Ну, рассказывай, Алгурчи, что случилось с тобой?

Тот замялся, косясь на сына: Алгурчи хоть и понимал по-русски, разговаривать не мог совершенно. А вот его сын, напротив, говорил уже очень хорошо, лучше всех тунгусов в посёлке. Бойкий и любознательный паренёк, он был любимцем поселковых, везде совал свой курносый нос, даже помогал строителям – с удивительно гордым и важным видом подавал инструменты. А в устроенной Вячеславом импровизированной школе для поселковых тунгусов уже даже пробовал читать и писать.

– Ну, Акира, говори ты, кого твой отец привёл? – спросил Сазонов у Окирэ, или как его звали поселковые – Акиры, иногда добавляя и – Куросава.

– Это Хатысма, брат Тутумэ, нашего старого вождя. Там он, его жёны и родня – он тоже хочет жить с вами, не давать ясак и женщин бурятам.

– Так. Алексей, ну чего нам делать? Отойдём-ка, – Вячеслав увлёк майора в сторонку.

– А чего? Нам не нужны они. Их тогда больше нас станет – а это опасно!

– Верно думаешь. М-да, что-то слишком быстро второй кыштым нарисовался.

– Можно подумать, как их сплавить к Смирнову, – тихо добавил Алексей.

– Правильно, мы хотели второй кыштым отбить – вот и отбили, – хмыкнул инженер.

– Вячеслав, пускай Смирнов селит их около своего посёлка, кочевьем. Рядом с посёлком пускай службу несут, наши вон, неплохо вроде справляются. Правда, за ними глаз да глаз нужен.

– Ладно, давай с этим братом поговорим. Потом к Смирнову отправим моторку, если всё нормально будет.

Всё решилось довольно быстро: Хатысма был вовсе не прочь стать кыштымом полковника, лишь бы не платить бурятскому князьку наложенный на него суровый ясак и оказывать

прочие прелести жёсткому хозяину. На вопрос Сазонова, а не заявится ли этот князёк, Немес, сюда, чтобы потребовать назад своего вассала, Хатысма со смехом сообщил, что тот боится казаков и никогда не сможет прийти и требовать что-либо.

– Казак сильный, а Немес слабый! – веселился маленький ростом и совершенно седой Хатысма.

– Ладно, посмотрим, как Смирнов отреагирует на предложение занять вассала.

А Смирнов отреагировал вскоре и очень даже положительно, как и предполагал Вячеслав. Полковник предложил Хатысме защиту и покровительство в обмен на мясо, выделанные шкуры и золото. Тот согласился, ударили по рукам. Хатысма, оставив с собой жён и взрослых сыновей, которые ставили ему чум в перелеске неподалёку от частокола Новоземельского посёлка, остальных отправил за своим кочевьем.

Глава 7

Посёлок Новоземельский. Конец ноября

В Прибайкалье ожидаемо пришла зима, ночью уже здорово морозило, покрывая лужи льдом, сковывая землю до цементной твёрдости. Зимнего обмундирования на всех не хватало, поэтому что-то носили по очереди, а где-то выручала меховая одежда тунгусов, которые регулярно приносили её в посёлок. А этим утром зима окончательно вступила в свои права – выпал снег, лёгший за ночь ослепительно белым ковром. От снега и яркого солнца с непривычки слезились глаза, так что некоторых счастливых обладателей солнцезащитных очков затерроризировали желающие их поносить. Поселковые, ходившие в становище тунгусов, играли с веселящимися в снегу детьми, которые, звонко смеясь, норовили засветить этим гогочущим бородатым дядькам снежком по шапке. Даже профессор Радек присоединился к всеобщему веселью, полностью извалявшись в снегу, и, лишь взмокнув с непривычки, заковылял в избу сушить одежду.

А вот по обыкновению жизнерадостная хохотушка Лена Мышкина, биолог из Уфы, в этот день чувствовала себя не вполне комфортно. С утра у неё всё валилось из рук, напала какая-то апатия, хотелось спать и никого не слышать и не видеть.

– Ленка, ну ты чего? – её подруга Катя, получив в спину очередной снежок от заверещавшего от такой удачи маленького эвенка, толкнула её в бок.

– Ой, Кать. Подташнивает меня что-то, пойду лучше полежу, – протянула Лена.

– Опа-на. А не Ярославчик ли это постарался? Пойдём-ка, провожу до избы.

В избе застали Марину Бельскую. Она, пригорюнившись, сидела на лавке у тёплой печи, тебея завязки на шарфе.

– Марин, а ты чего тут сидишь? Сходила бы прогуляться! – воскликнула Катя. – Мариша, ну ты опять? У всех такая ситуация!

В последнее время тоска Марины по оставленной в Протвино дочке и мужу грозила перейти на следующий этап, опасалась Тимофеева, где недалеко и до суицидных мыслей.

– Чего я опять?! Тебе проще, у тебя детей нет, – пробубнила Марина.

– А вот у Ленки, по-моему, будут, – ответила Катя.

– Чего? Да вы что! Ну какие тут дети?! Лена, ты с ума сошла, реально. Тут же ничего нет – ни памперсов, ни каши. Лес вокруг, да медведи в них.

– Мы ещё ни одного медведя не видели! – Леночка решила хоть в чём-то опровергнуть говорящую вроде правильные вещи Марину.

– Ладно, ты молодая, а Петренко-то куда смотрел, взрослый мужик!

– Ну ладно, Марина, хватит уже. АбORTов тут тоже не сделать, да и мерзкое это дело, ты лучше, как рожавшая, возьми над Ленкой шефство, – предложила Катя.

– Да ну вас! – проронила Марина.

– Катя, ты сама с Фёдором зажигаешь! – обиженным голосом брякнула Лена.

– Она не обрюхатилась, в отличие от некоторых! – выпалила Марина.

Ленка вспыхнула, обидевшись, и покачиваясь, отошла к застеленному тряпьем топчану, легла, отвернувшись к бревенчатой стене. Катя укоризненно посмотрела на Марину, та неожиданно показала ей язык и подошла к Ленке, присела на топчан и обняла девчонку за худенькие плечи...

Смирнов, в сопровождении сержанта Васина, эдакого местного Илюши Муромца, тоже пришёл посмотреть на веселящихся людей, встретив у ворот запыхавшегося Радека. Похлопав учёного по спине, он посоветовал быть ему осторожнее, возраст таки. На что получил ответ в стиле «самим не хворать». Полковник, усмехнувшись, хотел было продолжить путь, как перед

ним возник Хатысма – вождь недавно пришедшего под покровительство поселковых тунгусского кочевья. С ним были двое его сыновей и сын Алгурчи Огирэ-Акира.

Хатысма что-то произнёс нараспев, с неизменной подобострастной улыбочкой, Огирэ перевёл.

– Хатысма говорит, что он очень сильно опечален тем, что ты не пускаешь его жить за стену. Говорит, что он тоже хочет жить в доме.

– Ишь ты, какой шустрый, – прошипел сержант.

– Акира, скажи ему, что он с женой пускай приходит, но без оружия, – ответил вождю Смирнов.

Огирэ перевёл, Хатысма заметно оскорбился и снова заговорил.

– Он говорит, что его надо пустить с семьёй, у него четыре сына и четыре жены, у сыновей есть жёны, а у них – дети. А без оружия орофоны не ходят.

– Ну, нет – так нет, что же делать, – Смирнов хотел было обойти тунгусов, чтобы продолжить путь, как вождь что-то ещё ласково произнёс.

Смирнов вопросительно посмотрел на Огирэ. Тот перевёл, что Хатысма говорит о том, что так с друзьями не поступают. Смирнов удручённо переглянулся с Васиным.

– Пойду-ка к Петренко. Поговорить надо. Закрывайте ворота, парни! – скомандовал полковник двум морпехам на воротах. – Олег, возьми ребят и идите к нашим, смотри там за обстановкой. Что-то мне этот весельчак не нравится уже. А я с майором обмозгую это дело.

Смирнов уже направлялся к Петренко, когда с крыльца своей избы его окликнул Радек, уже переодетый в сухую куртку.

– Андрей Валентинович! Пойдите! – Радек подошёл к полковнику. – Андрей Валентинович, вы не замечаете, что этот туземный вождь довольно... э-э... странен?

– В смысле, Николай Валентинович?

– Лично мне он не нравится, может это и несколько нетолерантно, но он мне кажется каким-то мутным. Он ходит с таким злым выражением лица, а когда видит кого-то из солдат, то сразу напяливает свою дурацкую улыбочку!

– И что вы думаете?

– А то, что он что-то задумал!

– Хм, Николай Валентинович, буквально несколько минут назад я подумал то же самое. Он тут в лагерь просится пожить, с семьёй. А семья у него большая.

– Вот-вот, сейчас он сюда вселится, а потом? Что будет потом?

– Так, господин профессор...

– Я предпочитаю – товарищ, – ухмыльнулся Радек.

– Хорошо, товарищ профессор. Короче, мы с Петренко пообщаемся и подумаем, что делать.

– Вы меня поставите в известность, Андрей?

– Конечно, профессор, я вам сообщу наши оргвыводы, – Смирнов улыбнулся и продолжил свой путь.

Оказалось, Петренко и сам заметил маски Хатысмы, сначала он их списывал на восточный менталитет тунгуса. Потом перестал, уж больно нехороши были молнии, метаемые из-под густых бровей вождя. К тому же он довольно плотоядно засматривался на женщин экспедиции, особенно на худенькую и невысокую Мышкину, которая так стала дорога для самого Петренко.

Поэтому он даже обрадовался разговору со Смирновым и сразу высказал свои подозрения на этот счёт. Мужики в итоге решили допросить вождя, но незаметно для его кочевья. Но сначала надо было изолировать тунгуса Алгурчи, который, собственно и привёл Хатысму.

Тунгуса, ошивавшегося недалеко от частокола, взяли под белы ручки на полпути к чумам. Позже нашли и его парнишку, играющего с детьми в становище тунгусов. Обоих при-

вели в избу к Смирнову. Сержант Васин своей лапищей мягко усадил побледневшего Алгурчи на лавку и встал молчаливой громадой за его спиной.

– Ну рассказывай нам, дорогой друг Алгурчи, кого ты нам привёл?

Тот кинул тревожный взгляд на сына. Алгурчи сглотнул и уставился в дощатый пол. Пауза затягивалась, Алгурчи покраснел как рак, но упорно продолжал молчать. Внезапно Петренко треснул по лавке кулаком и заорал на тунгуса:

– Что ты теперь молчишь, засранец?! Чего вы там задумали? Хочешь, мы ещё раз вас перестреляем, как курей? Отвечай, кого привёл и чего задумали!

Алгурчи инстинктивно отбросило к брёвнам стены, Огирэ сидел не шелохнувшись, только побледнел и закусил губу.

– Переводи, если он не всё понял, – негромко сказал Огирэ Смирнов.

Мальчик заговорил, не глядя на отца.

Тунгус слушал сына с каменеющим лицом и, когда тот закончил, уронил голову на грудь и разрыдался. Петренко уже хотел было вlepить ему пощёчину, но занесённую руку вовремя перехватил Смирнов.

– Не надо, Ярослав. При сыне-то нехорошо это.

Алгурчи что-то спросил у сына, тот ответил целой тирадой, довольно импульсивно.

– Акира, пойми, мы не будем долго ждать, – Смирнов уже начал нервничать.

Огирэ кивнул:

– Да, я понимаю, отец говорит, что его заставили привести кочевье Хатысмы поближе к вам, чтобы здесь Хатысма стал вашим кыштымом.

– Зачем?

– Захватить острог и отомстить за Тутумэ.

– Как он хотел захватить острог? Он что, не знает, как мы побили воинов этого Тутумэ, которые хотели убить нас, когда у нас и стен-то не было. Что они смогли? Ничего!

После короткого разговора с отцом Огирэ продолжил:

– Он должен был войти в острог жить, а Немес...

– Кто?! Тот, о ком Бекетов говорил?

– Немес это бурятский князь, у которого Тутумэ и Хатысма были кыштымами. Вот он и должен будет напасть, когда Хатысма с сыновьями будет в остроге.

– Теперь всё ясно, – проговорил Смирнов, присел на лавку и вытер мокрый лоб. – Что-то жарковато натоплено.

– Когда он должен напасть?! – прокричал Петренко.

– Отец говорит, что сегодня ночью.

– О, чёрт!

Смирнов приказал держать пока Алгурчи в избе, не выпускать даже сына. Потихоньку собрали людей в посёлке. Петренко проинструктировал личный состав и рабочих, приказал всем проверить оружие и вообще проявлять всяческую бдительность. Вечером Хатысму пригласили в посёлок вместе с сыновьями, предоставив избу. Тунгус с невероятно гордым видом прошествовал к крыльцу, величаво держа руку на эфесе сабли.

На крыльце был устроен некий почётный караул из четвёрки морпехов так, чтобы в избу входили по одному человеку. Смирнов и Петренко у крыльца пригласили тунгусов войти. Те стали по одному заходить и пропадать в дверном проёме. В прихожей в это время трудился Васин и отделение морпехов: входящих гостей Васин встречал ударами своих могучих кулаков, а остальные лишь быстро вязали бесчувственные тела.

Позже, сложив сыновей вoждя на пол в боковой комнатке, Хатысму привели в чувство, плеснув тому холодной воды из котелка в лицо. Придя в себя и оглядевшись, тунгус сразу заверещал, бойко тараторя и вращая ставшими вмиг безумными глазами.

- О, клиент сразу дошёл до кондиции и орать на него не надо, – рассмеялся Петренко.
- Ага, ведите Акиру, парни, – сказал морпехам Смирнов.
- Эй, Куросава, заходи! – крикнули с крыльца.

Стараниями готового во всём сотрудничать с «очень хорошими казаками» вождя выяснилось, что бурятский князь, решив провернуть ночную атаку на посёлок, вельми ошибся, доверившись «лучшему другу казаков» Хатысме, который и так хотел обо всём рассказать полковнику.

- Ну хорошо, заливай дальше, – кивая, проговорил Смирнов.

Тот продолжил о том, что сегодня ночью Немес должен на лодках подойти к посёлку со стороны Байкала. А его люди в кочевье должны были по знаку запалить чумы в становище и устроить всяческий шум в кочевье, отвлекая поселковых. А он, Хатысма, должен был с сыновьями напасть на охраняющих частокол одиноких стражников, помогая этим самым атаке воинов Немеса.

- Хех, знатно задумано. Стратег, блин, нам попался, – хмыкнул Васин.
- Ещё не попался, Олег. А вот попасться он нам теперь уже должен, – заявил полковник, – во что бы то ни стало! Надо выяснить, не стоит ли за ним Бекетов.
- Думаешь? – немало удивился Петренко.
- А почему бы и нет, Ярослав? – Смирнов пожал плечами. – Может, Пётр Иванович решил нас пощипать и проверить, что мы стоим.
- Хм, а ведь возможно, – пробормотал Петренко.
- Короче, так или нет, но мы должны подготовиться к атаке. Как будем встречать их, на реке, на берегу или у частокола?

Решили установить секреты и на реке, и у тунгусов в становище. Всех туземцев загнали в посёлок, заперев в двухэтажной граднице-казарме и избе вместе с сыновьями вождя. На берег Байкала отправлялся сержант Зайцев с пятёркой морпехов, Петренко с семерыми бойцами занимал позиции в становище.

Смирнов оставался защищать посёлок, рабочим выдали АКСы, а заодно и проверили ещё раз боезапасы посёлка. Выходило негусто, хотя стрелкового оружия было достаточно: ещё двадцать АКС-74М лежали в ящиках в заводской смазке, плюс оставался десяток АПС и двадцать четыре цинка с патронами для АКС, получалось около двадцати шести тысяч патронов для автоматов и около шести тысяч pistolетных выстрелов.

- К двум гранатомётам было тридцать выстрелов, их пока решили не трогать.

На две снайперки СВД было около девяти тысяч выстрелов. Наличивалось двадцать два бронежилета и двадцать две «Сферы». Около ста гранат РГО и РГН. Практически аналогичным было и состояние вооружения в Белореченском посёлке, только у них не было касок и бронеков. Да и запасы стволов находились только у новоземельцев.

- Ну что, ребята, пришёл и наш черёд защищаться. Надеюсь, справимся не хуже наших товарищей, – напутствовал полковник солдат и рабочих у ворот перед выходом в засады.

Солнце медленно катилось к закату, морпехи, заняв позиции, выжидали врага. Пока было тихо, с Байкала сигнала не поступало. По идее, байкальская шестёрка должна была, визуальнo встретив туземцев, передать сигнал на базу и, сопровождая нападающих, выдвигаться к посёлку, попутно постаравшись вычислить князя. Так в ожидании уже стукнуло три ночи, потом четыре, солнце уже понемногу вставало со стороны Байкала.

Продрогшие до костей морпехи уже собирались потихоньку сниматься с засад, оставляя по паре человек в секретах, чтобы отдохнуть и согреться. Смирнов уже и добро дал, как внезапно из леса донёсся странный шум, похожий на шуршание сотен ног в сухом, подмёрзшем снегу.

Тут же Зайцев с берега передал о подходе пяти лодок, в одной из которых, без сомнения, находился князь. Сержант выделил его среди остальных по богато расшитому халату да высокой меховой шапке. Поза и жесты также говорили о его власти над окружавшими его людьми.

Лодки пристали к берегу, и тунгусы, подхватив какие-то шесты, направились к возвышающемуся над обрывом частоколу. Обойдя обрыв, туземцы стали составлять и связывать шесты в лестницы, Зайцеву стало ясно – вот группа, которая должна будет объединить усилия с людьми Хатысмы в посёлке для преодоления частокола. Зайцев радировал Смирнову о ситуации, тот приказал пока вести эту группу, держа на прицеле.

В становище Хатысмы пока было тихо, Петренко передал сообщение о полной тишине в округе. Только с позиций Смирнова продолжали улавливать шумы из леса, правда, сильно мешал небольшой ветерок с Байкала, создающий дополнительный шум в кронах деревьев.

Вскоре появились дополнительные звуки – явное бряцание железа и конское всхрапывание.

Внезапно Петренко сообщил о пяти-семи силуэтах, появившихся между пустых чумов.

– Снайперу работать на поражение, – жёстко приказал Смирнов.

Ствол СВД ходил из стороны в сторону, выцеливая в рассветном сумраке фигурки, враз заматававшиеся оттого, что их товарищи падали от невидимого врага.

– Меняем позицию, вперёд, – восьмёрка морпехов из засады выдвинулась на край становища, проверяя работу снайпера. Тот сработал профессионально, «трёхсотых» не было. Последнего, седьмого нападавшего успели остановить на опушке редколесья за кочевьем.

– База, нападавших уничтожили – семь «двухсотых», ждём, – передал Петренко.

– Отлично, парни, оставайтесь пока на позиции. Зайцев, что у тебя?

– Норма, полковник. Чужие на месте, человек двадцать, держим.

– Работайте, князя не зацепи, он нам нужен.

Таким образом, сковав все группы нападавших, Смирнов скомандовал готовиться к отражению атаки на посёлок. С частокола неясно виднелись редко мелькающие среди деревьев тени, но общая картина состояния атакующей стороны была абсолютно неясной. Полковник подозревал бойца с гранатомётом.

– А ну, залепи по центру! – указывая пальцем направление, приказал Смирнов.

Заряд ярким светом разорвал на мгновение мглу лесной опушки и между деревьев, и благодаря этой вспышке ясно разглядели приготовившиеся к атаке ряды воинов. Первый ряд составляли лучники с зажигательными стрелами, тлеющий трут которых они до этого момента прикрывали. От количества чужих воинов у полковника глаза полезли на лоб.

– Да сколько же их здесь! Огонь! Огонь!

С частокола и башен забили автоматы, вся стена посёлка окрасилась вспышками выстрелов. Всё это продолжалось минуту, может две, воздух буквально разрывался от грохота. Смешавшиеся ряды воинов Немеса давили и опрокидывали друг друга, сбивали с ног, падали в снег, закрывая руками уши. Среди княжеского войска вовсю гуляла Смерть, она заглядывала каждому воину в глаза, хватала ледяной рукой за сердце.

Набивка стёганных халатов вылезала клочьями, щедро окрашиваясь кровью. Воины, ещё минуту назад предвкушавшие грабёж посёлка, теперь сломя голову бежали прочь от этого страшного места. В пару минут всё было кончено, а от бывшего многочисленного войска князя остались сущие огрызки.

Немного ранее на берегу Байкала князь с лучшими воинами готовились штурмовать незащищённую стену посёлка. Они подобрались уже почти вплотную к частоколу, когда прогремел разрыв гранаты, выпущенной из РПГ, оглушительно прокатившись по окрестности. Вражеские воины в ужасе замерли. А через мгновение всё вокруг было наполнено адскими звуками одновременной работы пары десятков АКС.

– Огонь, парни, – крикнул, пытаясь заглушить лезший в уши грохот, Зайцев.

Пять АКС и СВД снайпера присоединились к утреннему пиршеству смерти. Видя, как вокруг него падают и корчатся лучшие воины, Немес практически потерял рассудок и, сделав пару неловких шагов, завалился в снег. Пробуя подняться, он протянул руку бывшему рядом с ним всю жизнь старому воину, тот, пытаясь помочь своему господину, поспешил поднять его, но тут же, отброшенный невидимым врагом, навзничь упал в снег, окрашивая его в пронзительно красный цвет. Внезапно грохот кончился и наступила не менее страшная тишина, наполненная вскриками и стонами раненых людей. Старый воин, лежащий рядом, ещё дышал, его хрип и свист из пробитой шеи морозом отдавались на коже князя. Немес закрыл лицо руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону, совершенно не замечая подошедших морпехов.

– Всё, крикнулся мужик, – заявил один из воинов Худехея-мергена, великого громовержца неба, но Немес ничего не понял.

Он почувствовал великую слабость в теле, голова показалась ему слишком тяжёлой, и он снова рухнул лицом в снег.

Морпехи прикладами подогнали четырёх оставшихся в живых воинов из свиты князя и, указав им на бесчувственное тело их господина, знаками приказали поднять его и следовать к острогу.

Глава 8

Посёлок Новоземельский. Поздняя осень 7136 года (1628)

Утро, вступившее, наконец, в свои права, открыло взгляду картину последствий бойни. Вокруг лагеря лежали в самых разных позах убитые и ещё живые воины, многие из которых были без сознания. Люди из группы Петренко привели в посёлок шесть пойманных в лесу коней, оставшихся без всадников. Майор отметил низкорослость этих лошадок, но было видно, что порода выносливая, ходившая как под седлом, так и в упряжи.

– О, а вот это неплохо! Лошадки нам пригодятся, – Смирнов потрепал холку рыжей кобылки. – Отведи их к бараку. Будет на чём целину поднимать! Майор, отбери мужиков Хатысмы, пускай они собирают раненых. Трупы потом зароят. Вы с бойцами пошарьте по лесу, если встретите кого, отгоняйте одиночными подальше. А с этими-то нам что делать? – он озадаченно смотрел на группу пленных. Их было около двадцати человек, большинство раненые. – Пока отгоните их к частоколу, потом с ними решим. Так, парни, и князя ко мне в избу. Кто свободен от нарядов, собирайте гильзы, может, пригодятся потом.

Тунгусы заносили в посёлок всё новых раненых, большинство были тяжёлыми, стало ясно, что долго они не протянут. В полевых условиях небольшая бригада новоземельских медиков явно не справится не то что со всеми, тут на одного требовалось масса времени и сил. Смирнов с ужасом заметил, как лихо мурманские врачи принялись за запасы перевязочных и обезболивающих средств. Он быстрым шагом направился к медикам.

– Девчонки, не возитесь с тяжёлыми, всё равно не спасём. Лёгких перевязывайте без обезболивания.

– Но мы не можем так! – с вызовом ответила одна из молодых медиков.

– Можете! Да и что ты предлагаешь? Мы сейчас весь запас перевязочных средств изведём, а нам ещё куковать тут сколько? А если наших парней подстрелят, чем ты им будешь обезболивание делать?! – заорал на врача полковник, сильно покраснев от внезапно нахлынувшего гнева. Поостыв, он сказал: – Это не последняя атака на наш посёлок, и если так будет продолжаться, все наши медикаменты кончатся на втором-третьем нападении. Тут не Мурманск, никаких запасов препаратов нет. Никаких! Делайте, как говорю.

Врач, закусив нижнюю губу, кивнула.

Полковник, увидев главного медика посёлка Дарью Поповских, поспешил к ней, желая обсудить своё указание лекарем:

– Дарья, ты вот что... Ты видела, как твои девчонки резво тратили препараты? – Получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: – Так вот, надо создавать свой запас лекарственных трав и растений, а то... – увидев упреждающий ещё один кивок, полковник вопросительно выгнул брови.

– Да мы уже занимаемся этим делом, Андрей Валентинович! Тут целые заросли бадана, например, а из его листьев и чай можно заваривать, и при гинекологических проблемах применять. Да тут множество всего: мать-и-мачеха, солодка, одуванчик, пустырник, – улыбнулась Дарья. – Пчёлы нужны для получения прополиса. Пробуем уже картофель обрабатывать для будущего получения пенициллина из образуемого грибка. Короче, не беспокойтесь, все указания я уже дала. Будем заготавливать, сушить. Ягодные сборы тоже будем производить, тут я и мужичков хочу припахать.

– Дарюшка, ты молодец, слов нет! – восхищённо сказал Смирнов, отметив, что у него улетучился весь негатив, а на душе стало спокойнее.

К середине дня оставшиеся в живых нападавшие после уборки трупов были согнаны у верхних ворот посёлка, смотревших на редколесье, туда же отправили легкораненых. Туземцы, думая, что их сейчас будут убивать, молили победителей о пощаде, хватали морпехов за рукава

и что-то пытались объяснить этим сильным воинам. Морпехи вяло отпихивали их от себя, беззлобно матерясь.

В лесу бойцы отыскивали большую поляну, где воины князя устроили себе ночной бивуак перед нападением. К посёлку парни притащили много кожаных мешков с припасами: зерно, копчёная рыба, вяленое мясо.

– Половину пускай забирают и катятся к чертям собачьим, – передал распоряжение Смирнова Петренко. – Там, ниже по Байкалу у них, по-видимому, лодки стоят. А часть верхом пришла. Хорошо бы и остальных лошадей себе забрать.

Оттащив несколько мешков в сторону, бойцы указывали на них туземцам и махали в сторону леса. Буряты, не веря в такую милость победителей, робко жались друг к другу, понемногу отступая от посёлка. Наиболее смелые хватали мешки и, всё ускоряя шаг, отходили к лесу, часто оглядываясь. Наконец, удалось отправить всех, кроме одного бурята. Совсем молодой парень наотрез отказывался уходить с остальными.

Петренко заинтересовало такое странное желание, крикнули Алгурчи с сыном. Горящий желанием всячески помогать поселковым тунгус с ревностным усердием переводил сыну с бурятского языка, а тот переводил русским с эвенкийского. Оказалось, у парня в посёлке остался тяжело раненный отец, поэтому он не мог уйти.

– Что же, пускай заботится о нём. Оставьте его, я думаю, товарищ полковник не будет против, – разрешил Петренко.

Переживших день тяжелораненых бурят оставили на попечение тунгусов, отправленных в своё становище. Перед этим Смирнов, с помощью Огирэ, обратился к ним с предложением немедленно уйти прочь всем тем, кто не желает подчиняться ему и помогать другим жителям посёлка. Их никто не будет наказывать, а если наберётся достаточное количество желающих, им будут выделены даже пара оленей. Желавших уйти не нашлось. Пришлось выгнать только умолявшего оставить его Хатысму да его семью. За пару дней умерли почти все тяжелораненные, у тунгусов остались лишь двое подопечных: пожилой воин с простреленным лёгким и перебитой рукой и его сын, неотступно находившийся рядом с ним.

– Ну что, как он? – Смирнов по три раза на дню заходил к пускающему слюни Немесу.

Бурятский князь так и не пришёл в себя, совершенно выжив из ума. Он не реагировал ни на какие вопросы, редко его сознание озарялось более-менее осмысленным взглядом, но и это длилось недолго. В конце концов ставший полным овощем князь был сбегрен на руки тунгусам.

Больше за зиму на русские посёлки никто не пробовал нападать, видимо, все желающие получили информацию о полном разгроме довольно сильного, по местным меркам, князя Немеса с кыштымами. Так что зима прошла относительно спокойно, разве что отелилась одна олениха. Смирнов, по примеру Соколова, устроил во втором отстроенном бараке начальную школу для тунгусов, дабы упростить общение между двумя группами жителей посёлка. Также все женщины из числа учёных и врачей, некоторые рабочие, что имели проблемы обращения с оружием, проходили тренировки на овладение стрельбой и обхождения с автоматом АКС и пистолетом АПС. Цинги, которой сильно боялся Радек, удалось избежать с помощью отваров из осинового почек, молодых сосновых игл и молока, а небольшой запас витаминных комплексов оставили на совсем уже критический случай.

А вот пример, поданный Петренко и Мышкиной, оказался заразительным. В посёлке за зиму образовалось уже больше двух десятков пар. По весне предстояла большая работа по строительству новой жилплощади для семей.

В Белореченском посёлке происходило аналогичное – пары сходились одна за другой.

Москва. Весна 7137 года (1629)

Имение боярина Савелия Кузьмина, ничем не выделявшееся на фоне остальных, раскинулось на холме высокого берега Москва-реки. Боярин, чьи предки были насильно переселены из Новгорода в Москву ещё Иваном Третьим, занимался скупкой пушнины и тканей, имел свои ряды на Нижегородской ярмарке у стен Макарьевского монастыря. Были у него также свои поставщики товара из Персии и Хивы, и в целом он слыл весьма зажиточным и, самое главное, удачливым торговцем. Вот и сейчас, ранней весной, все его помыслы были связаны с предстоящей в июле ярмаркой. Прикидки о количестве закупаемого товара, охране, новых приказчиков, да сколько лодий будет необходимо к лету, сейчас занимали его всего без остатка. С самого утра ушлый купец, сидя в своём кабинете, скрипел перьями по жёлтой бумаге, прикидывая очередной вариант закупок да возможную прибыль.

В дверь осторожно постучали.

– Заходи, Николашка, – не отрывая взгляда от бумаги, громко сказал Савелий.

– Савелий Игнатич, тут такое дело...

– Говори, не мямли, не с девкой, поди, разговариваешь, – прикрикнул на приказчика боярин.

Жестом подзвав того к столу, он отложил перо и внимательно посмотрел на Николашку. Приказчик осторожно передал запечатанный сургучом конверт в кожаном футляре.

– Вот, только сейчас человек принёс.

– А сам он где? Чего говорил?

– Так уже ушёл, а сам он ничего не говорил.

– Ладно, иди. И скажи подать обед в горницу, я сейчас спущусь.

Однако Савелий долго не спускался, оставаясь за столом и держа лист с тайнописью перед собой. Да и отложив его, он оставался погружён в тяжёлые мысли. Так что он и не сразу услышал стук в дверь.

– Чего тебе опять надобно?! – воскликнул Кузьмин, очнувшись от раздумий.

– Обед стынет, боярин... – робко пробормотал приказчик.

– Ну и чёрт с ним, прикажи возок готовить, к Борецким поеду.

– Да, боярин, сей же час будет готов.

Савелий решительно встал и, вложив письмо в футляр, стал одеваться в дорогу.

«Писано боярину Кузьмину Савелию от Олексашки Малого из Тобольского городка. Стало ведомо нам о явлении людишек новгородских близ пределов царства Сибирского, кои на Тунгуске реке живут. Напоив государева человечка из Енисейского острогу, подменили мы письмо, что он промеж всего на Москву вёз. В письме том словами сотника казацкого Беке-това Петра да воеводы Енисейского Василя Аргамакова писано, что де людишки новгородские, как они себя кличут, нежданно явились. Сильны они крепко, ворогов бьют. И де царство их стоит за морем. А в землице сибирской они промышляют зверя лесного. Так мы письмо сожгли то, да вот теперь не знаем, как дальше дела вести. Как скажешь, боярин, ожидаем письма твоего. В Новгород и Тверь отписали также, кому ты знаешь...»

Солнце уже здорово припекало, в шубе было жарко, но сменить её на кафтан Савелию не очень хотелось – его соболья шуба и высокая горлатная шапка была предметом зависти для местных бояр и купцов. Возок лихо трясло на поворотах, тающий рыхлый снег летел мокрыми комьями из-под полозьев, обдавая неловких прохожих. Возница ловко управлял лошадьми, помня приказ боярина поторапливаться. Кузьмин, сидя в возке, старался заранее продумать беседу с Дмитрием Борецким, таким же как и он сам представителем высланного из Великого Новгорода боярского рода. Но из головы его не выходило загадочное заморское государство новгородцев. Странно, ведь он сам не верил в возможность такого поворота событий. Нет, ну то, что в своё время из Новгорода бежало несколько родовитых семей с домочадцами и двор-

ней, он знал. Но чтобы так далеко их забросила судьба... не очень-то и верилось. Поэтому он надеялся на беседу с Борецким, как с человеком, умудрённым опытом, дал же Бог прожить ему столь долгую жизнь. Ведь восьмой десяток разменял боярин, а жив и здоров да умом крепок.

«...а пока отослал я для порядку людишек своих до Енисейского острога, а там и до новгородцев, с Божьей помощью доберутся. Да разведуют, что у нех ныне делается и вперёд учнётся делать. Сколько у нех людишек да припасов. Иванко сотоварищи, которые посылаемы были для проведыванья новгородских людишек, зело добрые и верные нам. С тем и желаю вам, Божьей милостию, всего наилучшего от Олексашки Малого с Тобольского городка лета 137-го».

Кузьмин, прочитав тайнопись ещё раз, сложил письмо в футляр, оставив тот в руке. Тем временем подъехали к дому Борецкого. Возница, деловито оправляя упряжь, дал время боярину выйти на крыльцо встретить гостя с почётом. Опростав горячего сбитня, Кузьмин поклонился Борецкому. Тот пригласил его в дом и только тогда бояре, наконец, обнялись. Крепко, по-дружески.

Борецкий читал долго, а после прочтения сильно задумался, прикрыв глаза. Наконец, сняв расшитую золотыми нитями тафью с головы и степенно поглаживая себя по бритой макушке, он медленно произнёс:

– Не ожидал я таких известий, Савелий. Бог свидетель, не ожидал, весьма добрая весть, весьма. Да. – Кузьмин молчал, ожидая, что Борецкий продолжит свою мысль. – Мой отец рассказывал мне ещё в отрочестве о бежавших встреч солнцу из Великого Новгорода семьях бояр. Но... мне казалось это красивой легендой, ведь ни нам, Борецким, ни вам, Кузьминым, не удалось отстоять права жить в отчине. Мы смирились с этим. Другие смиряться не желали, а ушли.

– Стало быть, теперь вернулись, Дмитрий Васильевич?

– Вернулись? Наперво, проверить сие надо крепко, убедиться в том, что не наговор это.

– Так проверим же. Отослано ещё по письму в Великий Новгород к боярину Авинову Петру да в Тверь, боярину Судакову Анисиму.

– Крепкие то наши люди, а мощна у них ещё крепче, – усмехнулся старик.

Разговор тянулся степенно и неторопливо, прервавшись лишь на воздаяние должного уважения трапезе. Воистину, умение стряпух боярина Борецкого было известно округе не хуже купеческой удачи Кузьмина.

Перед сном Кузьмин взвешивал в мыслях разговор, мечтая о великих делах. Ведь Сибирское царство стоит на полпути от царства Индийского и Китайского, а это давало огромные возможности для успешной торговли. Рашид, его поставщик тонких тканей из Хивы, много раз упоминал про близость этих богатых царств, о торговле и богатых барышах, сулившихся при торговле с ними. Да и к пушнине поближе, можно будет скупать её у вольных казачков да туземцев и по меньшей цене. Так, размышляя о выгодах сибирской торговли, Савелий Кузьмин незаметно угодил в цепкие объятия Морфея.

Удинский острожек, май

В мае Карпинский опять вернулся в острожек, сменив предыдущую партию морпехов, только теперь в пятёрке поселковых появился новичок – молодой тунгус из первого разбитого кочевья. Он уже всю разговаривал по-русски, так что проблем, которые были раньше, не существовало. С казаками за зиму сдружились конкретно, мужики оказались мировые. Правда, поначалу они казались какими-то нелюдимыми, но то было попервости. Со временем мужики совсем скорешились, кстати, Пётр узнал много интересного и в то же время пугающего о жизни Московского государства и простых его людей.

Интересными были рассказы о приключениях казаков в Сибири, о городках и острожках, ими строимых. О быте, о семьях, правда, некоторые, такие как Афанасий Хмелёв, семьи своей и не знали. Воспитывался при церкви в Свияжске, работал на церковных полях, рубил лес, строил. А с семнадцати лет просто взял и ушёл в Казань, прибил к небольшой ватажке казаков, отправляющихся в Сибирь на промысел ясака да приведение под государеву руку диких племён. Так и мотался по Сибири, пока не осел в Енисейском остроге, став десятником у Петра Бекетова.

Пугающими были рассказы казаков о смуте и запустении в Московии, о голоде – привычном спутнике крестьянина, о войнах и походах иноземцев в русские пределы. Рассказывали государевы люди о бесчинствах поляков и литвинов на Руси, о притеснении православной веры на землях, ими захваченных. О злом Крымском ханстве, кровавым клещём присосавшемся к русским землям, и об Османском государстве, за ним стоявшем и поработившем многие народы православной веры, которые сейчас стонут под их игом. Как представителям Новгорода, морпехам особенно подробно рассказывали о резне в Новгороде, устроенной шведскими захватчиками, когда целые волости просто вырезались под корень, и не оставалось в округе живой души – ни человека, ни собаки.

Пётр сидел у костра и ужасался подробностям, которые вываливали на бойцов не смущавшиеся по этому поводу казачки. Оказывается, шведы только лет десять назад ушли из Новгорода, а до этого сам город и большая часть северо-западной Руси находилась под пятой шведского солдата, залившего всё кровью несчастных жителей. Из Новгорода-то шведы ушли, но оставили за собой большую часть новгородских земель, закрыв Руси выход в Балтику.

– Эх, при Иване Великом-то свеи не баловали так, – приговаривал Хмелёв.

Странно, но русский разговорный язык семнадцатого века был не столь сложен для понимания и уже через пару недель, выпросив у казаков про особенно непонятные слова и термины, люди из двадцать первого века уже понимали их практически полностью. Как рассказывал Кабаржицкий, получалось примерно как в Югославии, где он был в середине девяностых: сербы и русские говорили на своих языках, но друг друга понимали хорошо. Так и тут – самим говорить на языке Московии не получалось, разве что ввернуть ради красного словца что-нибудь эдакое, но понимали практически всё. Так же дело обстояло и у казаков, так что проблем с общением не наблюдалось, к общему удовольствию.

Карпинский вдоволь наигрался и с оружием казаков: помимо страшных на вид бердыша, сабель и копий у них имелось в острожке три фитильных ружья. Сначала еле упросив Хмелёва дать ему разок выстрелить из такого раритета, потом Карпинский десять раз пожалел об этом. Это же сколько всего надо было сделать, чтобы эта дура наконец выстрелила. Зато уж когда ему удалось воспламенить порох через затравочное отверстие в стволе, последующий выстрел потряс его и в буквальном и в переносном смысле.

– Да-а, конечно, неплохо. Но у вас слишком сложно всё, – сказал Пётр, возвращая ружьё лыбившемуся Афанасию, когда дым от выстрела почти рассеялся.

На следующий день после удачной рыбалки обитатели Удинского острога сидели на островном берегу, смотрящего в сторону Ангары. День неторопливо клонился к вечеру, неожиданная майская жара спала и наконец-то задул долгожданный прохладный ветерок. Пётр, нанизывая на отобранные Новиковым у Игоря-почвовода шампуры куски потрошеной рыбы, лениво поинтересовался у Афанасия:

– А что, Афоня, когда, говоришь, твои должны быть?

– Да хоть вчера, хоть завтра, Пётр. Енто мне не ведомо, но пора бы уже, – снимая первую порцию рыбного шашлыка, ответил Хмелёв. – Думаю, что сегодня будут.

Заметив удивлённый взгляд десятника, он указал шампуром с нанизанным кусочком рыбы на приближающуюся лодку. Возвращались двое казаков, посланные в полдень на Ангару в дозор.

– О, так и есть, Макарка со Жданом поспешают, ишь шапкой машет, точно наши идут! – Хмелёв вскочил и, сорвав с кудлатой головы шапку, тоже истово завертел ею, звонко свистя.

Разделявавший рыбу тунгус тоже поднялся с брёвнышка и заинтересованно глядел на реку, приложив ко лбу ладонь и заслоняясь от солнца.

– Смотри, Петя, за той ещё лодки, – он указал на появившиеся за первой лодкой другие.

– Нет, это не лодки, это... – Карпинский силился вспомнить, как это можно назвать.

– Струги енто, Петя! – рассмеялся над Карпинским десятник.

– А, точно! Как у Разина, – хлопнул себя по лбу Пётр.

– У ково?

– Ну, неважно.

Хмелёв пошёл к бережку встречать лодку. Пристав, казаки выскочили из неё и, бурно жестикулируя и показывая на струги, начали что-то втолковывать десятнику. Тот, слушая, лишь кивал. Афанасий, подошёл к Карпинскому, лицо его заметно стало мрачным и выражало обуревавшее десятника раздумье.

– Ну что, Петя...

– А что, Афоня, говори, что на тебе лица нет? – Карпинский заметно напрягся.

– Ну, короче. Там отряд казачков Якова Хрипунова идёт. День хода их разделяет. Сейчас струги подойдут, разъясят мужики, что да как.

– А кто таков этот Хрипунов? – поинтересовался Пётр у казака.

– Бывший воевода енисейский, злобен и жаден, опасаться его следует. Не ровен час, острог наш спалит. Он за ясаком идёт по земле брацкой, где Пётр Иванович уже ясак брал. Мы уже застолбили это место.

Струги тем временем подошли к островку, с носа спрыгнуло несколько человек и казаки принялись разгружать припасы для острога, порох да свинец для пищалей и для медной пушечки, привезённой только что. Мешки с зерном и мукой, соль и прочее. Петру послышалось хрюканье. Казак с лодки крикнул про наказ Бекетова отвезти поросят и зерно к полковнику Смирнову, де не забыли. Добавил с ухмылкой, что эти хрюкающие твари несколько раз чудом не были сожраны в пути.

– Завтра свезём их к вашему городку, – сказал десятник и пошёл к стругам.

Чуть позже у костра казаки, собравшись в круг, стали обсуждать последние вести из Енисейска. Карпинский, Ким и Коломейцев только слушали и обалдевали. Что творится у этих казаков, какая-то война идёт! И за что? За места сбора шкурок пушного зверя да за приведение туземцев в подданство Московского царства!

– Испанцы тоже вроде передрались в Америке из-за золота, глотки друг другу грызли, – тихо проговорил Коломейцев.

– Вот и тут, оказывается, то же самое, бред какой-то, – ответил Ким.

Оказалось, у стен Енисейского острога чуть не разыгралось целое сражение между енисейскими и красноярскими казаками. Красноярцы решили было захватить и пограбить Енисейск, послав в острог несколько людей, чтобы те ночью открыли им ворота. Но енисейцы, схватив засланных казачков и применив пытки кнутом, железом и водою, открыли все планы нападавших и их воровской умысел. Начавшийся было штурм острога прекратился в самом начале – новый енисейский воевода боярин Шаховской, дав залп из четырёх острожных пушек и пищалей, охладил тем самым боевой дух красноярцев. Они без потерь отошли от острога и отправились на Ангару за ясаком. Теперь они идут следом, два струга енисейцев обошли их, вставших на ночную стоянку, после порогов.

– А сколько людей у Хрипунова? – решил влезть в казачий гомон Карпинский.

– За сотню перевалит у него людишек-то, – ответил ему горластый казак, шутивший про поросят.

– Тогда надо готовить оборону, – начал было Пётр, но его оборвал Хмелёв:

– Ага, или в лес отойти. А может, они вверх по реке пойдут, что им тут делать. У нас рухляди нету, золотишка тоже.

– Ничего, отобьёмся. Вон у бурятского князя воинов было больше пяти сотен и что? Покрошили наши их в капусту.

– Это тебе не туземцы! Это казаки всё же, они не будут дурой переть, – заволновался тут же Хмелёв.

– Так Петренко рассказывал, что князёк там нехилую стратегию аж удумал для взятия посёлка, – негромко ответил Пётр, чисто для проформы. Спорить с Хмелёвым ему уже не хотелось. И так ясно, что казаки – противник сложнее туземцев, их и численно намного больше.

Незаметно для людей, занятых разговорами да обустройством новичков, на острог опустилось тёмное покрывало ночи. Решили костров ночью не жечь, дабы не привлекать возможных врагов. На одинокой башенке угловой избы сидел Ким со снайперской винтовкой и обозревал окрестности островка в бинокль ночного видения, выделенный ему майором Сазоновым. В три часа ночи его должен сменить Карпинский, Ким нажал кнопочку подсветки механических часов. Удовлетворённо отметив без восьми три, он уже приготовился будить Петра, как с Ангары донёсся раскатистый шум пищального выстрела, а за ним ещё один и ещё.

– Ни хрена себе. Эй, вставайте! – крикнул Ким в чернеющее отверстие в полу башенки, чтобы разбудить спящих на чердаке людей. Тут же вскочило несколько казаков, Хмелёв застучал сапогами по лестнице.

– Что случилось, Сергей? – встревоженно спросил десятник. – Казачки?

Ответом стал ещё один выстрел пищали, бухнувший раскатами по речной глади. Послышался лязг металла и редкие вопли.

– Никак, сшибка идёт? Хрипунов, поди... но с кем?!

В бинокль решительно ничего не было видно, десятник с казаками выбежали во двор. А меж тем разгоравшаяся драка на Ангаре будоражила умы и щекотала нервы. Неожиданно раздался довольно ощутимый взрыв, не похожий на прежние выстрелы.

– Вроде порох... – негромко проговорил кто-то из казаков.

– А ну пойдём поближе к сече, – твёрдо произнёс Хмелёв, найдя во дворе Карпинского, – спускайте лодку!

Казаки проворно выпихнули на воду лодку, в которую помимо десятника с Карпинским загрузился Ким и казак, державший пищаль с тлеющим фитилём. Шум боя явно затихал. Лязга оружия уже не было слышно, лишь крики и шум воды раздавались по реке. Но вскоре и они стихли.

По Уде гребли как сумасшедшие, но на Ангару выходили медленно, чуть дыша, стараясь не плескать вёслами воду. Всё-таки хорошо, что устье Уды при впадении её в Ангару было основательно заросшим по берегам осокой и камышом. Сторожко пробираясь между прибрежной растительностью, лодка вышла в Ангару. Слева, уже вдалеке, Петру почудился бледный абрис паруса, державшийся, правда, лишь очень недолгое время, вскорости он пропал. Справа же, у самого берега, догорала небольшая ладья, сильно осевшая на правый бок, да мельтешили в багряном зареве огня силуэты людей, которые пытались хоть что-то спасти с горящего судна. Тишину, нарушаемую лишь вскриками людей да потрескиванием горящего дерева, разорвал взрыв, видимо, на ладье уже второй. Фигурки людей разметало – кто-то свалился в воду, кого-то отбросило в заросли осоки.

Карпинский отобрал у Кима «Филин», и тут же перед глазами зеленоватым маревом ночного видения встала картина ночного боя. За горячей ладьёй виднелось ещё три... нет, четыре ладьи или струга, те вроде поменьше горящего кораблика выглядят. Люди бегают по берегу, суетятся, вытаскивают из воды незадачливых товарищей. На берегу явно шла потасовка, при-

чём между своими же, так как полукругом стояли казаки, даже не пытающиеся разнять дерущихся.

– Ух ты, дерутся даже!

– Дай-ко глянуть мне, – потребовал тихим голосом Хмелёв. Получив бинокль и приставив его к глазам, он присвистнул от увиденной картины. – Как чудно, зелено всё. Где дерутся-то?

Карпинский показал казаку примерное направление, и тот, увидев стычку, происходящую в отблесках горящей ладьи, вцепился туда взглядом.

– А казачки-то разругались совсем, – Хмелёв оторвался от бинокля, передал его Карпинскому и добавил: – Пора уходить к острогу.

– Оставим в камышах секрет для наблюдения, Афанасий?

– И то верно, с твоим... э-э, биноклем и оставим пару человек до утра.

Выбор пал на Кима и Коломейцева. С места боя ещё затемно ушло три струга хрипуновских казаков, оставив лишь один недалеко от горелого остова ладьи, поднимающегося из воды уродливыми головешками. Ночью со стоянки казаков доносились протяжные стоны, стихшие лишь к утру.

Едва солнце показалось из-за дальних гор, как к оставленным на левом берегу Уды в высокой прибрежной осоке наблюдателям подошли две лодки с енисейскими казаками и товарищами. В остроге оставили тунгуса и троих казаков, которым не здоровилось ещё с прибытия. Афанасий с Карпинским ночью договорись накрыть лагерь оставленных Хрипуновым своих бывших товарищей. Решили, что лучшего шанса для внезапной атаки на незадачливых искателей удачи, чем раннее утро, не придумаешь. Несколько человек шли правым берегом реки. У удинских казаков и морпехов имелось на шестнадцать человек восемь пищалей, три АКС да копыя и сабли.

Потихоньку стали пробираться к месту боя, все перешли на правый берег, оставив лодки в осоке. Казаки, у кого были пищали, раздули фитили, остальные обнажили сабли. Удинские стали полукругом обходить берег, где стали лагерем остатки воинства Хрипунова. Ветер с реки приносил ароматный запах каши, готовящейся на костре, и у Коломейцева, просидевшего ночь в осоке, неприятно забурчало в желудке. Тут же последовал тычок в бок, Иван обернулся и увидел скалящегося Кима, прижавшего палец к губам. Коломейцев показал ему кулак и pokrutil пальцем у виска. Морпехи разом сняли автоматы с предохранителя и передёрнули затвор автомата, следом послышался двойной щелчок затворов Карпинского и Владимира, молчаливого морпеха из отделения Саяева.

Вот и последние кусты, скрывающие незнакомцев. Ещё немного и... У Карпинского похолодело в животе, стало неожиданно страшно. Взглянув на Коломейцева, он увидел написанные у того на лице аналогичные чувства. Казаки скрывали какие-либо проявления чувств, они просто были готовы к рывку, как рвёт с места в карьер свирепый хищник. «Так, Петя, соберись, мля! Вдох-выдох. Всё, а вот и они!»

– А ну стоять! Встал, руки! Руки! Отошёл! Ты, встал. Не трогай саблю, всё. В сторону! – Выстрел под ноги. – Сомневаетесь? Тогда ещё. И ещё. – Всё, достаточно тебе? Ну и молодец.

– А ну! Охолони, братец! – это уже Хмелёв с казаками орудует.

Обалдевшие казаки сбились в кучу, об оружии уже никто не помышлял. Лишь глядели исподлобья, сурово сдвинув брови. Обожжённые, перевязанные, а глаза злые. На подстеленном лапнике и тряпье лежали раненые, поодаль сложили руки погибшим. Сколько их тут? Отогнали в сторонку четырнадцать казаков, да семеро раненых лежат. Убитых около шести, Карпинский не пошёл на них смотреть. Почему-то стало неудобно, ворвались, разбудили всех, испортили вот людям завтрак, а тут – раненые, трупы.

«Нюни-то не пускай, герой, блин», – Карпинский старался отогнать нахлынувшее смущение.

Странно, но никто из застигнутых врасплох казаков и не думал бежать. Когда на них с криками и гиканьем налетели их прямые конкуренты по промыслу, большинство казаков ещё спали, на ногах были только несколько кашеваров да незадачливая пара дозорных. Толком не проснувшиеся казаки лишь глазами следили за чужаками, не пытаясь заговорить с ними. Хмурятся, черти. Ясно им, что попали к енисейским, да ещё и на их территории. Куда тут побежишь безоружный? Лишь станешь лёгкой добычей гуляющих по Приангарью бурятов или тунгусов.

Коломейцев меж тем уже принялся за кашу, а за ним и Ким отобрал у стоящего столбом казака-кашевара деревянную ложку на длинной ручке, которой тот, видимо, помешивал варево в котелке.

– Ну что, мужики, завтракать было собрались? – Пётр обратился к понурым казакам. – Дело хорошее. Что там у вас? Каша... С мясом. Классно. Так что столпились? Давайте, налейте, а то потом некогда будет! – Карпинский рассмеялся, кивнув Афанасию на жующих морпехов.

– Нечего им жрать давать, – буркнул Хмелёв.

– Да, ладно тебе, Афоня, дай людям поесть. А мы пока подумаем с тобой, что с ними делать.

– А что тут думать? Гнать их и всего делов. Пущай обратно идут, в свой Красный Яр.

– А раненые? Тебе наплевать, а мне нет. Всё-таки они тоже русские, надо совесть иметь.

– Ой-ли, стали бы они с тобой, Петя, по-доброму заговаривать?

– Ладно, ты чего думаешь-то?

– Раненых на струг, этих – на вёсла и в острог. Думаю, что лучше в ваш. Наш-то поди малой дюже. А заодно и отдарки нашего сотника отвезёшь. На струге ихнем и пойдёте.

– Так и сделаем, Афанасий, – согласился с десятником Карпинский.

У флотского мичмана из головы не выходил контур паруса, виденного им ночью на Ангаре. Значит, вверх по реке уходил на вёслах тот, кто и устроил всю эту заварушку с казаками Хрипунова.

«Двадцать один человек теперь на нашу голову. И что с ними делать прикажете? Нет, что-то Афоня заливает, тащить их всех в наш посёлок – да это просто глупо выйдет. Нет, короче».

– Афанасий, слушай. А может, всех-то не везти к нам, можно только раненых забрать, а эти пускай уматывают?

– А струг впятером сдюжите на вёслах-то?

– Нет, конечно...

– Тот-то и оно.

– А ведь если они сейчас пойдут, то потом сюда ещё казаков приведут.

– Петя, так то твоё дело, ты уж сам думать должен. Как хошь, так и делай.

Карпинский осуждающе наблюдал, как хмелёвцы деловито стаскивали всё имущество красноярских казачков в одну кучу, а сам Афанасий с блеском в глазах сортировал бочонки с порохом, свинцом, одеждою, запасы пищи. Пётр, оглядев своих товарищей и чужих казаков, бросил:

– Ладно, собираемся.

Раненые по большей части были основательно обожжены, несколько казаков были с ранениями от пищальной дроби, пара человек с переломами. Казаки оказались с гонором, поэтому Карпинскому пришлось, театрально вздохнув, без эмоций шмальнуть очередь у ног сгрудившихся пленников. Вид работы АК, выбивающего земляные фонтанчики у своих собственных сапог, вызвал вдруг у казаков острое желание слушать то, что говорит этот парень. Соорудили шины на сломанные конечности, всех раненых за растянутые полы одежды осторожно подняли

на струг и уложили на корме поверх настеленных шкур и тряпья. Зашли в Уду за зерном, овощной рассадой и поросятами в зимовье, и кораблик взял курс на реку Белую.

Пленённые казаки гребли молча, хмуро озираясь по сторонам и, видимо, соображая, к кому они попали. Наконец, один из них не выдержал.

– А вы с какого острога будете?

Державшие их на прицеле морпехи молчали.

– А воевода кто у вас?

– Помолчите, мужики, честное слово, не до вас, – ответил Коломейцев, безуспешно пытаясь настроить окончательно сдохшую пару дней назад рацию.

– Да брось ты её, Ваня, батарея крикнула.

Иван, хмыкнув, раздражённо прикрыл её брезентом. Похоже, это была последняя батарея, заряженная от генератора. Топлива оставалось лишь одна двадцатипятилитровая канистра. И всё, блага цивилизации потихоньку кончались.

Привычные к гребле казаки тянули лодку гораздо стремительнее, чем морпехи, поэтому дозорный холм на излучине реки показался намного быстрее, чем предполагал Карпинский. Тунгус же за время, проведённое в пути, был занят вычёрпыванием воды, которую пускал прохудившийся борт.

Помахав руками в ответ на приветствие с холма, Пётр отметил, что морпехов и тунгусов в устье их речки собралось что-то слишком много, человек восемь тут было точно – похоже, двойная смена дежурила. Значит, ночной бой и их не прошёл стороной. Горя от нетерпения узнать, что тут было и чем вызвана увеличенная охрана устья, Карпинский ритмично выстукивал пальцами по прикладу.

У причала его ждал сюрприз – стоял струг с собранным белым парусом, а это значит, что ночное видение на Ангаре – силуэт растворяющегося в чёрном покрывале ночи светлого пятна паруса, ему не привиделся!

– Женька! Чья лодка стоит? – ещё стоя на носу причаливающего струга, прокричал Лопехину Карпинский.

В душе он боялся того, что пожаловали казаки Хрипунова, а охрана их пропустила, но также и понимал, что это невозможный сценарий – кто пустит в посёлок кучу вооружённых мужиков. Значит... Что он молчит-то?

Пётр спрыгнул на причал и подошёл к Лопехину, который высматривал казаков на бывшем струге. Карпинский подошёл вплотную к морпеху, вопросительно кивнув головой на стоящий у причала струг.

– Казаки Хрипунова?

– Какой там Хрипунов, тут Вячеслав чуть с ума не сошёл! Новгородцы прибыли, а старший у них ранен тяжело. Нас собирали по группам – политику партии разъясняли. Так что, Петя, ты теперь тоже новгородец. Мне проще всего – я хоть с Новгородской области. Мои Боровичи с пятнадцатого века стоят, – зашипел, озираясь на бородачей Лопехин.

– А ты-то сам кого притащил, что это за опалённые бороды сидят? И откуда такое плавсредство? – Женька лыбился, наматывая канат на столбик причала.

– Погоди, почему мы новгородцы, что за бред?

– А-а, с Васькой своим пообщайся, он тебе всё и объяснит, у меня всё равно не получится.

– Беги за медиками, и носилки надо – тут у меня раненых семеро. Я пока выгружаться буду. Эй, мужики, давай выгружай струг!

Глава 9

Посёлок Белореченский. Весна 7137 (1629)

В избе Вячеслава умирал старый новгородец Иван Микулич. Дарья, расстроенная до слёз тем, что не может больше помочь умирающему человеку, сидела неподалёку, кусая губы. Она сделала всё, что могла. Из приоткрытых уст Микулича вырывался лишь хрип пополам с кашлем. Простреленный бок был печальным итогом попытки проскользнуть мимо ставших на ночёвку казаков Хрипунова. Их заметили уже на порогах. Пробовали остановить на реке, взяв судёнышко на abordаж. Перерубая пеньку с закинутых на борт крюков, Иван и получил заряд дробы. Спасло их лишь головотяпство хрипуновских людей: один из подраненных казаков уронил факел на стоявшие у борта ладьи небольшие бочонки с порохом, которые незадолго до этого перекинули с потёкшего бортами струга, да не успели убрать.

У топчана, где лежал Микулич, сидел его сын – Никита, молодой белобрысый парень с совершенно детским, безусым лицом. В его голубых глазах застыли слёзы, а пальцы судорожно сжимали отцовскую кисть. С момента прибытия он так и не проронил ни слова.

Новгородцы нашли искомый посёлок по примете, которую вывели в Енисейском остроге у побывавшего уже здесь в прошлом году казака, за чаркой вина казак разболтал попу Сахно примерное местонахождение посёлка и приметы местности. Белая глина опять помогла. А хрипуновские струги прошли по Ангаре дальше.

Вообще, появившиеся в начале весны в Енисейске новгородцы пришли с пополнением служилых казаков и парой чиновников из Тобольска и объявили себя подвижниками, несущими Слово Божие среди тёмных язычников, пропадающих во грехе незнания. Однако при себе подвижники имели немалый запас пороха да свинца для трёх пищалей да холодного оружия немало. На вопрос воеводы о немалом арсенале батюшка Александр, он же Сахно в миру, потупив взгляд, кротко объяснил о разбойных людях, шныряющих по просторам Сибири, да о туземцах, оружием отрицающих Христа. Приобретя в остроге за звонкую монету струг, отряд миссионеров в начале мая отправился вверх по Тунгуске искать посёлок заморских новгородцев.

И вот они оказались тут. Шесть лжемиссионеров были устроены в избе Сазонова и сейчас принимали баньку. Оружие своё они безропотно сдали в привратную башню.

Никита, так неотлучно и сидевший рядом с отцом всё это время, задремал. Сморило его, беднягу, – не евши, не спавши уже вторые сутки. К счастью, отец его тоже забылся во сне, иначе он не позволил бы себе уснуть. Тишину в светёлке нарушало лишь хриплое дыхание раненого. Никита осторожно, стараясь не издать ни малейшего шума, прилёг на лавку в красном углу, удивлённо отметив отсутствие икон. Как только голова его коснулась подложенной шапки, юноша моментально провалился в тяжёлый и глубокий сон.

И тотчас же к нему возвратился липкий страх ночного боя. Снилось ночная проводка струга через песчаные отмели намытых островков на реке, последующая сшибка с казаками, которую легко можно было избежать, поверни они струг обходить остров с другой стороны. Послушали Сахно, который решил, что казаки встанут на отдых со стороны правого, более пологого берега, где лес не подступал вплотную к реке. А когда поняли, что ошиблись, было уже поздно, поворачивать назад смысла не было: пока бы они развернулись, казаки давно бы уже перекрыли обе протоки. Решили прорываться на удачу. И всё бы хорошо, но успели хрипуновцы закинуть на борт новгородского струга две кошки – пеньковые верёвки с крючьями, которые намертво впились в дерево борта. Сахно с Жданом успели охолодить хрипуновцев двумя зарядами дробы. А отец, выхватив саблю, пытался перерубить пеньку, которую уже закрепляли казаки на лодии. На лодии уже появились казаки с берега, державшие в руках ярко

горящие факелы и фитильные пищали... и вот один метнул факел на струг новгородцев, осветив копошащихся там людей, а второй прицелился...

Тут же гроыхнул Сахно третьей пищалью, явно свалив казака с факелом и задев второго с пищалью. Никита уже понял, что сейчас произойдёт непоправимое, он пытался броситься к отцу, закрыть его от выстрела, оттолкнуть в сторону от летящего гибельного свинца. Но ноги вмиг стали ватными, он не мог пошевелить ими. Грохнул выстрел с лодии. Младшего Микулича обдало ледяным холодом, защемило сердце. Он же знал, что сейчас будет, знал! И увидел, как тот медленно, будто сквозь толщу воды, заваливался на дно струга. Рот юноши открылся в безмолвном крике...

И Никита проснулся, тут же испугавшись, что криком потревожил отца. Но нет, тот спал. А рядом сидела та самая женщина, что врачевала его. Она прижала указательный палец к губам, отёрла ему мокрый лоб и махнула рукой, указывая на дверь.

– Иди поешь, – шепнула она. Никита упрямо мотнул белокурыми кудрями. – Иди! – зло прошипела она. – Не мешай!

Никита не посмел ей дальше перечить и покорно встал с лавки. В горнице его ждал стоящий на столе обед и несколько мужиков, явно ждущих юнца.

– Поговорим? – В животе предательски заурчало. В ногах была слабость, молодой организм требовал поддержки. – Но сначала надо поесть.

На столе было без изысков: мясо с бульоном, варёная каша, молодая черемша да травяной чай. Сидевшие на лавках мужики пока не обращали внимания на Никиту, явно давая тому время насытиться и попривыкнуть к новой компании. И продолжали разговаривать о своих делах.

– Ну, рассаду пока оставим здесь, я уже ящички с землёй парням сказал сколотить. Зерно тоже засею, только на следующий сезон будем делиться со Смирновым.

– А сейчас что, Вячеслав? Тоже пускай начинают. Земля у них, как и у нас, отличная.

– Погоди, Володя. У нас пока слишком мало рассады, чтобы делить. Пусть пока наши займутся этим делом. Вон, почвоведом, этой сладкой парочке, теперь есть что руками делать. Ещё людей припашем для этого. Сельское хозяйство развивать надо комплексно. Пускай полковник хрюшками занимается, он же их заказывал, – рассмеялся колоритный мужик с ухоженной бородой.

– А что с инструментами, Вячеслав?

– Пока вроде хватает, но железо уже стоит пробовать. Я ещё в прошлом году жилу приметил. Кузню можно ставить.

– Да, делов у нас море.

– Никита, А у вас кузнецов нет?

Никита, заметив, что все замолкли и смотрят на него, смутился и сразу поперхнулся. Прокашлявшись и улыбнувшись своей неловкости, ответил мужику с бородой:

– Нет. Кузнецов средь нас нету, хотя вот Жданко баловался в кузне, евойный дядька был обучен кузнечному делу в Великом Устюге.

– Тяпку сковать сможет? – заинтересовался Вячеслав.

– Чего сковать?

– А... Ну ладно, ничего пока.

– Так вы новгородцы?

– Опа!

Странно, но окружавших Никиту мужиков его вопрос поставил в тупик.

– Мы же говорили, что да, – осторожно проговорил один.

– Да просто не рядится сие, – простодушно ответил Никита. – Речь дюже странна, красного угла в избе нет, даже часовенки не стоит в остроге. Брони на вас нет, оружие странно дюже. Сам острог не похож... Не знаю, не так строят, – продолжил он.

– Ясно, Никита. А кстати, меня зовут Вячеслав. Я тут за главного. Воевода, значит. Вот Алексей – наш атаман. Не хмыкай, атаман, – улыбнулся воевода. – Это Владимир, помощник атамана, сотник, значит. И Василий, полусотник вроде как, – закончил представлять своих соратников Вячеслав. – Ну а у вас кто есть кто, Никита?

Тот молчал, словно воды в рот набрал.

– Да ладно, Никита, не молчи. Вы же к нам прибыли, значит, хотели что-то, – это сказал сотник Владимир.

Никита вздохнул. «Мы же именно этого и хотели», – подумал он и решился.

– Жданко – наш рудознатец и кузнец, язычник, Сахно – отчий воин, тоже язычник, – сморщился Никита и продолжил: – Богдан, Савка и Дружина – воины боярина Василия Дмитрича с Устюга Великого. А Конан Семёнов – это муж с Твери от боярина Анисима Судакова. Отец – человек новгородского боярина Петра Авинова.

Вячеслав повернулся к Сазонову и зашептал тому на ухо. Тот закивал. Никита покачал головой – скрывают что-то, видимо.

Из светёлки вышла Дарья. Поставив ящичек с препаратами на пол, она опустилась на скамью, налила себе воды и сказала:

– Ну что, видимо, он выкарабкается. Состояние стабильное, ухудшений не было. Так что молись, парень.

– Вы не новгородцы.

– Да, Никита, мы не новгородцы, – с сочувствием сказал Вячеслав.

– Мы сказали так, потому что нам больше нечего было сказать, – вставил Владимир.

– А кто вы, откель будете-то?! – выкрикнул Никита. – Токмо из-за вас мы тут и объявились! Отец мой тяжело ранен теперь, а за каким лядом? Чтобы узнать, что вы не те, кого мы сыскать пытались? Пробирались сюда с великой осторожностью, умысел наш не раскрыть было никому. А тут! Эх, что нам теперь делать?

– А что вы хотели узнать, Никита?

– Это надо дядьку Конана звать, он ведает нашими делами. Невместно мне за него говорить.

– Ну так зови его, Никита.

Вошедший мужик показался Вячеславу обычным сектантом каких-нибудь иеговистов средней руки. Сутуловатый, цепкий взгляд с хитрым прищуром, жидкая бородёнка. Сам-то хилый, но не голос. На его голос, сильный и властный, обратили внимание все, Дарья даже фыркнула, когда тот заговорил. Присев на лавку и в который раз обратив внимание на отсутствие красного угла, он начал с благодарностей Богу и новгородцам, что лепо врачуют их старшего.

– Пожалуйста, Конан, а как вас по батюшке?

– Тимофеем моего отца звали.

– Так вот, Конан Тимофеевич. Скажу прямо – мы не те, кого вы искали.

Конан кивнул:

– Я это понял уже.

– Ну что же, нам теперь легче будет объясняться.

Разговор с Конаном был очень долгим, но лёгким, – от общения с этим человеком не уставали. К тому же все его лаконичные вопросы были по существу, а главное понятны – переспрашивать приходилось очень редко. Конан резко завёл разговор в экономическую плоскость, и Новиков в процессе разговора сбегал за атласом офицера, где содержалось море информации о географии, климате и недрах интересующего Конана района Сибири. Карты повергли его в лёгкий шок: если очертания Европы и Средиземноморья он ещё узнавал, то очертания остального мира ему были абсолютно незнакомы и непривычны.

– У нас имеются чертежи земные и морские, но у нас всё не так! А это что, море Хвалисское? Но оно не столь велико! А это что? Это? – он ткнул в Индию, потом в Камчатку, Аляску и острова канадского арктического архипелага. Насилу упростили отпустить книгу и вновь заговорили о торговле.

Что нужно в Московии? С помощью Конана выяснили, что это чай, пряности, ткани.

А что нужно поселенцам из Российской Федерации? Скот, рис, чай, зерно, овощи...

А что мы можем предложить Китаю? Шкурки. И только.

– То есть Бекетов был стократно прав, когда изумился тому, что мы не собираем ясак! – воскликнул Кабаржицкий. – Без этого тут не прожить. Так что, если мы хотим чего-то добиться, то надо собирать ясак.

– Да, по-видимому, ты прав, Володя, и Бекетов прав, – оглаживая усы, согласился Вячеслав.

– Будем собирать шкурки! – рубанул Сазонов.

– Кхм! – напомнил о себе Конан.

Деловой разговор продолжился после ужина. Конан оказался сведущ во многих вопросах. Спросил, был ли у нас договор с Енисейским острогом о границах сбора ясака. Получив ответ, что только на словах, покачал головой и посоветовал строить свой острог на границе владений с тем, чтобы запереть Ангару от проникновения таких, как Хрипунов.

– А где он, кстати? – спросил Сазонов, оглядывая Конана и завалившегося на полати Никиту.

– Он ушёл вверх по Ангаре, – ответил Новиков. – Салаев его провожать вышел. Ещё не возвращались они.

Дальнейший разговор шёл о возможных путях организации торговли. О путях прохода караванов, о рельефах местности, об опасности дороги для купцов. Вячеслав поставил Конану вопрос ребром.

– Нам нужны люди. Вы присылаете нам людей, а вся будущая прибыль – пополам.

Конан кивнул и попросил ещё раз карту.

– Я опосля отпишу письмецо в Тобольский городок, там наш человечек разошлёт его на Русь. Ответ будет следующей весной. А сейчас я желаю пройтись – кости ломит. – Бросил взгляд на лежащего в объятиях печного тепла Никиту. – Пусть спит.

Конан не стал откладывать дела на потом и уже на следующее утро, проведая раненого, явился к Вячеславу – писать письмо. Для порядка решили пока не огорчать бояр открывшимися обстоятельствами происхождения жителей ангарского посёлка. Неизвестно, как они себя поведут, узнай они правду, а пока можно раззадорить их возможными барышами, сулившимися в торговле с Китаем.

– Ведомо мне, что томские людишки ходили в Китай по Иртышу в сто двадцать шестом годе. Торговли не завели, но привезли китайскую грамоту, кою некому толком и понять не можно было. Сказывали, что путь сей зело труден и места дюже дикие, есть земля, где и воды-то не бывает. Токмо песок. Гиблые места для караванов. Да и лихих людишек там безмерно.

– Значит, торговли с Китаем у Руси нет? – спросил Конана Вячеслав.

– Есть азиатские торговцы, кои везут товар свой на ярмарки в Сибири и на Руси. Так и торгуем.

– Ясно, значит, у нас есть время первыми устроить торговый путь из Китая.

– Но путь надо боронить от лихих людей. А у вас людишек мало числом.

– Вот я и говорю – нам нужны люди!

Вариантов оказалось немного: сибирским путём через Тобольск и Енисейск, либо морским по Ледовитому океану до устья Оби или Енисея, а там подниматься до верховья этих могучих рек. И пробираться до Ангары. Наилучшим способом выбрали путь через устье Енисея, с выходом в Ангару. Но придётся миновать Енисейский острог.

– Там это сделать несложно, река широка. Да и попервости можно будет приставать к берегу, дабы пополнить запасы, – уверял Конан.

Зашёл Кабаржицкий, сразу сказав, что Саляев ещё не вернулся, заметив немой вопрос Вячеслава. Владимир принёс чайник со свежесваренным травяным настоем тунгусов с добавлением листьев смородины. Получилось очень ароматное и приятное на вкус питьё. Но кое-чего в нём не хватало. Вячеслав расставил чашки и вслух помечтал.

– Сахарку бы ещё... Сладкого страсть как охота.

– Нешто не бортничаете? Мёду нету?

– Откуда ему взяться, Конан, – усмехнулся Владимир.

– Ясно, будут вам и бортники, а то тоска у вас великая, – рассмеялся тверичанин.

– Ладно, давайте перо и бумагу, будем письмо сочинять.

Вячеслав переглянулся с Владимиром, тот лишь хмыкнул.

– Ну, бумага у нас есть, а вот с перьями напряг, зато есть ручка, шариковая. Или гелевая, Вячеслав?

– Да нет, старушка шариковая. Вот, – он протянул бумагу и ручку смутившемуся Конану.

– Владимир, покажи, как ей пользоваться.

Пока Конан пробовал выводить ручкой свою тайнопись, Кабаржицкий у него поинтересовался насчёт носимого им имени.

– Церковное то имя, мирское имя моё будет Елисей, а прозвище Лисица... Дюже лепосия вещича буквицы выводит. Знатно.

«Лета 137 и с Белореченского острогу писано. По досмотру своему Елисейка Семёнов, боярина Петра Авинова человек. Иванко Микулич по раденью своему ныне при смерти пребывает, на здоровье его уповаем с Божьей милостию. Усмотрел я на Ангаре-реке два городка новгородских да людишек. Числом за две сотни, промышляют они рухлядью мягкой, тунгусов в ясак и подданство своё берут. Ведают они проходы в Китайское царство и торговать зело с ним желают. С чего и мы можем в царство Китайское пройти да торговлишку свою там установить. Токмо нужно с тем знатное число людишек, дабы торговлю вести со всем усердием и толком...»

Конан-Елисей закончил выводить текст и начал другим листом помахивать над письмом. Заметив недоумённый взгляд Вячеслава и смешки Владимира, он невозмутимо сказал:

– Это деется, дабы чернила усохли, ужель вы не ведаете?

– Елисей, они уже давно высохли, не надо дуть.

Тот пальцем попробовал написанные шариковой ручкой буквы и рассмеялся.

– Что ж, занятно...

Вячеслав с торжественным лицом вручил Конану две ручки:

– Подарок.

– Благодарствую, – и тут же упрятал их в дальний карман безразмерного кафтана.

К Вячеславу зашёл Сазонов.

– Андреич, пойдём казачков проведем. Они с тобой поговорить хотят.

– Ну и я пойду к своим людишкам, уже обед, вероятно, вскорости будет.

Казаков, отделившихся от Хрипунова, поместили в казарме – длинном доме-бараке. За ранеными ухаживали, переломанные кости выпрямили и наложили шины. Несмотря на постоянные напоминания Новикова о бдительности, охраняли их больше для вида – казаки ни разу не дали повода для беспокойства и всё благодарили за лечение и доброе обхождение с ними. Теперь эти два десятка людей просили местного воеводу на разговор.

– Здорово! Ну чего хотели, орлы? – вошёл в казарму Вячеслав.

– Здравствуй, воевода!

Из толпы казаков после недолгого совещания вышел один мужик с опалённой бородой и густыми бровищами, маловразумительную речь свою он компенсировал активной жестикуляцией.

– Мы с братцами рассудили тут. Немочно нам под Хрипуновым ходить... – замялся казак, оглядываясь на своих товарищей.

– Ну и что же вы хотите от меня?

– Ну, это... хотим мы под твоим воеводством быть, – закончил он мысль, кивая и трясая серьгой в правом ухе, остальные казаки поддержали своего выборного криками и гулом одобрения.

Кабаржицкий с крайним удивлением приметил стоящего поодаль Конана-Елисея, который в момент импровизированной присяги выборного казака хищно оскалился и, резко повернувшись, ушёл к размещённым в другом бараке спутникам.

«Что бы это значило?» – Владимир озадаченно покачал головой.

На следующий день Вячеслав собрался к Смирнову обсудить все новости, свалившиеся на участников экспедиции. Дарья напросилась с ним, чтобы провести находящуюся на седьмом месяце беременности Лену Мышкину. Елисей от поездки отказался, сославшись на нездоровье.

Поплыли на струге новгородцев, второй струг был вытащен на берег, чтобы проконопатить прохудившиеся борта. За вёсла сели несколько казаков, бывших хрипуновцев да тунгусы, пятёрка морпехов во главе с Новиковым была в охране вояжа. Карпинский с морпехами разместился на носу, деля его с поросятами, которых он то и дело шпынял, когда те в который раз пробовали верёвки на прочность. Казаки взяли в дорогу три пищали новгородцев. Перевязи с подшитыми к ним колбочками с пробкой, где находились заранее отсыпанные доли пороха и заряда, устроили под лавками.

– Пётр, ты смотри в оба, по реке могут шастать хрипуновцы, – и Вячеслав указал на висящий у того на шее бинокль.

– Вячеслав Андреевич, ну конечно, что вы мне, как маленькому, – попробовал оскорбиться Карпинский.

Но глава посёлка лишь примиряюще махнул рукой.

С ветром повезло, так что гребцы особенно не напрягались – парус стабильно тянул струг. На берегах реки были замечены туземцы, но кто именно – буряты или тунгусы, было непонятно, останавливаться ради них никто не собирался. Дошли до района современного Иркутска, где на Ангаре множество островков, некоторые довольно длинные и тянутся до двух километров в длину. Как стало ясно, в это время – в апреле-мае уровень Ангары довольно низок. Наводнения же случаются зимние. Такое необычное явление связано с тем, что, замерзая, Ангара образует внутреледниковые льды, шугу и вода ищет выход наверх.

У одного из островов решили сделать привал, осмотреться. Вообще, эти острова давно привлекали к себе внимание. Тут можно, а главное нужно бы освоиться. А во избежание наводнения строиться на одном из высоких островов. Так что Вячеслав собирался обговорить со Смирновым и постройку небольшого форта на месте будущего Иркутска для контроля за этой частью реки.

– Кузьма, а сколько вас вообще народу было? – спросил Карпинский у казака, просившего взять его компанию под воеводство Вячеслава Соколова.

– Ну, эдак человек сто тридцать было, но на Илим-реке мы тридцать товарищей на Лену реку спроводили.

– Вас здесь двадцать один и погибло семеро. Значит... Человек семьдесят всех будет.

Кузьма пожал плечами, продолжая оглядывать островок цепким взглядом.

– Там дымок, – тихо, но уверенно сказал Кузьма.

– Где?!

– А вона, – указывал пальцем Кузьма, – наши, видать. На этом островке речном стать – верное дело, без опаски можно роздыху людям дать.

Карпинский метнулся к Новикову, тот к Вячеславу. Добро на вылазку морпехи получили, Кузьма потребовал участия в разведке, против никто не выступил. Спустили на воду моторку, правда, моторкой её звали по привычке, мотор уже давно сняли за неимением горючего, получилась лёгкая и быстрая лодка. Нагрузилось четверо, лодка пошла вдоль острова, а сидевших в ней разведчиков прикрывало буйной растительностью, которой было в избытке вокруг речных островов. До мужиков донёлся звонкий звук топора, стучащего по дереву, слышались крики и хохот. За этим островом показался второй, тут же стали видны и струги хрипуновцев, берег, на котором отдыхали казаки. На кострах готовилась еда, сидели кружком казаки.

Карпинский приставил к глазам бинокль: опа-на, а казачки-то время даром не теряли.

– Васька, посмотри, они там шкурки сортируют! Уже кого-то грабанули.

– Ага, теперь бы их грабануть! А что, они на нашей земле уже хозяйничают, получается.

– Кузьма. А ну, скажи, что они теперь на ночь тут встанут? – озабоченно поинтересовался Новиков.

– Вестимо, станут на ночлег тут. Место спокойное.

– Хм, а нам надо на чистую воду, да к левому берегу как раз править. На Байкал входить надо с левого берега – там течение Ангары слабей.

– Что, нам до вечера ждать, что ли? – спросил Карпинский у друга.

– Ну да, а что мы тут сделаем. А вдруг за нами увяжутся, что, их до Смирнова вести?

– А сейчас что, наблюдать за ними, Вась? Или что? – спросил единственный новгородец в экспедиции Женька Лопехин.

– Наверное, надо понаблюдать, чтобы потом спокойно на реку выходить.

Карпинский продолжал наблюдать за группой казаков с крайнего струга. Он заметил, как вдруг один из сидящих у костра встал и, махнув остальным рукой, пошёл в их сторону. Казак на ходу развязывал тесёмки на поясе. Ясно, облегчаться идёт.

– О, смотри, чистоплюй какой. Пошёл гадить подальше от своих, – рассмеялся Карпинский, – на нас сейчас выскочит. Отойти надо.

– Дай-ко, – попросил бинокль Кузьма, – а-а, так и есть, Ивашка Репа это. Плавильщик московский, литейных дел мастер.

– Кто? – Новиков сузил глаза.

– Плавильщик, ну по железу мастер... – Кузьма не успел закончить, как Новиков начал править лодку, чтобы обогнуть остров.

– Ты что, сдурел? – зашипел на Василия Пётр.

– Сейчас помолчи, Петя, пожалуйста, – зло сказал Новиков, – Лопехин, со мной. Пётр, прикрывай.

Лодка почти пристала к берегу, ткнувшись в широченные стебли осоки, вызвав этим кучу мелкой противной мошки. Два морпеха скрылись в высоченной осоке, с трудом выдирая ноги из прибрежного ила. Прошло минут пять, Карпинский весь извёлся, вода стволom на любой шорох, доносящийся с берега. Кузьма, закусив губу, держал в напряжённой руке широченную саблю. Пётр, отсчитывая минуты, волновался всё больше, томила тишина. Наконец, не выдержав, стал потихоньку вылезать из лодки. Вода чавкала под ногами, месившими ил, на берегу сразу стало жарко, да ещё и мошки липли к мокрой коже. Пётр осторожно двигался по следам товарищей, услышав доносящийся шум, он присел, выставив «калаш» в сторону подозрительных звуков.

Послышалось тяжёлое дыхание и шипящий мат. Это Новиков. Всё нормально. Сдвинулся с пути, пропуская уже троих людей. Пленник не сдавался, порываясь освободиться или хотя бы заорать. Измазанная грязью лапа Новикова держала извивающегося человеку рот.

– Долбани ему по башке, – прохрипел Новиков Карпинскому.

Пётр, сглотнув, ударил пленника, тот сразу обмяк и перестал извиваться.

– Ф-фу, – опустился на землю Новиков, – ну и силища, вроде небольшой мужичок, по сути пацан ещё. А силён, как кабан, еле дотащили.

– Прикинь, я его первый раз не достал прикладом, вывернулся – и на меня. Хорошо, Женька сзади зашёл. Еле скрутили.

Лопяхин, тяжело дыша, сидел, вытирая лившийся со лба пот.

– Всё, потащили его в лодку, пока не очухался.

– Может, сначала портки ему наденем? – Женька показал на измазанного грязью пленника.

– Вот ты и надевай, – ухмыльнулся Новиков.

Небольшого роста пленник был неожиданно тяжёлым, тащить его было сплошное мучение, а если прибавить вьющуюся мошкарку, топкую грязь под ногами и оглушающую жару, которая бывает лишь у водоёмов среди полусухих зарослей осоки, то картина подвига с похищением получалась полной.

– А зачем вы его? А, понимаю... – начал было Кузьма.

– Не болтай, принимай его, бережно. Как бы лодка не перевернулась, – Новиков озадаченно смотрел, как та оседает на воде.

До струга доплыли с превеликой осторожностью. С кораблика скинули верёвочную лестницу. Судя по удивлённым возгласам сидящих на вёслах казаков, Репу узнали.

– Андреич, а теперь или рвём когти назад, или к Смирнову! – обратился Новиков к Вячеславу.

– Кто это, Василий, ну зачем надо было, ушли бы споко... – Вячеслав начал было упрекать Новикова.

– Кузьма, ну-ка повтори, кто это? – перебил начальника Новиков.

– А что? Московского литейного приказа плавильщик, Хрипунову его в Тобольске...

– Налеглись на вёсла, пока не хватились его, быстро выходим на широкую воду! – оборвал казака Вячеслав. – Ветер ещё наш пока.

Струг выходил с протоки на реку, мужики из всех сил работали вёслами, прекрасно понимая, что от этого зависят их жизни. Ускользнуть незамеченными, конечно, не удалось. В лагере хрипуновцев поднялась суматоха, в бинокль было видно, как забегали фигурки, указывая на уходящий струг. От стоянки казаков отвалил один струг, потом второй вдогонку за пытающимися уйти врагами. А третий остался, видимо, или со стругом проблемы, или раненые появились в результате отбора ясака, или решили справиться с беглецами силами казаков, поместившимися в два первых.

Идя на струге, течение Ангары чувствовалось сильнее, чем на лёгкой лодке или на моторке тем паче. Морпехи сменили хилых тунгусов на вёслах. На второй час гонки стало ясно, что скоро казаки настигнут струг белореченцев. Расстояние между кораблями сокращалось, а с момента начала гонки оно сократилось уже очень сильно. Сказалась выучка и слаженность казачьего коллектива.

– Придется принимать бой, а не хочется стрелять в них, чёрт возьми! – прорычал сидящий на вёслах Вячеслав.

– Правим к берегу, Андреич! – крикнул Новиков с другого борта.

Вячеслав мрачно кивнул и огляделся, вдали показался Шаман-камень, скала посередине истока Ангары, ворота в Байкал.

– Правь туда, Кузьма! – Вячеслав указал стоящему на руле казаку направление.

«Правильно, Андреич», – мысленно согласился Новиков, помня о наблюдательном пункте новоземельцев, оборудованном на «заставе Васильева». Их должны заметить со скалы.

Оглушённый пленник тем временем зашевелился.

– Цыц, Иванко. Лежи смирно и ничо дурново тебе не сдеется. Неча было с Хрипуновым оставаться, – довольно миролюбиво заговорил с Репой Кузьма.

– Нешто я выбирал, Кузёмка! – со злобой выплюнул Иван.

– Не Кузёмка, а Кузьма Фролыч, ты мне в сыны годишься! – Кузьма наставительно пошевелил указательным пальцем у лица Ивана.

Тот лишь мрачно кивнул в ответ.

Струг вошёл в небольшую бухточку, образованную песчаной косой.

– Глядите, причал! – Лопяхин указывал на дощатое сооружение, широкой змеей протянувшееся на несколько метров.

Было видно, что причал не был закончен, рядом с берегом были сложены поленницы из заготовок для дальнейшей работы. Чувствовалось присутствие людей, пахло дымом костра и ароматом приготовленной пищи. Перед взором людей было довольно большое пространство песчаного пляжа с вкраплениями камней и выброшенного на берег плавника. Чуть поодаль начинался лес, плавно переходящий в совершенно зелёные холмы. Справа Карпинский узнал большое кострище, где собирались туземцы для отправления шаманских обрядов и ставились временные чумы. Сейчас там было лишь нагромождение крупных валунов, на которых когда-то сидели туземцы. Он глянул наверх. Мешало солнце, он попытался прикрыть глаза ладонью, но увидел то, отчего забыл обо всём на свете. К ним из леса бежали люди.

– Андреич! Наши! – радостно выкрикнул Карпинский.

Бежавшие – а это были несколько тунгусов и морпехи, числом около дюжины – что-то кричали и махали шапками. Наконец кораблик пришвартовался к причалу, люди стали выходить на берег, выносить грузы, особенно смешно в этот тревожный час было выносить четырёх поросят.

– Это подарок Смирнову от Бекетова! – с мрачной улыбкой крикнул в толпу встречающих Вячеслав.

Разглядев глазами мичмана Васильева, он спросил у того:

– Николай, а Смирнов-то не тут случаем?

– Нет, Вячеслав Андреевич, я тут за старшего. Полковник приказал строить тут форт, смотреть за рекой: если кто на Байкал входит, то сразу отправлять вестового в посёлок. Дорогу торим – ну, в смысле, расчищаем путь до посёлка, столбики ставим, чтоб не заплутать. Это вон его забота, – Николай кивнул на Алгурчи. – Он теперь у них главный.

– А, Алгурчи, привет. Так ты теперь за Хатысму, что ль? Экий хитрец...

– Он головой за дорогу отвечает, ну, чтобы не зарастала и чтоб её видно было, – засмеялся Васильев. – Так что влез в главные тунгусы – отвечай теперь за поставленные задачи. А, Алгурчи!

Николай хлопнул тунгуса по спине, отчего тот сконфузился и закивал. Говорить по-русски он так и не выучился, но понимал, видимо, уже всё.

– Ладно, Николай, за нами два струга с казаками идут, надо в лес отойти.

– У нас там две избушки стоят уже...

– Ну и отлично. Берег прекрасно простреливается, так что я не думаю, что они тут сунутся. Главное, чтобы наш струг не спалили.

– А вот и они! Отходим, ребята.

На реке показались два струга казаков. Увидев одинокий кораблик беглецов у берега, оба направились к нему. В бинокль было видно, как напряжённо вглядываются в берег казаки. И как удивил их причал с пришвартованным стругом. Один корабль казаков причалил с другой стороны, а со второго перебросили мостки: таким вот образом казаки перебрались на берег и встали, ошестинившись пиками и выставив дула пищалей. Казаков было примерно человек тридцать пять – тридцать семь, сосчитать их безошибочно было очень сложно. Хмурые лица покорителей Сибири не обещали скрывшимся от них на берегу беглецам ничего хорошего.

– Дайте бинокль Кузьме! Хрипунова пусть смотрит, вдруг он тут, – громким шёпотом проговорил Вячеслав.

Кузьма взял переданный ему Васильевым бинокль, долго высматривал приближающихся к зарослям казаков, и, отдавая бинокль, указал Новикову:

– Вона, в шишаке с бармицей. Красный кафтан, высокий ворот.

– Так, дуй на правый фланг, во-он к тем кустам у скалы И лупи по каждому, кто будет струг подпаливать или пицаль вскидывать для выстрела. Насмерть не бей, в ноги-руки работай.

Василий отправил снайпера с напарником поддерживать их отряд огнём справа. Второго снайпера из отряда Васильева отослали на левый фланг.

– Вячеслав Андреевич, заберите всех лишних: Дарью, тунгусов и идите к избам, тут прямо, а то вдруг зацепит, – Васильев отослал вносящих сумбур в оборону людей подальше от места возможного боестолкновения. – Там, кстати, ваши строители.

Казаки меж тем подошли метров на двадцать к лесу и, видимо, приготовились к последнему рывку. Кое-кто крестился, кто-то крикнул здравицу Богородице. Пора действовать.

– А ну стоять, казачки, где стоите! – Новиков крикнул, сложив ладони рупором.

И тут же грохнулся наземь, справедливо ожидая слаженного пицального залпа. Но его не последовало. Лишь на мгновение оторопев, казаки быстро пришли в себя, и один из них выкрикнул:

– А ты кто таков, мил человек, и пошто тут промышляешь промеж нас?

– Это вы на нашей земле находитесь! Мы с Енисейском границы установили на Уде-реке!

– Какое нам дело до Енисейска? Кто таков есть, отвечай!

– Сержант морской пехоты Российского государства Василий Новиков!

Казаки потеряли дар речи от подобной наглости.

– Мы с товарищами служилые казаки, отправленные сюда, дабы привести сей край под высокую руку государя нашего, самодержца Всероссийского Михаила Фёдоровича!

– Это тот, чей отец у ляхов королевича Владислава на Русь просил, да у Тушинского вора в стане обретался, а сейчас вертит им, как хочет?

– А-а! Кузьмка! И ты там, смутьян! Достану тебя, да в кандалы закую! Не твоё то дело собачье, власть нам от Бога дана.

– Не от Бога власть эта, а от чёрта!

– Эй, Кузьма! О чём ты, помолчи-ка пока! – Новиков уже понял, что дальнейшее сотрясение воздуха ни к чему хорошему не приведёт.

– А ну выходи, с кем разговор держать внятно! Иначе наши пицали говорить будут, – снова крикнул Хрипунов.

– Так, я пошёл. Прикрывайте, если что, – Новиков выдохнул и, перемахнув через поваленное дерево, вышел на песок обширного пляжа.

В разговоре он не рассчитывал на какое-либо замирение сторон, он хотел лишь одного – чтобы два отряда не стали проливать свою кровь. Тем более что проливать кровь придётся лишь казакам, фронтальный и фланговый огонь закончит тут всё через десяток секунд. Значит, надо любым способом отговорить казаков от атаки.

Хмурые и бородатые лица казаков приближались, уже можно было разглядеть их амуницию и дымки фитилей. Вышедший вперёд толпы Хрипунов что-то сказал своим людям и те опустили своё оружие к земле.

– Здравствуй, – Новиков протянул руку Хрипунову.

– И тебе не хворать, воин, – казак пожал протянутую ему ладонь. – Кто ты, сын боярский? Али воевода местный?

– Скажем, что я полусотник нашего атамана, – ответил Новиков.

– Пошто без брони вышел, доверяешь нам? – ухмыльнулся Хрипунов.

– Без брони я, потому что ни к чему она мне, а врага я близко не подпущу.

– Экий ты хвастливый! Враг не будет спрашивать, он просто...

– Мы обо мне будем разговоры вести или по делу?

– А возможно и по делу. Пошто вы сию землю своей называете? С каких прав?

– А с прав первооткрывателя, мы первые тут обосновались, значит, наша эта земля будет.

– Хм, чудно ты говоришь, ну да ладно. Был я ранее воеводой в Енисейском острожке, хлопотал о постройке острожков в Красном Яру и на Каче-реке, а сейчас послан из Москвы для сыску серебряных руд на Тунгуске-реке. Памяти обо мне спущены в поместный, стрелецкой и ямской приказ. Так что по царёву приказу я тут.

– Понятно. Короче, я предлагаю так. Или вы уходите сейчас все, или ты идёшь со мной до нашего воеводы.

– А если я сейчас задам вам трёпку, а голову твою на копье посажу? – прищурил глаз Хрипунов.

И казаки в подтверждение зашумели, брэнча железом. Раздались выкрики, определяющие, каким именно способом следует умучить этого наглеца, а особенно предателя Кузёмку.

– Ладно, смотри, – Новиков, с трудом сохраняя хладнокровие, замахал снайперу на правом фланге. Тот вышел из-за куста, а за ним показался его напарник. Новиков, отойдя чуть назад, указал снайперу на небольшой валун перед своими ногами. Мгновение спустя по валуну со свистом чиркнула пуля. Таким же образом с валуном обошёлся и снайпер с левого фланга. Хрипунов явно был впечатлён.

– А ежели я на твою голову покажу вместо валуна этого, то не успеешь насадить мою на копыто-то. Ну и на сладкое, смотри внимательно. Только... господа казаки, прошу не стрелять в меня от неожиданности, а я в землю шмальну, – Новиков не спеша переставил на «калаше» режим одиночных выстрелов, сделал шаг назад и произвёл четыре выстрела, периодически выбивая фонтанчики песка.

Казаки, конечно, не стали разбегаться в припадке ужаса перед оружием двадцать первого века, да и воплей гнева не последовало. Но лица их стали каменными, и они заметно подобрались, как стянутая пружина. Новиков испугался, что они всё-таки бросятся на него, а потом и на остальных, слишком уж решительны были их лица – у них не было совершенно никакого страха перед автоматическим оружием.

– Ну что же... – Хрипунов явно оценил всю незавидность их положения, а именно: толпа казаков на открытом и полностью простреливаемом месте, – я пойду говорить с вашим воеводой.

– Отпускай тогда всех своих казаков на струги. И пускай ждут тебя на том островке. Мы тебя к ним потом отвезём. Ты согласен на такие условия?

– Да, я согласный. Оружье вам оставлять?

– Оставляй себе, я же не в плен тебя взял, а в гости.

Новиков повернулся и не спеша пошёл к своим, закусив нижнюю губу и ожидая удара в спину. Нет, он так и не поверил этим людям до конца. Хрипунов сверлил тяжёлым взглядом удаляющегося от него этого спокойного и уверенного воина, потом, не глядя на своих товарищей, поднял одну из гильз. Внимательно осмотрев, положил её в карман и, тяжело вздохнув, стал догонять уходящего к лесу полусотника. Дождавшись, пока два струга казаков отвалят от берега, направившись к назначенной им стоянке на ангарском острове, Вячеслав, после небольшого роздыха и поправки нервов, объявил о продолжении похода.

Опять загрузили струг и отправились вверх, против течения Ангары. При входе в Байкал гребцам пришлось напрягать все свои силы, преодолевая сильное течение. И только выйдя в озеро, можно было расслабиться и побалагурить. Наконец показалась заветная бухточка, а пока шли к причалу, встретили несколько рыбацких лодок, из каждой людям на струге приветливо махали. На берегу были выставлены жерди, где ровными рядами вялился улов.

Недалеко от причала возилось несколько человек, в основном тунгусы. Была парочка учёных, осваивающих плетение сетей. Они и послали в посёлок паренька-тунгуса известить Смирнова о прибытии гостей.

Посёлок встретил гостей выкопанным рвом у пологой северо-западной части стены. Копать ров с других сторон нужды не было – на востоке возвышался холм, с южной стороны – частокол, а казарма вообще выходила на обрыв, из которого подняться было невозможно. Западная стена, ворота и надвратные башенки уже были обложены светлым кирпичом, а чуть поодаль, к северу от ворот виднелись строительные леса, прилепившиеся к частоколу. Похоже, Смирнов сделал правильные выводы из нападения и теперь нехило укрепляется. Вячеслав с видимым одобрением наблюдал за сушащимися рядами кирпичей, ждущих обжига, и штабелями очищенной древесины.

– Молодец, полковник, – ухмылялся в усы инженер.

Хрипунов хмуро обзревал стены посёлка, которые уже было не взять просто так, лихим наскоком, а только с помощью артиллерии и долгой осады.

Глава 10

Посёлок Новоземельский. Лето 7137 (1629)

За столом сидели Смирнов, Соколов и Хрипунов. Поначалу троица сохраняла молчание, каждый из них не решался начать сложный разговор. Наконец Смирнов нарушил тишину.

– Яков Игнатьевич, мы разграничили землю с Енисейским острогом.

– Я уже говорил, что мне нет дела до енисейцев!

– Насколько я знаю, здешние места выше Уды – место сбора ясака енисейскими людьми, так?

– Так, – буркнул Хрипунов.

– Вячеслав сказал мне, что вы брали ясак на нашей земле.

– Я послан на Ангару искать серебро из самой Москвы!

– Ну а какое нам дело до Москвы? – перефразировал казака Смирнов.

Тот аж задохнулся от возмущения.

– Государь наш, самодержец Всероссийский, великий...

– Подожди, в чём великость? У кого сейчас Киев?

– Ляхи...

– Смоленск?

– Сызнова ляхи, а пошто...

– Корела?

– Сvei взяли! Пошто ты об этом?

– Яков, ты же сам говоришь, великий, мол. Вот когда всех оккупантов из Руси выгонит – тогда и будет великим.

– Поганые вещи ты городишь и язык твой поганный! Да вас всех на дыбу... Не может царь за всем уследить, когда врагов полно со всех сторон!

– Ладно, Яков, не будем о грустном. Короче, дела такие: от Уды-реки вся местность – наша. Вы тут ясак не собираете. Мы не лезем за Удинский острог. Мы поставим форт... острог – то есть, напротив Удинского острога вашего енисейского воеводства. Говорить теперь там будем. В следующий раз мы не будем разговаривать, если вы пойдёте собирать ясак на нашей Ангаре. А что сегодня собрали – нам отдаёте. Всё, такие условия.

– Ну что ж, Бог вам судия. На Москву я отпишу про ваши безотчественные басни. А далее сил моих нет находиться тут.

Смирнов развёл руками и глянул на Вячеслава.

– Тогда не будем вас задерживать. Завтра с утра вас отвезут к вашим товарищам.

Вячеслав выглянул за дверь и позвал морпеха, караулившего на входе.

– Отведи казака в башню, он отдыхать будет.

Инженер вернулся за стол. С минуту друзья сидели молча. Смирнов ладонями потёр лицо и, подняв красноватые глаза на Вячеслава, произнёс с хрипотцой:

– Ну, что делать будем дальше, Андреич?

Тот, помедлив, не совсем уверенно ответил полковнику:

– Ты не думаешь, Андрей, что мы несколько перегнули палку в общении с представителями Москвы? Нужна ли нам прямая конфронтация? Мы не сможем сдержать тот вал, что будет накатывать на нас, а с каждым годом он будет всё сильнее.

– Думаешь, мы не сможем отбиться?

– Да, Андрей, именно это я и думаю. А если казаки подтянут артиллерию, а если придут войска? А что делать, когда у нас кончатся боеприпасы?

– Ну, допустим, с войсками тут у них не получится – ты сам слышал, в Московском царстве сейчас полнейшая задница и Сибирь осваивают полуофициально, силами казачьих

ватаг. А пушки нам самим надо клепать – трубы бурильных установок используем. Вот только заряды где брать, да затвор какой ставить – я об этом думаю.

– Намечаешь на московского литейщика? А будет ли он с тобой сотрудничать?

– Думаешь, не будет?

– Ну, допустим, будет. И что, ты будешь воевать с Россией?

Смирнов опустил голову.

– Не знаю, Андреич. Не знаю. Надо выстроить отношения. Стать чем-то, что больше нуля... А потом и разговаривать. Пока нас не смогут выбить отсюда – это факт. У нас есть время. Посмотрим. И, кстати, это тебе с литейщиком разговаривать, а не мне. Заберёшь его с собой, у тебя база для производства будет.

Вячеслав, подумав, кивнул. В конце концов – это логично, к тому же рядом железо.

– Ладно, Андрей, давай на более приятные темы. Я знаю, у тебя кроме Мышкиной ещё несколько девушек в интересном положении. Ты детский сад собираешься открывать скоро?

– Отличная идея, Вячеслав. Нет, я серьёзно. А что? Построим детский сад и школу в одном доме – в разных половинах. Будет чем женщин занять, да и ребята Радека не все себя нашли – некоторые руками работать совершенно не могут, но башка у них варит. Вот пусть со школой и возятся. А сейчас – за учебники принимаются. Нам же знания надо сохранить и передавать дальше – детям, внукам!

– Эка тебя занесло, – улыбнулся инженер. Налив себе ягодной вытяжки, он подошёл к закрытому полиэтиленом оконному проёму и, отодвинув край, с удивлением отметил:

– Гроза будет. Андрей, любишь грозу в начале мая?

Словно подтверждая слова инженера, в вечернем небе ярко сверкнула молния и ударил мощными раскатами гром. Тяжёлые капли воды забарабанили по земле. Люди в посёлке забегали, стараясь укрыться в домах от надвигающегося ливня. Вскоре небо окончательно потемнело и начался сильный дождь, перемежающийся с частыми ударами грома вслед ярким бликам молний. Под грозу начальники принялись ещё обсуждать белореченские новости и заботы.

Наутро пахло сыростью, воздух был чист и свеж, собственно, таким, каким он обычно и бывал. Смирнов, перед тем как проводить друзей к причалу, хотел показать инженеру пристроенный ещё вчера к хлеву загон для поросят. Вокруг него уже толпились люди, со смехом показывая на резвящихся в тёплой луже четверых поросят – одного будущего хряка и трёх его подруг. Полковник пообещал Вячеславу в будущем поделиться с ним приплодом, и товарищи, зайдя за гостем, пошли к Байкалу...

Хрипунов всю дорогу до острова молчал. Спустившись в лодку, которая доставила его к стоянке казаков, он лишь бросил цепкий взгляд на Вячеслава.

– Шкурки, что пограбили у наших данников, все грузите в лодку. – Это Новиков начал вживаться в роль.

Со струга берег держали на прицеле, хотя желания залить его свинцом ни у кого не было. Слава богу, что казаки не стали артачиться и честно отдали все уворованные у ангарских тунгусов шкурки пушистых зверьков – этого эталона ценности на огромных пространствах Сибири. Так меховой запас поселенцев стал наполняться. Казакам был оставлен наказ – уйти с той части реки, что контролируется посёлками. И впредь не появляться на Ангаре выше Удинского зимовья енисейцев.

В устье реки Белой встретили отряд Саляева с несколькими тунгусами, которые окапывались на берегах реки. Помимо стоящей башенки наблюдателей на холме у излучины Сазонов поручил Саляеву для обеспечения безопасности Белой выстроить редуты на высоких берегах реки. Вячеслав мысленно порадовался за своевременность этого строительства – проходящие мимо казаки увидят со стругов эту работу, оценят и сделают выводы. И пора бы уже и известняк вытёсывать для крепости редутов, да на плотках сюда доставлять.

Инженер обратил внимание на литейщика: Иван сидел хмурый, но бросал искоса уже отнюдь не волчьи взгляды – Кузьма постепенно забалтывал его, разводя на разговор. Это хорошо, а там глядишь, скоро и совсем притерпится к новому окружению. Главное, чтобы не сбежал, охранять его надо цепко.

После обеда за кружкой травяного кипятка Сазонов поведал Вячеславу о рейде Саляева. Тот с четырьмя морпехами на вёслах настиг струги казаков в момент, когда они встали у берега, чтобы забрать ясак у тунгусского кочевья, чьи охотники неосторожно вошли в контакт с казаками, будучи застигнутыми ими на реке. Подарив шаману и вождю кочевья нехитрые подарки, они привели тунгусов в формальное подданство московского царя. Когда казаки стали лагерем на острове, Саляев решил возвращаться в посёлок.

– Значит, мы с ним там и разминувшись, – походя сказал Вячеслав.

Морпехи отошли берегом к припрятанной в зарослях у реки лодке и поплыли домой, по прибытию доложившись майору.

– Мда, нехорошо это. Придётся тех тунгусов в другое подданство вводить.

Карпинский проснулся после ночной смены в поселковой охране от непонятного шума, доносящегося из соседнего, казацкого блока казармы. Хотя блок – это громко сказано: грубо сколоченные ряды топчанов разделяли лишь обитые брусом несущие балки помещения. Слышалась какая-то возня, сопение, а потом и ругательства. Явно различался сильный бас Конана-Елисея и какого-то молодого казака, которого Пётр по голосу не мог определить.

– Елисейка, сукин сын! Нешто ты... – голос казака резко замолк.

Карпинский оторопел: «Ёшкин кот, да что они там?!»

Пётр, резко скинув оленью шкуру, что служила одеялом, бросился к казакам. То, что он увидел, повергло его в состояние ступора на несколько мгновений. На сброшенном с топчана тряпье лежал самый молодой из казаков. И только увидев его, Карпинский вспомнил, что казаки звали его Черкас. Неестественно загнутая рука, бессмысленный взгляд, вздрагивающее тело. Из оцепенения Карпинского вывел тихий хрип смертельно раненного. Пётр метнулся к окну с напрочь оторванным полиэтиленом. Неловко спрыгнув с него, подвернув ногу – затекла во сне, чёрт! – он истошно заорал на весь посёлок:

– Елисея, суку, ловите! Он парня убил! Медика! Медика в казарму, быстро!

И похромал к сбегающим на его крики людям.

Дарья ковырялась в организуемом поселковом огороде, где агротехники высаживали в грунт и в теплицы овощную рассаду, привезённую казаками от огородников Енисейска. Тут была репа, морковь да капуста – всё это ох как пригодится людям! Агротехники – Олег и Тамара, уже находившаяся в интересном положении, негромко командовали бойцами из хозяйства, которые сооружали теплицы из деревянных реек и полиэтилена. Тамара организовала посевную в соответствии с приметами, коих она знала великое множество.

Овёс уже засеяли, так как овёс сеют, когда берёзовый лист распускается, пшеницу сеют, когда зацветет черемуха, однако не раньше, чем на дубе появится лист, гречиху сеют, когда захорошеет трава, картофель сажают, когда берёза позеленела да черемуха белая зацвела. Вот и получилось, что картофель будет высаживаться во второй декаде мая, пшеница в конце месяца, горох на неделе, а овёс уже засеяли, до гречихи ещё было далеко. Мелкий лук-севок и чеснок высаживали ещё в октябре – под зиму, так как хранить его было бы сложно.

– Парни, золу теперь несите. Там грядки делайте выше, бороздки глубже!

Внезапно к огородникам забежал встревоженный рабочий и, высмотрев Дарью, выпалил ей:

– Дарьюшка, давай быстрее, родная! Парня ножом в бок пырнули. В казарме лежит...

Дарья, всплеснув руками, стала быстро мыть в ведре запачканные от ковыряния в земле руки.

– Наташа, на перевязку всё готовь, инструменты, живо!

Вбежав в казарму, Дарья застала столпившихся вокруг умирающего казака людей, они ругались и вздыхали, жалея парня.

– Эх, Мишаня, что же ты так...

– Не жилец, паря...

– А ну, разошлись все отсюда! Нож не трогали? – Дарья пыталась нащупать пульс. – Ну хоть слабенький, ну давай! Борись! – не теряла она слабую надежду, опытом своим понимая, что парня не спасти.

– Да всё, представился он...

– Помер Мишаня...

Мужики поснимали шапки и начали креститься.

– Уйдите все отсюда! – истерически выкрикнула Дарья. – Пошли вон!

Так и не нащупав пульс, она пыталась сделать ему массаж сердца, пытаясь восстановить кровоток и заставить сердце заработать.

– Да без пользы это, девонька, – грустно произнёс седой казак, последним выходя из казармы.

Дарья не ответила, лишь быстро отерев пот со лба да поправив непослушную чёлку, продолжая работать.

– Где эта тварь?!

Елисея схватили только у реки, на причале. Он, лисцей прошмыгнув мимо морпеха у ворот, выскочил на берег и попытался стащить на воду лодку. Тут его стражники и повязали за несанкционированные манипуляции с плавсредством. Пока Елисея выспрашивали о цели водной прогулки, налетела толпа казаков и его начали убивать. Не бить, а именно убивать. Обалдевшие от подобного зрелища морпехи лишь чудом отбили Елисея, выстрелив по разу в воздух из пистолетов. Казаки требовали немедленно убить Елисея и были настроены весьма решительно. На шум выстрелов прибежал Сазонов и группа морпехов, которые еле отгёрли толпу казаков подальше от лежащего навзничь злодея.

– А ну, тихо! Никакого самосуда я не допущу, – спокойно сказал майор.

– Пошто защищаешь убийцу, майор?

– Отдай его нам, всего делов!

– Да подождите вы, сначала узнать надо, зачем он это сделал, – махнул рукой Сазонов.

Подошёл Вячеслав и ещё несколько человек, все хмуро уставились на избитого человека.

– Поставьте его на ноги. Водой плескните сначала, – приказал Вячеслав.

Елисея-Конана облили водой, а когда тот заворочался, поставили на ноги, придерживая, чтобы не упал. Вячеслав подошёл к Елисею вплотную.

– За что ты его так, Елисей?

Избитый запрокинул голову и, выплюнув кровавую жижу изо рта, ощерился осколками зубов.

– Ништо у вас не сдеется. Не сдюжите! Побьют вас вскорости.

– О чём ты? За что парня убил, сволочь?

Елисей молчал. Сазонову передали котомку, которую тот уже закинул в лодку.

– Обыскать его! – приказал Вячеслав.

– Одежу с его снимите, может он заховал в подкладку чего, – раздалось из толпы казаков.

Сазонов подошёл к стоящему в одном исподнем преступнику.

– Ты расскажешь нам что-нибудь?

Елисей безучастно молчал.

– Повесить, – коротко бросил Вячеслав и, развернувшись, пошёл в посёлок. Казаки одобрительно загудели.

Начальство посёлка было окончательно запутано дикой выходкой одного из гостей, выдавшего себя за друга и якобы заинтересованного в них человека. Теперь стоило подумать, что ожидать от остальных посланников с Руси. После случая с Елисеем их тут же изолировали, и если боярские дружинники не противодействовали этому заключению, то Никита и люди его отца отчаянно сопротивлялись тому, чтобы их заперли в башенный погреб.

– Это душегуб от Судакова Анисима, не наш человек! Мы не в ответе за его деяния! – кричал Никита запиравшим его в погребе морпехам.

– Что делать будем, Андреич? – спросил Сазонов начальника посёлка, наблюдая, как могучий ефрейтор накладывает запор на люк погреба. И тут же сам себе ответил: – Чую, хана настанет с такими гостями. Как котята слепые. Разведку бы замутить.

– Откуда её взять-то, – удивился Вячеслав, – да и кто в разведку пойдёт? Мы же как белые вороны! Или ты казачков хочешь использовать?

– Я бы не стал на них полагаться, – ответил Сазонов.

– А Кузьма?

– А что он? Он с Хрипуновым на ножах – ты это имеешь в виду?

– Ну да, думаешь, тоже не стоит доверять?

– Думаю, что рано ещё, Андреич. Так что пока мечты и только. Со временем всё придёт, а пока нам только тыркаться. Опытным путём, – невесело усмехнулся майор.

В котомке Елисея ничего особенного не нашли – кое-какие припасы да всякая мелочь личного характера. А вот распоротая подкладка кафтана явила на белый свет небольшой кожаный свёрток со скрученными листами плотной бумаги внутри. Прочитать что-либо было абсолютно невозможно – писавший Елисей использовал тайнопись, сущую китайскую грамоту. Сазонов предложил испытать Никиту – он, будучи представителем этой группы, должен знать, как прочесть подобную вязь.

Никита, борясь меж своим уязвлённым самолюбием и возможностью пригодиться этим странным людям, сначала дал выход скопившимся эмоциям и лишь потом, успокоившись и справившись о состоянии отца, сказал, что готов помочь. Однако прочесть он смог далеко не всё, расшифровке поддались лишь пара листов, остальное и для Никиты стало неодолимым препятствием.

– Ну говори, о чём он пишет?

– То, что я смог прочесть... Пишет о дороге до Ангары, острожках, количестве служилых людишек. О геройстве своём пишет.

– Интересно, хм. А дальше что? – поинтересовался Вячеслав.

– А далее не мочно мне прочесть, однако мыслю, что о вас пишет, – пожал плечами Никита.

– Логично. А что, Никита, отец твой прочёл бы? – озабоченно произнёс инженер.

– То не ведаю, – Никита плюхнулся на лавку и уронил голову на грудь. – Прошу вас не заключать меня в башню сызнава, да и людишек моих выручить оттуда нужно, мы не вороги вам, – глухо проговорил парень.

– А Елисей?

– Сей пёс изменой действовал, я отпишу на Русь об нём.

– Ладно, выпущу, но прежнее доверие заслужить надо будет, – решил Вячеслав, хлопнув ладонью по столу. Никита уверенно кивнул. – Ладно, Никита, ты иди, нам с майором поговорить надо. – И проводив глазами Никиту, обратился к Сазонову: – Слушай, Алексей, я со Смирновым это обсудил уже. Короче, ты поставишь острожек у нашей границы на нашем берегу Уды у впадения её в Ангару и останешься там главным. Таможня и погранзастава, так сказать. Народу вас там будет немного, может с дюжину. Вахтовым методом парни там будут – по три

месяца. Ваше задача – не пропустить чужого к нам незамеченным. Это очень важно. Возражения есть?

– Возражений нет, Вячеслав. Дело ясное... А кого мне дашь, Саляева, Новикова?

– Саляев с казаками будет заниматься сбором шкурок у туземцев. Новиков мне тут нужен, я же всё-таки не военный, мало ли что.

– Володя?

– Кабаржицкий? Да, на первых порах пусть он, а там посмотрим.

– Как с продовольствием будем решать?

– С собой возьмёте столько, сколько возможно. Приданные тебе тунгусы будут охотиться, у Владимира с рыбалкой неплохо. По возможности будем вас снабжать. В здешних лесах трудно с голоду умереть. Хотя мясо и рыба мне порядком поднадоели, картошки хочется, чёрт возьми! Но пока нельзя! Всё на высев.

– А когда она, появилась на Руси, при Петре вроде? – улыбнулся Сазонов.

– Ну да, мне рассказали, что Пётр отправил мешок картошки из Голландии в Россию только в конце этого семнадцатого века. Да что Пётр, ещё при Екатерине Великой у картошки не было шансов. А в девятнадцатом веке ещё были картофельные бунты.

– Кабаржицкий рассказал? – засмеялся Сазонов.

– Ага, он самый. Вот смешно получится, если картошка в Россию придёт не из Европы, а из Сибири! Занятная коллизия, а? Хе-хе.

– Да уж, это точно. Может, и Бекетову потом подкинем картошечки? – предложил майор.

– Ну это как дела наши с ним пойдут. Точнее не совсем с ним, мужик-то он неплохой, а с Московским царством.

– Ох, надеюсь, что всё ладно будет, – после некоторой паузы сказал Вячеслав, оглаживая бороду.

– Хорошо бы... Ладно, пойду готовиться к отбытию. Ты когда планируешь меня послать-то, Андреич?

– На неделе, Лёша, не торопись. Мы ещё десять раз всё обдумать успеем.

Мишку Черкаса, убитого Елисеем, похоронили на высоком берегу Белой со всеми почестями: сколотили гроб, сделали оградку и поставили православный крест над могилой. Казаки за такое отношение к убитому казаку очень уважали начальство посёлка, присутствовавшее на похоронах. А Елисей так и остался висеть на суку в перелеске недалеко от посёлка. Собаке – собачья смерть.

Ивана Репу, литейщика, сцапанного Новиковым у хрипуновцев и вывезенного в Белореченский посёлок, вызвали к воеводе Ангарского края. Так Вячеслава представил Ивану Кузьма, ставший теперь казачьим атаманом. По случаю атаманства Кузьме выдали невиданные доселе штаны со множеством карманов, отличный кожаный ремень, высокие ботинки с мощной подошвой, а самое главное – небольшой для его лапищи пистолет с двумя обоймами и нож с широким лезвием. Нацепив всё это великолепие да рассовав свою мелочёвку по карманам, Кузьма Фролыч стал напоминать современного для двадцать первого века робинзона-спецназовца. Посмотреть на этого загорелого на майском солнце мужичину с мощным волосатым торсом и серьгой в ухе сбежались почти все жители посёлка. Они смотрели на него с таким нескрываемым удивлением и уважением, что Кузьма вконец стушевался и нацепил рубаху, чем вызвал несколько разочарованных женских вздохов. Для своих Кузьма теперь стал исключительно Кузьмой Фролычем и для всех девятнадцати человек непререкаемым авторитетом.

Иван зашёл в светёлку к воеводе, снял шапку, сложил двуперстие и, чертыхнувшись на отсутствие красного угла, подошёл к столу, приглашаемый жестом воеводы.

– Здравствуй, Иван, – начал разговор Вячеслав.

– Здорово, воевода, пошто звал? – спросил Репа, уже догадываясь о теме разговора, не дурак, мол. Вячеслав внимательно смотрел на Ивана, щуря глаз и поглаживая усы. – Воевода, ты хочешь рудное дело для себя учинить? – решил взять быка за рога Иван.

– Да, Иван, но ты не спеши. Сначала расскажи о себе, о семье своей.

Иван опешил, зачем ему это надо знать? Допрос желает учинить, но зачем? «Ну да Бог с ним», – решил Иван и, пожав плечами, начал рассказ.

– Отец мой, Михайла Васильевич, родом из Дмитрова, кузнецом был, а на войне с ляхами сгинул без следа. Матушка, Ольга Микулишна, с псковской украины, жива, слава Богу. С братьями моими живут в Дмитрове, в посаде. Браты по отцовому завету кузнецы оба, детишки тож к железу тянутся сызмальства.

– Ну а ты как в Москве оказался?

– Я... меня Акинфий, старшой брат, после того, как отец сгинул на войне, послал к дядьке Игнату в Тулу, подмастерьем. Ну а там, как выучился ремеслу, так в Москву и подался, а опосля и в Литейный приказ, плавильщиком.

– Так сбежал от дядьки-то, получается?

– Ну да... сбежал, точно, – засмутился Иван.

– Обратно, поди, хочешь?

– Да не особливо.

– Ты в рудах разбираешься? – спросил воевода заинтересованным голосом.

– Ну да, ужель с железом работал бы?

– Отлить железо сможешь?

– Смогу, что ж не смочь.

– А пушку?

– Дык, это пушечный литейный двор нужен, токмо там возможно пушку отлить.

– А ты можешь такой двор сделать? – подался вперёд Вячеслав.

– Один?! – замахал руками Иван. – В уме ли ты, воевода? Сколько всего нужно: составить форму, расположить печь, отлить, сверлить, да высверлить затравку, поправлять, смотреть и пробовать – да под силу ли мне сие?

– Нет, конечно, но мы поможем!

– Ну, ежели, oprичь меня будут людишки, знающие сие дело крепко, то возможно и сработать дело пушечное. Да только откель ты ведаешь, что возьмусь я за дело сие? – усмехнулся Иван воеводе.

– А что, разговоры вёл бы со мной, кабы не стал?

Иван, почесав вихры, подмигнул Вячеславу:

– Не, пожалуй, не стал бы.

– То-то и оно.

– Я что ещё подумал, воевода...

– Говори.

– У вас струг один совсем плох – борта воду пускают, а чинить сие нечем. Надо бы смолокурню ставить, а струг тот на берег вытащить.

– Да, верно говоришь, дело нужное, я мужиков тебе в помощь дам, сделаете. Но ты в первую очередь о железе думай.

– Хорошо, ну пойду я, воевода?

– Что «пойду»? Вместе пошли.

На Ангаре стояли последние майские деньки, изредка вечерами бывал и дождик. Лето сулило быть солнечным и погожим. Дела у огородников шли очень даже неплохо, рассада прижилась практически вся, погибло лишь несколько ростков, те, что не выдержали пути. По сло-

вам почвоведов, урожай обещал быть, и хотя он был предназначен под последующие посадки, люди были готовы терпеть и ждать.

У речного причала на Белой с утра было столпотворение. На струге новгородцев поднималась ясачная команда – дюжина казаков, собравшая все доспехи, и свои, и новгородцев, их же пищали и порох. Внушительным дополнением к ним была шестёрка морпехов, экипированная бронежилетами и касками. Саляев захватил даже несколько гранат на крайний случай. Помимо сбора ясака и приведения туземцев в подданство, у Саляева была ещё одна задача – провести, насколько это возможно, перепись кочевий и поселений туземцев на Ангаре и наиболее крупных её притоках. Саляев, вместе со старшим экспедиции – Кузьмой Фролычем, заранее отметил на карте, в какие притоки они будут заходить. С собой они брали и четвёрку молодых тунгусов – для полноценного общения с туземцами и возможной охоты в пути следования экспедиции.

Огромное, яркое солнце играло весёлыми бликами на золоте высоких куполов белоснежного красавца-собора. Тёплый, сладкий до одурения ветерок приветливо гладил вихры, обволакивая тело нежными невидимыми объятьями. Хотелось закричать от удовольствия, эдак на весь мир – поделиться с ним своей радостью. Хорошо жить! С изумрудного холма, на котором стоял собор, открывался поистине волшебный вид на окрестности, казалось, что крест собора упирается в небесный свод, а снизу всё кажется таким маленьким и суетным. Вот выётся синей лентой река, огибая ярко-зелёные луга, на которых пасутся бурёнки, а вон меж лесом и лугом раскинулось родное село. А у самой околицы стояла тонкая фигурка девушки в красном платочке.

– Никак Пелагеюшка вышла?

Захотелось полететь к ней, как на крыльях, обнять, прижать к себе и не отпускать. Никогда.

– Любый мой! – почудился ему девичий голосок.

Не раздумывая, он побежал вниз по склону, ноги сами несли его, земля под ногами не чувствовалась. Посмотрев под ноги, он понял, что парит над землёй. Он летит к ней! Летит!

– Афанасий!

– Да! Пелагеюшка! Счас я, мигом!

– Афанасий!

– Да, милая моя, лечу!

– Афанасий, чёрт! Боров, ты никак не очнёшься что ль, куды лететь собрался?!

Хмелёв рывком сел на лавке, протирая ослепевшие от сна глаза.

– А... Пелагея?

– Дурень ты! То Василько, сотоварищ твой, окстись.

– А-а, сподобил отец небесный на сон душевный, а ты, вражина, попортил всё! Вот я тебе задам! Пошто разбудил, морда?

– На том берегу твои давешние знакомцы лес рубят. Строить нечто учинять собираются. Десятка два, поди, будет их.

– Эка, – удивлённо поцокал языком казацкий десятник.

Казаки вышли к устью реки Уды из зарослей высокого кустарника, а прибрежная осока, казалось, надёжно скрывает их от взглядов с того берега. Там, где деловито и споро валили лес недавние знакомые Хмелёва.

Сазонов держал в руках план Усть-Удинского форта, который вычертил сам Вячеслав. Форт представлял собой правильный квадрат с четырьмя выдающимися из стен угловыми башнями. Разметив площадку под укрепления, люди принялись расчищать её от свежих пней,

кустарника и прочей растительности. Затем предстояло окопать ровики под частокол, выкопать погреб под будущей казармой и башенные подвалы. Но это потом, а сегодня надо было разметить и расчистить место под строительство. Форт должен будет встать на самом кончике полуострова, образованного слиянием Уды и Ангары, на высоком удинском берегу. Неожиданной проблемой стало несоответствие карт местности и реалий этой самой местности. Дело в том, что карты двадцать первого века давали картину Ангарского края после строительства нескольких гидроэлектростанций, которые заставили Ангару в своё время разлиться гораздо шире, чем она была до этого, образовав водохранилища и при этом затопив некогда населённые пункты, плодородные земли Приангарья и речные пороги. В реальности была совсем другая картина, тут и островки на Ангаре, тянущиеся порой на сотни метров, пороги и луга, ждущие плуга. Расположенное на удинском острове зимовье енисейцев с места будущего форта не было видно, будучи расположенным в паре сотен метров от предполагаемого строительства.

– В принципе, место совсем неплохое, – сказал Кабаржицкий, оглядывая Ангару и расстилавшееся, на сколько хватало взгляда, зелёное море леса.

– Верно, – ответил Сазонов, морщась от яркого солнечного света.

– Товарищ майор! На том берегу в траве казаки стоят. За нами наблюдают, ховаются, – доложил прибежавший морпех из охранения.

– Ну и помаши им ручкой, Слава, – улыбнулся Сазонов.

– Как это?! – недоуменно протянул морпех.

– Приветливо! – рассмеялся Кабаржицкий.

Иван Микулич сидел на лавочке, греясь на майском солнце. Сегодня был первый день, как он начал вставать. Иван шёл на поправку, хотя ещё недавно он считал, что все потуги медиков посёлка будут бесполезны и он скоро помрёт. И хотя он был ещё очень слаб, еле ходил с палкой, да и его надо было поддерживать, чтобы он не завалился на раненый бок, Иван уже знал, что он непременно поправится. Смертная маска спала с его лица, и уже робко пробивался лёгкий румянец.

Вячеслав решил поговорить с ним. Нужно было расставить все точки над *i*, наконец, объяснить с новгородской партией и обговорить вопросы возможного сотрудничества. Сотрудничества, которое могло стать взаимовыгодным и неким образом повлиять на историю и граждан Российской Федерации и Московского царства. Вячеслав понимал возможные последствия такого взаимодействия.

– Здравствуйте, Иван Михайлович, как ваше самочувствие?

– Здоровье моё милостию Бога, в троице славимого, да руками ваших врачей-лечителей всё лучше становится. А ведь и не чаял я свету небесного увидеть сызнова, ужо и с сыном простился, а оказалось, что не помру я. Зашили бок мне, всю скверну отседа вычистив.

– Что собираетесь дальше делать? Ведь вы, наверное, уже знаете, что мы никакие не новгородцы. У нас есть только один парень с Новгородчины, из Боровичей.

Иван ухмыльнулся, махнул рукой:

– Да хватит ужо об этом. Знаю я, Никитка сказывал.

– Тогда будет проще. Я просто объясню ситуацию. Нам нужны люди, много людей. Крестьяне крепкие, ремесленники. Мы можем им предложить плодородные земли, пустующие без хозяина. Леса и реки, богатые зверьём и рыбой. Никаких налогов или податей первые годы. Приходи да живи. – Вячеслав сделал паузу, но Иван не торопился с ответом. – А если у вас есть оборотистые и хваткие купцы, то мы проведём караваны в Китай. Торговлю можно будет вести напрямую, прибыль возможна большая, чем при перекупке. Что думаешь, Иван Михайлович?

– Есть у нас и людишки, на земле крепкие, и купцы хваткие, до прибыли жадные. Но ить, может, и прибудут до вас люди, а может, и нет. То одному Богу вестимо.

– Надо объяснить так, чтобы поехали.

– Я не смогу поехать, дабы объяснить людишкам. Никиту надо слать.

– А что делать с легендой... А, то есть с тем, что, ну... Там, на Руси, нас знают как новгородцев?

– Да, и я думаю, что нет нужды допрежь правду давать. Токмо опосля учиним правдивые речи вести, как людишек переманим. Буду с Никитой говорить, как ему на Руси разговоры вести, да к кому ехать для торговлишки. Опречь тверских есть и в Москве людишки, и в Новгороде древнем, и в Устюге Великом.

– Рад, что мы поняли друг друга. Никита сейчас с Иваном Репой, я пришлю его к вам. А когда думаете отправить его на Русь?

– До конца лета надо достичь Тобольского городка. Стало быть, через седмицу-другую надо выходить на реку. Надобно будет сшить лодочку, чтобы четырёх мочно управляться с нею было.

– Сшить? Как это сшить?

– А вы, поди, не знаете, как мы сие учиняем. Сами увидите.

За два дня была сделана лодка – широкая и остойчивая, в качестве материала, связывающего доски, были использованы еловые корни, немного проваренные в смоле. В лодке была сделана небольшая каютка, чтобы двое гребцов могли отдыхать, а двое – работать.

Смолокурня, устроенная Иваном Репой и Жданом на обрыве берега Белой, дала первый продукт. Эта конструкция была проста и удобна, наколотые смольные чурки складывались в яму лучами – вниз и внутрь, сверху обкладывались щепой, поджигались. Сверху укладывали дёрн, внутри происходило медленное тление, постепенно сползающее вниз, а по устроенному жёлобу постепенно стекала полученная смола. Как пояснил Иван, этот метод самый простой и позже смолокурню устроят по-иному, но так как смола нужна сейчас же, то они устроили наиболее лёгкий способ её получения.

После устройства смолокурни Вячеслав отвёл Ивана и Ждана туда, где он в прошлом году нашёл место, подходящее для поиска железных руд. Оказалось, что да, место было неплохое и с добычей можно справиться. Но всё упиралось в недостаток людей, свободных рабочих рук. Тунгусы для этой работы совершенно не годились, а рабочие мужики и так большую часть были заняты на различных работах или на охране посёлка. Поэтому сначала составили план кузницы, набросали на бумаге всё необходимое для того, чтобы устроить литейную. Вячеслав собрал тех рабочих, что знакомы были с железным делом. Таковых оказалось немного, решили пока освободить их от иных работ и сначала, устроив кузницу, попробовать повозиться с рудой.

– Есть тут железная руда, с глиною, мелким песком да известковым камнем мешанная. Гибкое и жилованное железо, будем промывать руду водою, – заключил Иван Репа.

Так, сформировав и установив принципы работы команды по железу, Вячеслав теперь хотел разобраться с посылаемым на Русь Никитой. Стоило сесть и обговорить с ним и его отцом всё то, что касалось нужд посёлков. Задачу упростили до двух пунктов: люди и торговля. Людей-переселенцев согласились набирать из одного центра, дабы не заметили онтого непосвящённые люди. Заниматься этим будут по новгородским весям люди Петра Авинова из самого Великого Новгорода, а в Москву отправится Никита, в гости к Савелию Кузьмину. Ему предстоит сложная задача – заставить купца раскошелиться на организацию караванов до китайских пределов, да набрать людей – торговых и ратных.

Через три дня ранее оговорённых сроков Никита с товарищами уже отчаливал с берега реки Белой. Набрав провианта и простившись с отцом и новыми друзьями, Никита сел за вёсла. С ним уходили Сахно и устюжане Савелий и Дружина.

– Сахно, береги Никитку крепко, на тебя надежда моя наипервейшая во всём, – говорил ему Иван. – А ты, Никита, слухай его и не перечь. Помни! – кричал уже старший Микулич сыну.

Тот, встав, поклонился родителю в ответ. Через несколько минут лодка скрылась с глаз.

Ангара. Июнь 7137 года (1629)

Жалобно блеяли овцы, слышался детский плач и визгливые женские голоса. Едкий дым лез в нос, щипал глаза, и Саляев машинально отшатнулся от зева дверного проёма в чуме.

– Да как они тут вообще находиться могут? Издевательство над организмом какое-то!

В большом чуме, полностью окуренным дымом, сидели, поджав ноги, вождь и шаман очередного кочевья тунгусов.

– Они ошибаются, если думают, что мы туда полезем, – выразил общее мнение Саляев.

– Твоя правда, Ринат. Неча там делать, – согласился Кузьма, сунувшийся было в чум и опрометью выскочивший оттуда.

За полторы недели пути ясачной командой было описано двенадцать кочевий туземцев: три тунгусских и девять бурятских. В каждом из них было примерно одинаковое количество людей – от двухсот до трёхсот ртов. Собранный ясак был упакован и рассортирован и со всей тщательностью уложен на корме струга, поверх этой груды меха был накинута брезент. Шкурки соболя, горностая, белки, лисицы перекочёвывали из рук охотников в загребушие руки казаков. Каждому вождю заявлялось о том, что они отныне находятся под властью воеводы Ангарского края.

Следуя установкам, полученным у Смирнова, Саляев и Кузьма Фролыч объявляли озадаченным вождям о полном запрете междоусобных войн и конфликтов, об отмене кыштымства, о том, что все вопросы будут решать представители власти Ангарского края. Отныне все шкурки должны сдаваться в крепости Байкальска, что расположен у Шаман-камня. И что шаманить у священного места дозволялось только тем, кто сдали ясак. Хмурым вождям объявлялось, что нарушителей этих условий ждала печальная участь вождей Хатысмы и Немеса. На что вожди уже угодливо кивали, бесславный конец некогда сильных вождей был хорошо известен всем кочевьям на Ангаре. В качестве ложки мёда объявлялось о том, что отныне все переписанные кочевья находились под защитой и, при случае нападения, обидчики будут караться быстро и решительно. Также в скором будущем в обмен на мех будут выдаваться железные изделия, ножи и прочая утварь, так необходимая туземцам.

– Вам должно принять это как закон Божий, а ежели будете артачиться, то пеняйте на себя или откочёвывайте отседа далече, – Кузьма наставительно говорил поселковому тунгусу, что переводил его речь вождю и шаману.

Те окончательно скисли. Однако, как и все остальные двенадцать кочевий, открытой враждебности не проявили. Конечно, они будут ещё обсуждать такие резкие перемены в своей размеренной жизни. Но главное людьми Саляева уже было сделано. Новая власть показала себя.

А наиболее благожелательно настроенные к пришельцам из малочисленных кочевий даже отпустили с ними своих сыновей – набираться опыта и учить язык новых хозяев Ангары. Таким образом, к отряду присоединилось двое молодых тунгусов.

К концу второй недели этого путешествия нагруженный добычей струг вошёл в бухточку форта Байкальска, ключа от ворот Байкала, по выражению Смирнова.

К сожалению, на завершающем этапе ясачная команда не обошлась без эксцессов – два кочевья дали сборщикам отчаянный отпор. По всей видимости, они были предупреждены заранее. От действий казаков и морпехов зависел общий успех предприятия, поэтому они действовали жёстко и быстро. Остатки этих двух кочевий покорились без слов, но и у казаков было трое раненных стрелами да один морпех получил ранение копьём в предплечье.

– Кто-то идёт по реке, – заглянул в горницу бородач-рабочий, – на холме хворост запалили.

– Угу, иду, – Васильев с сожалением отложил нож и только недавно начатую заготовку ладьи. – Ещё недельку и можно начинать пашки...

Бросив на стол рассеянный взгляд, Васильев снял висящий на спинке стула АКС и, захватив пару морпехов, направился к пристани. Речной кораблик уже показался, подгребая к пристани.

– Да свои вроде, – предположил один их морпехов.

С поравнявшегося с причалом струга спрыгнул огромный бородатый морпех с серьгой в ухе. Васильев, оторопев, судорожно щёлкнул затвором. Морпех оказался ряженым, а к нему шёл чужак!

«Погибли все! А эти уже обрядились в их форму, сволочи!» – вихрем пронеслось в голове мичмана.

Но за бородачом на причал спрыгнул Саляев, и Николай облегчённо вздохнул.

– Здорово, Ринат! А это что за здоровяк?

– Очканул, Колян? – рассмеялся болгарин. – Да ты не знаешь ещё ничего! Это наш казачий атаман Ангарского войска. Войско, правда, ещё небольшое, но у нас всё впереди, – Саляев подмигнул подошедшему товарищу.

Васильев протянул руку здоровяку, представляясь:

– Николай, начальник местного острога.

– Усольцев, Кузьма Фролыч, – пробасил казак.

– Ну вот и ладушки, – хлопнул обоих по плечу Ринат. – Пойдёмте, что-нибудь съедим по этому поводу.

Глава 11

Енисейский острог. Июль 7137 года (1629)

Громко трещали ночные сверчки, глухо брехали псы да казаки, изредка перекликаясь, подкладывали хворост в весело трещавшие деревом костры. Острог, не считая дозорных, уже спал. Однако окошко воеводы светилось в этот ночной час.

Пламя свечи отбрасывало причудливо пляшущие тени на стены, по светёлке гулял тёплый ночной ветерок. Воеводе не спалось, сегодня, помимо собранного за зиму на Тунгуске енисейскими казаками ясака, да нескольких привезённых бурятских аманатов, было доставлено промеж всего письмецо из Удинского зимовья. Воевода прочёл его лишь к ночи, уже собираясь ложиться спать. Однако теперь ему было не до сна, ещё бы, такие вести с самой украины владений Енисейского воеводства!

Боярин Шаховский, присланный на енисейского воеводство заместо отправленного в качинскую землицу Аргамакова, сидел за грубо сработанным столом, на котором ворохом были накинаны бумаги, письмо же из зимовья было придавлено по краям, дабы не свернулось. Писал то письмо казацкий десятник Афанасий Хмелёв, воспитывавшийся при монастыре, от того и грамотой владевший. Написанное десятником воскресило в памяти Шаховского случайно услышанные разговоры казаков о неких людишках на Ангаре, уже бывших там до Бекетова, с коими он вёл разговоры. Не придав тогда этому значения, сегодня он схватился за голову. А десятник писал зело странные и тревожные вести.

«...а что до того, как они появились, то мне не ведомо. Однако ж ясно, как Божий день, что допрежь нас. Нынче же они поставили супротив нашего острожка свою крепостишку, зело крепкую, хотя и малую в размерах. На плотях да стругах возят они белый камень для стен, да и башенки обкладывают оным. Тако же и посередь Ангары на острове длинном ставят они острожек малый. Не желают они, чтобы на Ангару-реку ходил кто, хотя к нам у них сердечность и расположение. Нам, холопам царским, бывает вспоможение дают, ежели у нас трудность какая учинится. А украину свою те люди крепят, думается мне, токмо из-за нашего явления на реке ихней. Нет у них алчных желаний на ясачные землицы наши, как они говорят...»

Крепко задумался Шаховский, и было от чего задуматься. Это же надо – на самой украине его воеводства зело непонятные людишки явились. И что прикажете с этим делать? А почему прежний воевода – Аргамаков Василий не сказал ему об этом? Почему Бекетов, воевода мой, не говорил мне об этом? И тут его осенило. Измена!

Не зря слышал он о подарке царском Бекетову, о коем гутарили казачки. Поэтому и молчит атаман, всё сходится – в сговоре они с людишками ангарскими. Опальный боярин сам чувствовал измену, не хуже ищейки, чувствующей лисицу. Вот отпишет он сибирскому воеводе о найденной измене в недавно принятом воеводстве – и будет ему прощенье. Выйдя из светёлки, он чуть не споткнулся о ноги спящего на лавке десятника. Шаховский разбудил его, пихнув сонного казака красным сапожком.

– Проснись, Матвейка, подлец, всё бы дрыхнуть тебе да от службы увиливать! Иди до Петра Ивановича да скажи, что воевода велел идти к нему сей же час!

Провожая его тяжёлым взглядом, Степан Иванович думал о том, как вести с атаманом разговор и не стоит ли кликнуть пару стрельцов в помощь. А то удумает атаман противиться да учнёт руками махать, а одному воеводе с ним не совладать.

Шаховский вошёл в горницу, где на лавках храпели служилые стрельцы, пришедшие вместе с ним из Тобольского городка. Тихонько разбудив двоих более дюжих, он, посулив по денежке, поднялся с ними в свою светёлку.

– Хлопцы, токмо всё, что вы здесь слышаете, то тут и оставите. Не вздумайте болтать средь людишек, а то пожалеете!

– Что ты, воевода, окстись! Нешто совсем к нам доверия нету?

– Ну и добро, хлопцы.

Шаховский, сев за стол, кивнул стрельцам на лавку у двери. Те молча сели, оглядывая светлицу воеводы. Скоро вошёл и Бекетов, а сунувшемуся было следом за атаманом казаку воевода крикнул:

– А ты куды, пёс! Не звал я тебя.

Бекетов хмуро посмотрел на Шаховского и спросил:

– Пошто звал посреди ночи, Степан Иванович? Али случилось чего?

Стрельцы меж тем заметно подобались.

– Может, и случилось, Пётр Иванович, да токмо вот опричь Бога то никто не знает.

– Не понимаю речи твои, воевода. Прямо говори, что надо.

– Почему не сказывал мне о людишках ангарских? Ведаешь ли то, о чём покаяться должен, али утаивать будешь?

– Да что ты несёшь...

– В сговоре ли с ними и какую крамолу в сердце своём носишь?

– Да ты сдурел вконец, что ль, воевода? Столь окаянные речи вести? Об людишках ангарских отписали мы с прежним воеводой, Василием Аргамаковым, на Москву, царю нашему, самодержцу! Ты же сидел в Тобольске, в приказной избе, ведать о том должен!

– В прошлом годе я в Тобольске обретался, то верно. Но средь писем из Енисейского острожка опричь ясачных да приказных вашего не было!

– Думаешь, я лжу тебе сказываю?!

– И не думаю, а знаю то крепко, оттого и говорю тебе оное.

Бекетов недобро сверкнул глазами из-под густых бровей. Ничего не ответил, лишь сжал кулаки до побелевших костяшек да зубами скрипнул от злости нахлынувшей за слова наговорные. Стрельцы, почуяв момент, вскочили с лавки, ожидая приказа. Пётр Иванович, резко обернувшись, гневно выпалил им:

– Что, сукины дети, вскочили, аки гадом ужаленные? Небось, заплатил вам воевода за дело собачье? Ишь, резвые какие!

– Ты, атаман, не ярись. А лучше сказывай, куда подарок от ангарских людишек запрятал? Пошто не кажешь его нам? – глаза воеводы блеснули алчным огоньком.

– Не твоё то дело, воевода! – тихо, еле сдерживая готовую вырваться наружу диким зверем злобу, ответил Бекетов.

– Нонче же моё дело уже. Измена! Вяжи его, хлопцы!

Стрельцы разом накинлись на атамана.

Матвей, увидев Шаховского, который с напряжённым лицом ожидал Бекетова в компании двух дюжих стрельцов, тут же смекнул, что привёл атамана в заранее продуманную воеводой ловушку. А услышав сквозь дверь разговор на повышенных тонах атамана с воеводой, уверился в своём предположении. Он метнулся во двор, чуть не налетев на мирно дремлющего пса, а затем побежал в полуземлянку, где храпел его десяток.

– Братцы! Воевода нашего атамана хочет под крамолу подвести, ужо и стрельцов своих привёл, дабы Петра Ивановича повязать, да в поруб кинуть! Да просыпайтесь же, атамана выручать надо!

Казаки сонно потягивались, не сразу поняв, о чём крик.

– Матвей, ты погоди. То дела воеводские, не нашего ума это.

– Верно, а то и нас подпишет под крамолу...

Своего десятника поддержало лишь четыре казака, что, обувшись, сразу пошли на двор.

– Пошли ужо, Матвей, о чём мочно с ентими пентюхами гутарить, квашня!

Десятник, схватив свой шестопёр, выскочил из полуземлянки, оставив казаков в полном недоумении переговариваться меж собой.

Первого стрельца Бекетов, пригнувшись, встретил плечом, тут же ударив опешившего противника кулачищем в нос, добавив с другой руки в челюсть. Тот, промычав нечто, завалился на лавку. Второй, однако, даром времени не терял, обрушившись на Бекетова с другой стороны, нанося мощные удары своими кулаками. Вылез из-за стола и Шаховский, тут же бросился на атамана и массой своего тела завалил того на дощатый пол. Падая, оглушённый Пётр Иванович с размаху приложился затылком о сундук, стоявший у окошка и теперь лишь вяло выставлял руки, чтобы уберечь голову от наносимых ударов.

– Вот я тебе, погодь токмо, – прорычал первый стрелец, вытерев рукавом кровавую юшку из разбитого носа.

Он вытащил из груды тряпья, лежащей в углу светлицы, шёлковый шнурок, намереваясь связать Бекетову руки, и, повернувшись спиной к двери, направился к продолжающейся свалке. В это время сзади неслышно отворилась дверь, и Матвей, заглянув в комнату воеводы, мгновенно оценил ситуацию. Решительно войдя в светлицу и перекинув шестопёр в другую руку, он с ходу залепил оглянувшемуся на звук открываемой двери стрельцу по носу, от чего тот, взыв и отшатнувшись, бросился было на казака, но, увидев шестопёр на замахе, тут же отскочил к окошку. Указав казаку из своего десятка шестопёром на стрельца, обливающегося кровью из совершенно разбитого носа, Матвей со вторым казаком направился к закончившейся уже драке. Он с испугом увидел лежащего навзничь атамана с разбитой головой и лужей тёмной крови, натёкшей из нескольких ран.

Шаховский, тяжело дыша, поднимался с колен, оставляя стрельцу вязать бесчувственное тело атамана. Возникший перед ним казацкий десятник с широко раскрытыми от изумления глазами, разъярил его вконец! Как посмел этот мужик войти сюда?!

– А ну пшёл отседа, пёс, убью! На заступничество изменника государева идёшь, да ты сам с ним, поди, в сговоре?

Схватив со стола медную чернильницу с фигуркой прыгающего льва, он, яростно рыча, попытался ударить десятника по вихрастой голове, но казак уклонился, воевода лишь только обдал ему лицо и ворот чернилами.

Лицо казака стало каменным, воевода же повторил замах – и снова неудача, замахнулся в третий раз – и тут же в его глазах вспыхнул и мгновенно померк ослепительный свет. Моментально настала гробовая тишина, перестал всхлипывать разбитым носом стрелец у окна, замер, судорожно дёрнув головой, второй. Немигающим взглядом он уставился на Матвея и стал отчаянно пытаться вытащить причудливо изогнутый засапожный нож.

– Путы сними с атамана, – хрипло произнёс Матвей.

Стрелец бросил затею с ножом, быстро освободил руки Бекетову и отошёл в сторону.

– Бежать надо, Матвей, подальше, нам это так не оставят, – пробасил стоящий в дверях казак.

Десятник молча кивнул и позвал казаков:

– Братцы, возьмите Петра Ивановича на руки. А вы, Бог вам судия, не хочу вашей крови за кровь нашего атамана, живите уж, сукины дети.

Енисей, берег за острожной пристанью

Никита и Сахно, тихонько переговариваясь, сидели у костра, на самом берегу Енисея. Лодку они решили бросить тут же, прятать не было смысла – в обратный путь будет нужен струг или лодия, а не малая лодчонка. Назавтра следовало договориться насчёт телеги до Томского городка, а там уже до Тары и по Иртышу до Тобольска. Никите не спалось, в отличие

от храпящих устюжан, да и Сахно не прочь был почесать языком, благо ночь стояла тёплая и располагающая к неспешному разговору.

– Говорю тебе, то наша родная вера, отчая, самой земли нашей вера. А енто – греческое ученье, силою установленное, да отцов наших позабыть указующее, – в который раз наставлял Никиту Сахно.

– Погодь, Сахно, не наводи напраслину – нет такого указания ни в житиях святых, ни в Библии. Сколь много средь людей отчую веру исповедующих, и нет у христиан к ним вражды, яко есть средь латынян поганных. Каждому – своё и... – Никита уставился на замершего Сахно, который прислушивался к чему-то.

– Идёт кто-то к берегу, несколько человек идёт, тяжело идут, – негромко сказал Сахно.

Пихнул устюжан и, прихватив саблю, отошёл в сторону от освещаемого костром пространства. Никита, почувствовав холодок в душе, направился за ним.

С пологого берега показались несколько человек, первый нёс факел в руках. Идущие следом были тяжело нагружены, они, несомненно, несли чего-то тяжёлое, носилки?

Факелonosец, увидев костёр на берегу, решительно направился к нему. Обвёл взглядом хмурых дружинников и прошёл дальше, к самому берегу, осветив, насколько это было возможно, лодку.

– Ваша лодка? Кто сами будете?

Устюжане молчали, поглядывая на прибрежные кусты, где скрылись их спутники. Сахно вышел, а за ним и Никита.

– Наша ента лодка, а сами мы ночь переживаем, чтобы поутру на Томский городок путь вести. Ежели вам наша лодка любя – забирайте, нам она без проку уже будет, – заявил Сахно.

– Вот как...

– Куды вы на ночь глядя-то?

– Не твоего ума дело, не лезь!

Сахно, поглядывая на пищали и сабли, предпочёл замолчать, однако не смог сдержаться, с трудом узнав в лежащем в носилках человеке Бекетова.

– Атаман енисейский, Пётр Иванович? Что же стряслось-то?

– Воевода люзует, – брякнул кто-то из казаков, – да отлютовал своё, паскуда.

– Дурень, чего несёшь, Бажень! – в сердцах крикнул Матвей. – Яко баба треплешь языком, счас как вырву тебе его!

Никита был наслышан о Бекетове, – воевода ангарский, Вячеслав, говорил о нём с уважением немалым. Оценив ситуацию, он бросился к привязанной лодке, подтянул её и заговорил с Матвеем:

– Уходите по Тунгуске на Ангару! Опосля порогов дальних подымайтесь вверх, до пределов Ангарского воеводства! Там воеводе Вячеславу поклонитесь, он поратует!

– Не ведаю о сём воеводстве, – с опаской ответил Матвей.

– Так то людишки ангарские, Пётр Иванович уже в знакомстве с ними! – воскликнул Бажень. – Мне дядько Богдан сказывал, он бывал там.

Бекетов тем временем пришёл в сознание и застонал:

– Напиться дайте, братцы, сухо мне.

Сахно, покопавшись у себя в мешке, протянул Матвею мешочек:

– В воду бурлящую кинешь, потом пить давай атаману – боль да немочь уводит. Снедные припасы есть?

Матвей кивнул.

– Там в лодке есть, а мы на злато ещё возьмём. Залазьте, да уходите вскорости!

Казаки спешно загрузились в лодку, первым бережно уложили под крытой кормой Бекетова. Через минуту лодка скрылась в ночной мгле. Сахно стоял на берегу и шептал оберег на сохранение жизни воина.

Некоторое время спустя со стороны острога слышались крики и громкая ругань. Из ворот стали выходить группы стрельцов и казаков с факелами и при оружии. Сахно вместе с помогавшими ему устюжанами залил костёр водою из котелка да стал собирать вещи.

– Уходить надо, до Красного Яра. Видал я струг чутка выше, охраны считай нету.

Байкал, посёлок Новоземельский. Август 7137 года (1629)

Родившегося в мае у Мышкиной сына назвали Ростиславом, Петренко настоял – дал имя в честь своего отца. За два с половиной месяца пищащий комочек округлился в розовощёкого карапуза с непомерным аппетитом. На подходе было ещё три женщины – медик из Мурманска и две из учёной партии. В самом центре посёлка заранее поставили просторную и светлую избу – прежняя, устроенная как медпункт, уже не годилась – небольшая да неудобно расположенная на отшибе, у первых ворот, она стала караульным помещением. А теперь для рожениц и маленьких детей будет свой, отдельный дом. Полиэтилена на окна ещё хватало, да со ставнями проблем не было, но разве это серьёзно?

– Да, надо решать проблему со стеклом. Что там нужно – кварц? Песок есть, отличный песочек. Уголь для высоких температур имеется. Хоть какое бы стекло сделать, чтобы свет пропускал – большего нам и не требуется, – осматривая со Смирновым новый дом, заявил Петренко.

– Надо с Вячеславом поговорить, – согласился полковник.

Радек, случайно услышавший о стекле, сразу заявил, что идея не осуществима, а если и выйдет что-то, то это стекло будет тяжёлым, мутным и с неровными краями.

– У нас нет необходимого оборудования для производства стекла, забудьте об этом!

– А ты можешь что-нибудь предложить? – спросил профессора Ярослав.

– Я? Нет, я не могу. Что там было в Московии? Бычий пузырь или промасленная ткань. Но полиэтилен гораздо лучше, тем более быков у нас нет.

– Ясно... Но всё равно с нашим инженером надо пообщаться. Ярослав, пошли тунгусов в Белореченский, им на лодках привычнее. Сейчас я Вячеславу письмо напишу.

Посёлок Белореченский. Август

Казаки заложили по чертежу одного из мастеров Вячеслава две крупные лодки. Поменьше и поуже струга, они должны были быть более быстрыми на воде, а на их борта крепились сбитые щитами доски, для защиты от стрел, при возможном нападении туземцев. На бумаге лодка чем-то напоминала ботик Петра Первого, только на строящихся планировалась крытая корма да мачта в центре. Прибывший из Удинского форта Кабаржицкий при обсуждении проекта настоял на том, чтобы на носу сделать оружейные лафеты. Приглашённый из Новоземельского Сартинов контролировал постройку бота, по ходу дела предлагая свои решения того или иного вопроса.

– А ну если сподобимся пушчонки сделать, то в самый раз будет, – говорил Фёдор Андреевич. – Ещё бы мотор ему и винт!

– Ну, пока у Репы только получается металл от земляных веществ отделять, белый чугун у него выходит. Эту крицу потом ещё очищать будут. А вообще, надо бы на том ручье, за северной стеной, запруду соорудить – меха качать водой гораздо лучше, – сообщил Вячеслав.

– Технологичней, – уточнил Кабаржицкий.

– Согласен, Владимир. Ручей тот нужно использовать.

– До мотора, видимо, ещё далеко, – констатировал Сартинов.

Евгений Лопухин сидел на левом берегу устья реки Белой, смотрел на реку, на лес да пожёвывал травинки, короче, находился в дозоре. На левом берегу редут, как называли это сооружение из небольших блоков отёсанного известняка и наваленной земли, был уже закон-

чен, на правом оставались ещё небольшие участки строительства. Укрепления представляли собой участки круговой обороны, нечто вроде некрытого дота. Подобное укрепление сейчас сооружалось на мысе острова посреди Ангары, только оно должно было быть несколько крупнее, и по двум сторонам укрепления возводили деревянные башенки.

Тунгусов он заметил издали, шло две лодки, причём шли они целеустремлённо в устье Белой. Кликнув Салаяева, он посмотрел в бинокль. Тунгусы как тунгусы, пусть поближе подойдут. Ринат тоже посмотрел в бинокль, определил в первой лодке сына Алгурчи.

– Куросава плывёт, – ухмыльнулся он.

Проплывая мимо солдат, Огирэ приветливо помахал им бумажным конвертом, зажатым в руке.

– Здравствуйте! Я с вестями от полковника!

«...вот и Радек заверил, что стекла не получится. Вячеслав, ты подумай, что можно сделать. Возможно ли стекло сделать или точно нельзя? Да и вообще, Андреевич, с тобой пообщаться надо, захвати Володю Кабаржицкого, когда поплывёте к нам».

– Стекло? Радек прав, думаю. Никакого стекла не выйдет. У Репы в кузнице уже получилось стекло пару раз – спёкшийся тёмный кусок. В принципе, реально сделать, но конечно, этому стеклу будет далеко до того, к которому мы с вами все привыкли.

– А зачем стекло, Вячеслав Андреевич? На Байкале городок был, то есть он есть. Короче... – запутался в словах Кабаржицкий.

– Ты о чём, Володя?

– О Слюдянке, слюде то есть!

– А ведь верно, слюда – отличный вариант для наших окон, они у нас небольшие. Заодно и осмотр местности сделаем, а то Ангару мы оседлали, а что у нас творится рядом – не знаем.

– Это крайний юго-запад Байкала. Можно отправить туда один струг на разведку. Если местных жителей встретим, то они должны будут знать о блестящем материале, – сказал Владимир. – Ну что же, решили! Но людей придётся задействовать смирновских, я уже не могу выделять своих на такое путешествие. Как два наших ботика построим, так и отправимся.

Москва. Ноябрь 7137 года (1629)

Снег белым покрывалом лёг на Москву и окрестности, злым холодом сковал леса и поля, лишь кажущиеся редкими людские жилища оставались тёплыми островками жизни в этой суровой снежной стране. Савелий Кузьмин, бывало, общался и с европейскими, и с азиатскими купцами, но они, будучи зимой на Руси, отмечали, что о подобном холоде нигде более и слухом не слыхивали. И лишь один раз голландский купец рассказал о холодах Студёного моря, что на пути в Архангельск, но там и люди-то не живут! «Так уж и не живут, – подумал тогда Савелий. – Это ваши не живут, а наши – и живут, и промыслы учиняют разные, на Грумант ходят, да зверя морского бьют бессчётно. Поморы, одним словом», – как сказал он тогда голландцу.

Прошедшая ярмарка не порадовала Савелия своими итогами, в прошлых годах барыши были больше, сейчас же в последние лет пять прибыль падает год от года, меха становятся всё дороже, чувствуется небольшое обмеление того пушистого потока, что был ранее. Оскудевает помаленьку ближняя земля уральская, выбивают зверя лесного, выбивают. Надо за зверем дальше идти, на новые земли – на сибирские, благо конца да краю их пока не видится. Придётся отправлять людишек своих торговых в Тобольск.

Вечерело. Кузьмин, засидевшись у муравленой, покрытой зелёной поливой, изразцовой печи да напившись вместо ужина горячего сбитня, решил было уже отправляться в спальню. Туда только недавно, по его приказу, натащили горшков с угольём, ибо сегодня Савелий мотался в возке по Москве, улаживая торговые дела, да продрог до костей. Накинув шубу,

купец хотел позвать Николашку, дабы в спальню девка принесла ему ещё горячего питья, как тот заявился сам и сообщил о прибытии некоего Никиты Микулича, человека Петра Авинова, новгородского боярина.

– Сказал он, что ведаешь ты о нём! Просит о беседе.

– Да, знаю я его отца, Иванко Микулича. Зови его, да скажи, чтобы несли сюда сбитня побольше, да снедного, горячего.

Разговор с неожиданным гостем продолжался до самого утра, Кузьмин был поражён до глубины души информацией, услышанной от Никиты. Он-то думал, что парень приехал просить денег или вспоможения в получении хлебного местечка, а тут на тебе, такие перспективы вырисовываются. Это непременно следует обдумать всё крепко, ведь прямая торговля с Китаем – куш немалый, без сомненья. Однако ему предлагают стать тем, кто первым заведёт эту торговлю, откроет дверь в Китайское царство для русских людей. Купец знал, что прежние походы в Китай, а их было уже два, успехом не увенчались. Но надобность в мехах для Китая была велика, это бывший в Пекине Иван Петлин уяснил, поэтому дело выгодное, сомненья тут нет. Но срываться из обжитой Москвы, бросая всё? Нет, это не дело, да и нельзя оставлять торговлю. Кузьмин в итоге Никите не сказал ни да, ни нет. Тут спешка не нужна, однако и отклонять предложение ангарского воеводы не стоит. Риск велик, но и барыши сулят быть велики.

– А ещё надобно выправить проездную грамотку мимо Мангазеи, – Микулич помнил, что пройти несколькими судам по волоку мимо острога будет невозможно, отец ему это доходчиво объяснил.

– Государь наш запрет свой наложил на сей ход, – удивился Кузьмин.

– Так то оттого, что иноземцы зверя ясачного там истребляют нещадно, – пожал плечами Никита, – особенно англичские немцы. А нам зверя и не надо, токмо проходу.

И Микулич поведал купцу о караване, что отправится за Енисей ради сыскания серебряных руд, так нужных Отечеству, и его прибыли да для купеческого достатка. Кузьмин сразу оживился, но посетовал, что по такому делу царь обязательно приставит к походу и своих людишек.

– Для погляду, нешто серебро без одного оставят? – объяснил он.

Микулич, подумав, решил, что раз этого не избежать, то придётся с соглядатаями смириться.

Савелий глянул на заснувшего в низком кресле Никиту, сколько ему годов? Под двадцать, поди, будет, как и моему первенцу – Тимофею. Да и схожи они. Только Тимоша волосом темней, да в плечах шире. Крепко задумался купец. Его внезапно осенило, он встал, с удовольствием потянулся, размял затёкшие от долгого сиденья члены да за стол уселся. Подвинув бумаги, он стал рассчитывать примерную долю, кою он может отрядить на путешествия Тимофея – своего наследника, продолжателя отчего дела. Выходило, что потратить на эту безумную затею он может третью часть своего состояния – целых две тысячи рублей. Савелий потёр уставшие глаза, спрятал бумаги да вышел из своего кабинета, застав в горнице дремлющего служку.

– Гостя спать уложить в опочивальне, как проснётся, мне сообщить. До того меня не тревожить. Отдыхать буду.

Ангара. Октябрь 7137 года (1629)

Максим Рязанцев, столяр-краснодеревщик из Архангельска, вёл по реке связку из трёх плотов с известняковым камнем и цементом к Ключ-острову, где сооружалось небольшое укрепление напротив Удинского форта. Эта крепостица на островке должна была запираť Ангару от попыток чужаков пройти выше по реке. В ней сейчас находилось три десятка человек, большинство – из Новоземельского посёлка и оба ботика, недавно введённых в строй и ставших первыми, не считая трофейных строуг, ласточками речного флота Ангарского края.

По этому поводу бывший капитан БДК-91 уже потирал руки, надеясь на нечто большее. Удинский форт, как базовый элемент обороны границы, был, выражаясь современным языком, сдан в эксплуатацию да всячески облагорожен. На его башне установили на длинном флагштоке одно из четырёх имеющихся полотнищ бело-сине-красной расцветки.

Взгляд Максима рассеянно скользил по тянущимся ангарским берегам. Потерявшие листву кустарники и деревья, оттого кажущиеся редкорастущими, сменялись стоящими стеной хвойными великанами, проплывали луга и перелески. Рязанцев оглядывал берега, мысленно приглядывая место, где бы можно было поставить домик, распахать землю и осесть себе тихонько, растя детей. Эх! Подобные мечтания сразу вызвали у Максима горький комок в горле и подступали, готовые вырваться наружу, горькие слёзы. На той стороне аномалии в Архангельске у него осталась беременная жена, родители, брат, куча друзей... А красивых мест, словно в насмешку, тут было во множестве. Да ещё хорошо, что угроза голода постепенно отступала. А ведь поначалу это сильно давило на нервы, люди вспоминали, как можно прокормиться в тайге. Уж дело доходило до корневищ камыша!

«Опа! Что такое?» – внезапно взгляд Максима зацепился за нечто, выдающееся из картины речного берега и леса. Нечто чужеродное. Да, точно! Красное пятно – человеческая фигурка на берегу отчаянно махала людям на плотках. Тунгусы на плоту, правившие длинными шестами, тоже заметили человека. Шумно обсуждая увиденное, они повторяли:

– Казак. Роса казак!

Максим заметил, что человек, махавший им, увидев, что его усилия увенчались успехом – его заметили, обессиленно завалился на спину. До острова оставалось минут пятнадцать хода по реке, с левого берега поднимался всё выше отвесный холм, который тот человек явно обходил через лес, поэтому и пропустил крепость.

– Чёрт возьми, скоро уже начнёт темнеть, – пробормотал Рязанцев, поглядывая на часы.

– Казак? – спросил Рязанцева стоящий рядом с ним тунгус.

– Да, наверное, – рассеянно ответил Максим, который видел уже эти красные казацкие кафтаны. Но приставать к нему не стал.

Наконец плоты уткнулись в песчаную отмель островка, подошедшие люди начали перекладывать стройматериалы, а Рязанцев, найдя глазами Сазонова, побежал к нему докладывать об увиденном на берегу человеке. Сазонов с полуслова понял сбивчивый доклад вчерашнего столяра и тут же приказал Максиму и ещё пятерым людям прыгать в ботик и везти сюда подававшего сигналы человека, но морпехам отдельно указал на возможность засады, а поэтому напомнил о страховке и бдительности. Рязанцев запомнил то место по крупным валунам, выдающимся из воды, у самого начала поднимающегося холма. Человек в красном кафтане оставался там же, только привалился к стволу высоченной лиственницы.

Морпехи, оценив обстановку, дали команду рабочим, и те бросились к казаку. Он был молод и безбород, лишь только редкие усы пробивались над верхней губой. Казак был очень слаб, видимо, долго плутал по лесу, пока набрёл на людей. Лицо его было осунувшимся, время от времени по нему пробегала гримаса боли.

– Откуда ты, парень? Ранен? Как зовут? – склонились над ним люди.

– Бажен... Бекетов там... – пробормотал казак.

– Бажен Бекетов, давай-ко мы тебя подыдем. Да в лодку... Осторожно! Подняли!

– У него кровь с кафтана капает!

– Отворилась рана... Стрела там, вытащил... – еле ворочал языком Бажен.

По прибытию в Удинский форт, парню оказали медицинскую помощь, да и рана оказалась не опасной, стрела лишь порвала кожу, повезло, что обошлось без нагноения. Сейчас Бажена отпаивали горячим куриным бульоном – прихваченные в нескольких кочевьях тунгусские курицы сейчас оказались очень кстати. Единственный их недостаток – весьма быстро они уменьшались в количестве.

– Это не Бекетов! – воскликнул прибывший с острова Сазонов.

– Я уже рассказывал о том. Бекетов, Пётр Иванович, атаман наш, болезный лежит, в трёх днях пехом отседа. Сховались они в чаще, а меня послали по реке иттить до Ангарского воеводства. К воеводе Вячеславу.

– Вячеславу? – спросил Сазонов.

Бажен кивнул.

– А Игната и Михайлу стрелами побили, худо им, а снедные припасы вышли все.

– А ну как брацкие людишки найдут их. Надо вертаться мне, поспешать зело нужно! – почти кричал казак.

Бажен, укутанный в одеяло, был уложен на лавку в крытой корме бота, где он немедленно уснул. Там же, между лавками, были сложены тюки с одеждой, предназначенные для Бекетова и его людей. Казак что-то бормотал во сне, вскрикивал, бывало. Командующим спасательным отрядом был назначен, в отсутствие Новикова, мичман Карпинский. Сазонов отметил, что Пётр, несомненно, стал гораздо серьёзнее за время, проведённое в новом мире, и заслуживает повышения. И вот первая самостоятельная операция, от которой зависело не так уж и мало. Надо было привезти в форт самого Бекетова, который сделал так много для освоения Восточной Сибири, человека, который... Стоп!

– А кто же теперь Якутск основывать будет?

– Ты чего, Пётр, какой Якутск? – спросил, не поворачивая головы, сидящий на борту Ким, то и дело осматривающий берега в прицел своей СВД.

Оказалось, Карпинский высказал свою мысль вслух. Теперь она казалась ему более весомой.

– Смотри, Серёга: мы привозим Бекетова в Удинское, и он, возможно, тут остаётся. Если раненый он, как Бажен сказал, то надолго. А там ещё убийство енисейского воеводы висит и государственная измена.

– Какая ещё измена? – удивился Ким.

– Неясно какая? С нами он общался, вот, как Бажен говорил, его воевода под измену и подвёл. Ну, это ладно, но ведь Бекетов теперь не сможет основать Якутск! Вот чего.

– Я так не думаю, Пётр. Ну не Бекетов, а кто-то другой это сделает. Какая разница?

– А такая, что всё пойдёт не так, как было, – воскликнул Карпинский.

– Так уже и так всё идёт не совсем так. Ты нас чего, не считаешь за такой же форс-мажор?

– А и точно! – удивился Карпинский. – Мы тут на Ангаре сидим, перекрыв её. А Иркутск как же?

– Кстати, по Иркутску Кабаржицкий говорил, что там место неудачное. Ангара зимой разливается, идущая с Байкала вода замерзает не сверху, а под поверхностью воды.

– Получается, вода прёт, а внизу лёд?

– Ну да, так что там на возвышенности нужно строиться.

– Если вообще нужно, – пожал плечами Карпинский.

Луна заливала тайгу мерцающим светом, играла бликами на воде. Стоящие у реки высокие деревья казались Петру домами, в которых отключили электричество, а гладь реки – улицей с зеркального блеска покрытием. Гребцы сменялись каждые три часа, Ким сидел уже на носу бота да клевал носом. Вокруг, кроме плеска воды, стояла тишина, изредка прерываемая звуками ночного леса да рыбьей игрой. Ни огонька на берегах так и не было встречено, присутствие человека не угадывалось. Что, несомненно, было не так, Карпинский был уверен, что люди тут есть – Ангара была что дорога для людей, её берега населяющих.

– Прохладно уже становится, – Карпинский привстал, размял кости. Вытянув из рюкзака пластиковую баклажку из-под минералки, напился ягодной вытяжки. Можно подремать до рассвета, а там уже нужно будет высматривать баженковский ориентир на правом берегу – одинокий лысый холм с красноватым боком. Карпинский проснулся от настойчиво бывшего

сквозь веки яркого света, октябрь радовал погодкой – сухо и тепло, на Ангаре стояли последние тёплые деньки осени.

Мягкий плеск воды и доносящийся с берега птичий посвист грозили снова убаюкать, поэтому Карпинский решительно встал на ноги. Сидящий на носу ботика в обнимку с винтовкой Ким помахал Карпинскому и кивнул на кормовую кабину, мол, как там Бажен. Пётр, заглянув туда, увидел, что казак всё ещё спит, развалившись на широкой лавке, и махнул Киму – всё нормально. Вдоль берега тянулся бесконечный хвойный лес, изредка перемежающийся вкраплениями лишившихся листьев рощиц берёзы. Тянулись заросшие лесом холмы, ботик шёл мимо красно-коричневых скальных берегов, каменных осыпей с голубыми пятнами лишайников, мимо плоских, перерезанных протоками островов – навстречу синим таёжным сопкам, среди которых им нужно было найти ту, о коей говорил Бажен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.